

18+

Валерий Бронников
Крылья Тайболы

Валерий Бронников
Крылья Тайболы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бронников В. В.

Крылья Тайболы / В. В. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В начале семидесятых годов прошлого столетия молодые люди свято верили, что скоро будет построен коммунизм и наступит всеобщее благо. В посёлке Тайбола намечалось грандиозное строительство авиационного комплекса. Люди холостые и семейные, в возрасте и совсем молодые, с разными характерами и судьбами потянулись со всех уголков России в таёжный посёлок, где намечалось строительство. Им всем предстояло стать единым коллективом и вместе работать. Эта книга об инженерах гражданской авиации, их нелёгком труде, активном отдыхе, о тех, кто выпускает самолёты в полёт.

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работает по профессии более 50 лет и по настоящее время. Автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора Дикимой Натальи Валерьевны «Здесь морошка растёт».

– Ты знаешь, сегодня мы идём в ресторан. Там я тебе всё и расскажу, – Якутин энергично махнул рукой, одновременно приглашая с собой и, показывая, что возражений не принимает. Пётр Васильевич выглядел довольно молодо. Он только-только отбыл положенный срок в далёкой Амдерме по распределению после авиационного училища, на краю России, да и, пожалуй, Земли.

Энергии и организаторских способностей ему не занимать, а хорошо подвешенный язык знал, где, что и когда надо сказать. Поэтому его заметили и оценили именно не по ударной работе, а по его способности ладить с любым собеседником и обещаниям решить, казалось бы, неразрешимые задачи. Главный инженер управления Халтурин, пригласив его на собеседование, принял решение, что этот человек ему подходит. Якутин находился на распутье: из Амдермы практически выбыл, а на новом месте нигде не приземлился. На переезд с семьёй требовались немалые средства, а тут случай как раз и подвернулся: Халтурин предложил возглавить инженерно-авиационную службу во вновь образуемом авиационном предприятии в таёжном селе Тайбола.

Его собеседник, бывший однокашник и друг Брызгалов Виктор Алексеевич работал в Архангельске. Сейчас Якутин пришёл к нему в общежитие только с одной целью: завербовать к себе на работу в Тайболу, зная его отлично по характеру, работоспособности и по личным

качествам. Авиационное училище их сблизило, сдружило. За два с половиной года учёбы они успели разглядеть друг у друга все сильные и слабые стороны.

Якутин промахнуться не боялся. Его друг уже через два года работы неплохо шагнул по служебной лестнице, имея среднее образование, занимал инженерную должность.

– Так как, в ресторан мы идём? – повторил вопрос Пётр Васильевич.

– По ресторанам я не хожу и не люблю рестораны. Если хочешь, давай посидим культурно за столом в общаге.

– Нет, я приглашаю тебя на серьёзный разговор, значит, всё должно быть по-взрослому и по серьёзному. О деньгах не думай, я угощаю.

– Я угощаться за чужой счёт не приучен, а сам финансами на ресторан не располагаю – это тоже причина отказа.

– Если это главная причина, значит, идём. Собирайся!

– Я не готов идти в ресторан. У меня нет даже приличного костюма.

– А разве ты плохо одет? В этом и пойдёшь. Там будут точно такие же люди, многие с копеечкой в кармане и не имеющие запасного костюма. Считай, что мы даже на голову выше. В авиацию кого попало не берут! А ты вообще должен каждый день обедать в ресторане, ты и в училище считался мудрее меня и сейчас на работе человек не последний, я уже наводил о тебе справки.

– Разве нашей дружбы недостаточно и обо мне надо наводить справки? – спросил, почему-то обидевшись, Брызгалов.

– Извини, ты может меня неправильно понял. Позднее я тебе всё объясню, зачем мне понадобились о тебе справки.

Якутин по возрасту на два года старше Брызгалова и выглядел намного его солиднее: широколицый, среднего роста с не очень густой шевелюрой, он больше напоминал оперившегося начальника, чем молодого инженера. Брызгалов же, наоборот, выглядел тоненьким, худеньким и похожим больше на пацана, чем на инженера.

Эти разные качества не мешали им водить дружбу, не смотря на солидную разницу в возрасте, в два года. Они дружили в училище, а потом, когда судьба их после выпуска из училища разбросала по просторам Советского Союза, не забывали друг о друге.

– Так ты чего долго возишься? – нетерпеливо спросил Якутин.

– Надо побриться, – просто сказал Виктор.

– Разве в ресторан ходят только бритые? Впрочем, ты прав, по такому случаю можно и побриться. Мы же не грузчики, а как-никак инженеры! Заканчивай, друг, наводить блеск и отчаливаем. Нас ждут великие дела!

Якутин пришёл одетым по форме, но пиджак он в общежитии снял, заменив его на вязаную жилетку.

– Теперь мы не авиаторы, а обыкновенные граждане, – сказал он, – При знаках различия водку пить не запрещено, но неприлично.

– Мы будем пить водку? – наивно спросил Виктор.

– Позволь, а зачем же мы тогда идём в ресторан?

– Не знаю, я в рестораны не хожу, – повторил Виктор свою фразу.

– Значит, теперь в рестораны ходить будешь, а со мной тем более!

До ресторана они ехали сорок минут на автобусе в центр города, где находились самые престижные заведения. Якутин повёз Виктора в самый центр, в самый престижный и дорогой ресторан того времени. В этот ресторан ходили не только приличные люди, желающие провести свой вечер в кругу образовавшейся компании, но и фарцовщики, перекупщики, тунеядцы и разного рода проходимцы, занимающиеся своим, не вписывающимся в рамки социалистической жизни, делом.

– Хорошо живёшь, раз имеешь возможность ходить в такие рестораны, – прокомментировал Виктор.

– А разве мы не в Полярной авиации работаем? Разве мы не с Крайнего Севера? Разве мы плохо зарабатываем? – Якутин даже обиделся, – Кому тогда ходить в рестораны, если не нам? Или ты считаешь, что туда должны ходить городские клерки и дворники?

– Не знаю. Я всегда считал, что в ресторане изысканная публика.

– Вот мы с тобой эта самая изысканная публика и есть. Мы решаем стратегические задачи, значит, нам всё позволено, все радости жизни.

Виктор промолчал. Они вошли в раздевалку, поэтому он сразу напрягся и почувствовал себя как-то неуверенно и неловко. Ему казалось, что все на них смотрят. Спасало его только то, что он везде следовал за Якутиным, который чувствовал себя, как дома, не стесняясь и не церемонясь. Пётр быстро нашёл нужный столик и сделал заказ подошедшей официантке.

Процесс неспешного поедания закусок немного снял с Виктора напряжение. Он разглядывал публику, слушал музыку, которая только-только пробуждалась у медлительных и сонных музыкантов, хотя они-то знали, что сейчас музыка не очень и нужна; они также знали и то, что вскоре им придётся трудиться на «полную катушку», когда подвыпившая публика захочет танцевать.

– Так вот, пригласил я тебя на серьёзный разговор, – начал монолог Якутин, когда они налили по второй стопке, – Образовывается новое авиационное предприятие, можно сказать с нуля, в таёжном посёлке Тайбола. Перспективы открываются невероятные. Я приглашаю тебя со мной работать. Меня туда назначают начальником авиационно-технической базы, а мне нужен хороший, толковый, надёжный помощник. Лучше твоей кандидатуры я не вижу. Повидал я инженеров уже не мало, но приглашаю тебя, мне нужен ты.

– Разве в управлении мало опытных и толковых грамотных инженеров с высшим образованием? – возразил Виктор.

– Инженеров много, но мне нужен ты, человек, на которого можно опереться и положиться. Мне уже дали двух толковых инженеров со второго отряда, но я их почти не знаю. Это всё равно, что брать кота в мешке, а тебя я знаю!

– Ты знаешь меня курсантом с училища, а время прошло, мы меняемся. Теоретически я ехать совсем не против, так как не хочу жить и работать в городе, но у меня куча проблем: развод с женой; подходит очередь на квартиру; опять же на работе никто не отпустит; ребёнок растёт, который отца должен видеть живого, а не на картинке или фотографии.

– С работой решить вопрос проще всего: один звонок Главного инженера и всё решится. А остальные свои проблемы решай и чем быстрее, тем лучше, а также начинай подбирать надёжных ребят. Все будут оформлены с переводом и ничего не потеряют. Торопись! Я уже туда еду. Надо принимать со второго отряда самолёты, часть техников и инженеров. У меня тоже жена и ребёнок, которые находятся пока в Амдерме. Будем решать семейные проблемы вместе в процессе работы. Вместе мы можем сделать очень много. Мне без тебя будет трудно, а ты здесь такого продвижения не получишь, как на новом месте.

– Я же тебе согласие дал, только с отъездом отсюда повременю, а людей подберу, будь спокоен. Некоторые техники могут поехать прямо сейчас, но их никто туда не берёт без твоего согласия.

– Я согласие дам, если на это будет твоё одобрение. Мне нужны надёжные работники, а не пьяницы и тунеядцы, – неожиданно Якутин спросил:

– Хочешь, я сейчас об этом скажу всем присутствующим?

Виктор поперхнулся на полуслове:

– Ты что? Здесь же ресторан! Кому интересны наши проблемы?

– А чего стесняться? Здесь сидят люди. Если они не дураки, всё поймут. Почему я не могу о наших делах сказать всем? Пусть люди послушают, позавидуют. Не мы их должны бояться, а они пусть боятся нас!

Подошла официантка. Якутин что-то зашептал ей на ухо.

– Не волнуйся, Витя, я контакт наладил, – сказал он, когда официантка ушла, – Мы возьмём перед уходом вина с собой.

– Но на вынос в закрытой таре не продают! И в открытой тоже, – неуверенно добавил Виктор.

– Нам продадут! Зря что ли я шептал ей на ухо. Мы возьмём её с собой вместе с вином, а ей на вынос можно. Ты теперь понял, как я решаю проблемы: не дают вино на вынос – мы берём его вместе с официанткой и вопрос решается положительно в нашу пользу.

– Ну, ты даёшь! – только и сказал Виктор, – Такими методами ты действительно построишь предприятие.

– Мы можем всё! Просто ты этого пока не понял, а я это понял уже давно. Кто, если не мы? Разве другие люди лучше нас? Я знаю, как ты учился, у тебя красный диплом, а таким дипломом не многие могут похвастаться. Ты и чертежи мне все делал. Неужели кто-то другой лучше тебя построит предприятие? Даже не сомневайся, предприятие будем строить мы!

Откушав вволю напитков и закусок, инженеры вышли на улицу. Летнее солнце даже поздним вечером не давало спуститься на город сумеркам. До последнего автобуса в аэропорт, где находилось жильё Брызгалова, оставалось совсем немного времени. Вечерняя лёгкая прохлада давала о себе знать, но не остужала празднично настроенные души, освежала.

– Немного подождём, – сказал Пётр, – Сейчас Мария закончит работу и выйдет. Она же вынесет вино и шампанское.

– Ты раньше с ней был знаком? – спросил Виктор.

– Нет, я её впервые вижу.

– Как же ты с ней сумел так быстро договориться?

– Ничего сложного тут нет. Она обыкновенный человек, а именно сегодня не хочет ехать к мужу – это я прочитал у неё по глазам, – Пётр Васильевич рассмеялся, – Я вызвал такси, сейчас оно подъедет, автобус сегодня не наш транспорт.

– Шикарно живёшь!

– Разве мы не заработали на такси или хуже других выглядим? Тебе, Витя, пора привыкать к взрослой жизни, а не быть великовозрастным комсомольцем!

– А я и есть комсомолец и по возрасту тоже. Мне всего двадцать четыре года!

– Я знаю это и знаю, что энергии у тебя хватит на десятерых! Я еду к тебе в гости, а ты найдёшь, где переночевать самому? – неожиданно спросил он, – Я пригласил женщину, неудобно в одной комнате ночевать втроём.

– Переночую я в общежитии, но утром мне на работу, поэтому приду рано.

– Об этом не беспокойся. Когда ты придёшь, её уже не будет.

Со следующего дня Брызгалов стал подбирать людей в свой будущий штат. Мысленно он находился уже в новом предприятии, хотя сам себе пока в этом ещё не мог признаться. Оказалось, что о новом предприятии знают все, но не все знали, как туда попасть, хотя некоторые специалисты такую идею в уме вынашивали. Якутина почти никто не знал. Слышать слышали, а общаться не приходилось, а без одобрения Якутина вряд ли бы взяли на работу, даже при дефиците кадров.

А тут представился такой удобный случай: свой инженер ходил и всем предлагал работу в новом предприятии. Сначала все приняли это за шутку, а, разобравшись, поняли, что всё очень даже серьёзно. Брызгалов друг у Якутина, а значит его слово очень весомое. Люди стали давать своё согласие: кто-то хотел иметь больше заработок, кто-то хотел работать в сельской местности, а некоторые, как и Брызгалов, оказались без семьи и им всё равно, где работать.

Десяток человек Брызгалов набрал очень быстро. Некоторых нужных людей, которые предпочитали жить в городе, уговорить не мог, но и без них нашлись все необходимые специалисты.

Виктор объяснял, что заявление о переводе можно писать сразу и с любой визой прямого начальника идти на подпись к Главному инженеру управления, который решит вопрос с переводом, а о приёме на работу в новом предприятии Брызгалов визу гарантировал. Ему люди верили. За время совместной работы Виктор заработал авторитет и являлся на предприятии не последним человеком.

Специалисты один за другим потянулись в Тайболу. Вопросов с транспортом для переезда не возникало. Самолёты Ли-2 и Ил-14 сновали, как челноки, в Тайболу и обратно, перевозя грузы, почту, пассажиров и выполняя заказные рейсы экспедиции. Проезд, перевоз вещей и семьи оплачивало вновь образованное предприятие, да ещё выплачивало приличные подьёмные, чтобы человек мог обустроиться на новом месте.

За короткий срок все, кто хотел уехать, переехали на новое место работы. Только Виктор Алексеевич всё тянул с отъездом. Никак не решался вопрос с получением новой квартиры. В построенном доме квартиры ему не досталось. Он стал ждать другой новый дом, который достраивался. В итоге через девять месяцев он не получил квартиру и в этом доме. Тогда Виктор сразу написал заявление и пошёл к начальнику базы.

– Я не могу тебя отпустить, – сказал начальник.

– А я работать так больше не желаю, поскольку жилья мне не дали. Пусть работают те, кто получил новые квартиры. Квартиры нет, значит, мне здесь делать больше нечего, – категорично сказал Виктор и положил заявление начальнику на стол.

– Я заявление не подпишу, – сказал начальник технической базы.

Во время их разговора в кабинет зашёл Главный инженер управления.

– Что у вас тут за разборки? – спросил он.

– Вот, хочет ехать в Тайболу, а у меня не осталось работников, – сказал начальник технической базы.

– Давай сюда заявление, – Главный инженер протянул руку.

Виктор подал заявление, на которое он тут же наложил визу о переводе в Тайболу.

– Иди, оформляйся, – сказал Халтурин.

Брызгалов выскочил за дверь. Больше его в городе ничего не задерживало. Он давно решил, что вещей никаких не повезёт. Комната в городе остаётся за ним по брони. А там, на новом месте, он пока не имел никакого представления, где будет жить, скорее всего, в общежитии. Он знал, что в общежитии найдутся и койка, и постель, и тарелка с ложкой. В конце концов, он едет работать, а не прохлаждаться!

Взял он с собой только деревянные лыжи и ружьё, поскольку с детства являлся заядлым охотником.

Аэропорт его встретил обычной суетой. Сновали люди: пассажиры и обслуживающий персонал, ходили пилоты в синей форме и фуражках не только с прилетевшего самолёта, но и много других; между ног бегали собаки, выискивая только им ведомые тропы и направления. Оградка вокруг двухэтажного деревянного здания по самый верх завалена снегом, а перрон, наоборот, гладко вычищен. Трап, сваренный из труб и с приваренными ступеньками, к высокому дверному проёму самолёта ИЛ-14 подтащили грузчики.

Виктора встречали. Естественно, тут стоял его друг Якутин и какие-то ещё люди, с которыми Брызгалов пока совсем незнаком.

Якутин поздоровался за руку и сказал Брызгалову:

– Знакомься – это инженеры.

Виктор поздоровался за руку с каждым. Тот, что был щуплым, невысокого роста, похожим больше на пацана, чем на солидного инженера, представился:

– Евгений.

– Серый Евгений Анатольевич, – поправил его Якутин.

Второй инженер в возрасте выглядел лет на пятьдесят, с нескладной долговязой фигурой, но, как многие «слоны»-механики, без лишних запасов в фигуре. Он сказал:

– Старший инженер ОТК Зимин Алексей Александрович. А где Ваши вещи? – спросил он.

– Все вещи со мной, – сказал Виктор, указывая на ружьё и, забыв, что брал с собой ещё лыжи.

– Будешь жить с Алексеем Александровичем в его квартире, – сказал Якутин, – Он сейчас тебя до места проводит. Сегодня обустраивайся, а завтра к восьми на работу. Кстати, у тебя сегодня уже рабочий день, так что в зарплате ты ничего не потеряешь. А вечером я зайду в гости.

– Гостям всегда рады, – ответил Брызгалов, – Только пока я сам гость. У меня в будущем жильё нет даже своей стопки, не говоря уже о том, что нужна стопка и для гостей, – пошутил он.

– Мне бы твои заботы! Чего-чего, а стаканы для чая всегда найдутся. Если не хватит у Зимина, принесу я, а он получит от меня замечание.

– Нет-нет Вы не беспокойтесь! – как-то засуетился старший инженер ОТК, – Посуда у меня есть и три стула, подаренных на новоселье, тоже имеются.

Жильём оказалась двухкомнатная квартира в деревянном доме. В подобной квартире располагалось общежитие техников в этом же доме, только в другом подъезде, а сверху над техниками общежитие пилотов. Две обшарпанных печки украшали внутреннее убранство. Возле большой печи в комнате лежали дрова и стояла кочерга из авиационной ленты-расчалки. Три железные кровати больше напоминали общежитие, чем квартиру.

«Очень даже недурно для временного проживания», – подумал Виктор.

Трудовой договор он заключил на три года и считал себя здесь человеком временным. Квартира выглядела обыкновенно, со стенами оклеенными невзрачными обоями. Нехитрая посуда и редкая мебель являлись собственностью Зимина, но не его личные, а собранные в своё время с миру по нитке.

– Сразу видно авиационного человека, – сказал Виктор, указывая на кочергу.

– Меня здесь иногда навещает жена, – ответил Зимин, – Поэтому я и живу один в квартире. Теперь нас будет двое, значит, печку будем топить по очереди. Сейчас я согрею чай, немного перекусим, а так мы питаемся в столовой, дома только вечерний чай.

– Жена с Вами не переехала? – спросил Виктор.

– Она не захотела покидать город и надеется, что я скоро вернусь. С твоим приездом, я думаю, инженерные дела пойдут в гору, а я, наоборот, буду свёртывать своё здесь пребывание после того, как освоишься и сможешь самостоятельно работать. А вообще мы о тебе уже наслышаны, ждали приезда.

Зашёл Якутин:

– О, я вижу, вы тут уже освоились! Я с работы ушёл, взял отгул до утра. Там и без меня справятся. Инженер Серый будет за всех. А так, я тебе скажу, Витя, дела не очень. Инженеров катастрофически не хватает. Я думаю, ты со временем возглавишь ОТК. Опыта тебе уже не занимать, а тут ты наведёшь порядок хотя бы в бумагах.

– Позволь с тобой не согласиться, – сказал Зимин, – Его надо ставить на весь участок. Ты его хочешь сделать старшим инженером, вот и пусть он возглавит участок технического обслуживания, весь целиком, а я буду заниматься бумагами. У меня и возраст для этого подходящий.

– Мне-то всё равно, как вы поделите должности, главное, чтобы на работе не передрались, – пошутил Якутин.

– Драться пока не из-за чего: должностей много, а людей нет, – ответил Зимин, – Будем друг другу помогать.

– Конечно, с твоим опытом, Александрович, трудно тягаться. Ты видишь, я начальник, а со всем с тобой соглашаюсь. Завтра я тебе, Витя, покажу наше хозяйство и познакомлю с главным руководством. А потом забирай свой участок и руководи. Половину людей ты знаешь, сам набирал, а с другой половиной познакомишься, можешь через Алексея Александровича. Он с ними работал и всех знает.

За окном давно наступила темнота. Короткий декабрьский день, не успев появиться, превратился в длинную полярную ночь. Инженеры долго говорили о накопившихся делах, о людях, о проблемах, о жилье и о многом другом. За плохо зашторенным и замороженным окном ничего не просматривалось.

– В этом же подъезде живут командир объединённой эскадрильи, первый секретарь райкома партии и военком, – сказал Якутин, – Вы тут сидите, а я пошёл домой, соскучился по жене.

– А ты где живёшь? – спросил Виктор.

– Здесь же, только в среднем подъезде – это наш аэрофлотовский дом. Других пока нет, хорошо хоть этот подвернулся на первое время.

Якутин попрощался и ушёл.

– Ну что, спать будем? – спросил Зимин.

– Давай спать. Утром у меня тяжёлый день, да и у Вас наверно не легче.

– На работу я тебя уведу, не беспокойся. Я просыпаюсь рано. Опаздывать у нас вообще не принято, в восемь часов мы должны находиться у начальника в кабинете.

– Так строго?

– Так принято. Это здесь мы все друзья, а на работе только по имени-отчеству и официально, иначе не будет никакой дисциплины.

– Согласен, – сказал Брызгалов, уже засыпая.

Утром они пришли в аэропорт затемно.

– Вон видишь, метров через пятьсот виднеется здание, туда мы и пойдём. Не сойди с тропинки, иначе увязнешь в снегу, – предупредил Зимин и добавил, – Сначала пойдём по перрону, а потом по тропинке среди сугробов.

– По снегу ходить я приспособлен, а тропинку угадаю ногами, к этому мне не привыкать, а как же рулят самолёты на взлётную полосу? – спросил Виктор.

– Для них рулёрка рассчитана, а тропинка пролегает вдоль этой рулёрки, пояснил Зимин, – Скоро рассветёт, сам всё увидишь. Внутри, в здании, у нас печка-буржуйка, сделанная из бочки. Другого обогрева нет и каких-либо удобств тоже. Здание построено своими силами, в эксплуатацию ещё не сдано, хотя мы давно его эксплуатируем, не на улице же располагаться конторе!

– А где все остальные начальники?

– Есть ещё одно здание, именуемое штабом. Оно отапливается от котельной и находится на окраине посёлка, там, откуда мы пришли. В штабе много женщин, поэтому условия лучше. У нас тоже имеются женщины, которые переносят все тяготы и лишения наравне с нами. А вообще, когда бочка нагреется, у нас тепло и даже жарко.

– Примерно это я и ожидал, – сказал Брызгалов, – Раз строится новое предприятие, да ещё своими силами, да ещё с выполнением основной работы. А как с обслуживанием самолётов, справляетесь?

– Примерно процентов на шестьдесят. Туго с запчастями, со снабжением и пока с личным составом. Пилоты бухтят, но летают на том, что выдаём. Хотя они работают тоже не в тепличных условиях, приспособились к нашему северному краю. Личный состав набран со всего Советского Союза, так что привыкай.

Инженеры подошли к зданию.

– Это бывшая школа. Перевезли из деревни. Не удивляйся, что внутри ничего нет, а из стен торчит пакля, – пояснил Зимин.

Инженеры сразу вошли в кабинет начальника АТБ, который являлся и производственно-диспетчерским отделом и инженерной, и комнатой для обогрева. В нём царило тепло. Диковинная железная печка топилась и отдавала своё тепло внутрь помещения, а дым выходил наружу по причудливой трубе, вставленной в оконную форточку. Брызгалов заметил, что присутствующие люди смотрят на него, как на диковинку. Он знал, что Якутин о нём прожужжал все уши, а теперь люди смотрели на нового инженера воочию.

Из мебели в кабинете виднелись три обшарпанных стола и несколько стульев. За двумя столами сидели две женщины, а третий стол занимал начальник АТБ. В соседней комнате-прихожей тоже имелся стол, который сейчас стоял свободным, но как только инженеры вошли, туда переселилась одна из женщин примерно сорокапятилетнего возраста. Вторая женщина осталась в инженерной. Подошёл Серый Евгений Анатольевич. Он принёс с собой уличный холод, но сам выглядел тепло одетым. Заметно, что ему совсем не холодно, но он, видимо, по привычке, протянул руки к «буржуйке», то ли проверяя наличие тепла, то ли грея замёрзшие руки.

– А ребята крутят гайки на морозе. Тепляк для двигателей насквозь продувается ветром, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ладно, расслаживайтесь, – сказал Якутин, – Для начала я вас познакомлю с нашим пополнением.

Он представил Брызгалова, а затем поочерёдно всех присутствующих и объявил:

– Виктор Алексеевич будет старшим инженером участка, всего участка. И подчиняться будет непосредственно мне, – уточнил он, – Опыт у него большой, правда, он не изучал самолёт Ан-2, зато прекрасно знает его двигатель. Поэтому, Виктор Алексеевич, – сказал он конкретно Брызгалову, – Ваша ближайшая задача изучить самостоятельно самолёт и сдать мне экзамен. Я думаю, Евгений Анатольевич с Вами опытом поделится, ну и Алексей Александрович тоже поможет. Приказ о приёме Вас на работу и о назначении на должность сегодня будет руководством подписан, об этом я позабочусь, а, впрочем, мы сходим вместе. Я познакомлю Вас со штабными «бумагомараками». Пусть посмотрят на прибывшего инженера! Какие задачи у нас сегодня, Евгений Анатольевич? – спросил он у Серого.

– Дела не очень хороши. Самолётов исправных не хватает. Пилоты жалуются, а мы ничего не можем сделать, не справляемся. Большие самолёты снуют, как челноки. Люди не успевают бегать от самолёта к самолёту.

– Вот тебе ближайшая задача, – сказал Якутин Брызгалову, – Посмотри организацию работы, может, изыщешь резервы, но с плеча не руби, опирайся на опыт Евгения Анатольевича.

– Задача понятна и прозрачна. С самолётами я общий язык найду, ну, а с людьми, я думаю, тоже.

– Вот видите, каких я инженеров нахожу, – похвастался Якутин, – Сразу берёт быка за рога.

Все скромно промолчали, не решаясь возражать начальнику или как-то задеть самолюбие нового инженера.

Якутин, закончив совещание, повёл Брызгалова за собой. Когда проходили мимо вокзала, Брызгалов заметил, что изо всех окон, где располагались молодые радиооператоры, в основном девушки, на них глядели любопытные лица. Скорее всего, смотрели не на них, а на него, неженатого парня, потенциального жениха. Около отдела перевозок их встретили две женщины, работницы этого отдела.

– Это почему, Пётр Васильевич, ваши работники оставляют свои вещи в самолёте? – строго обратилась одна из них к Якутину.

– Какие вещи? – недоумённо спросил Якутин, – Ты, Витя, разве не взял свои вещи?

Только сейчас Виктор вспомнил, что при нём были деревянные лыжи, которые он забыл в самолёте.

– Это моя вина, – сказал он, обращаясь к женщинам, – Я забыл свои лыжи.

– Хорошо хоть голову не оставил, – сказала Эльза Ивановна, диспетчер отдела перевозок, – С тебя причитается.

– Понял, – только и сказал Виктор.

– А это наша столовая, – Якутин, шагая дальше, махнул в сторону приземистого здания, напоминавшего избушку на курьих ножках. Только ножки оказались спрятаны в снегу, как и само здание, выглядывавшее из сугробов снега верхними частями окон и дверьми, где снег тщательно удалён и расчищена дорожка, – Там у нас две такие «поварёшки», впрочем, сам всё увидишь. Кормят они хорошо. Всегда есть блины. В основном все здесь и питаются. Женатиков мало, а жители общежитий этой кормёжкой довольны.

От столовой до штаба всего метров триста пути по расчищенной от снега дороге. Штаб представлял из себя длинный барак с множеством окон.

– Верхний этаж и левое крыло занимают «женатики», что-то вроде семейного общежития с общим коридором, – сказал Якутин, – Надо же было куда-то девать семейных! Вот и придумали такой способ размещения. Те, что в левом крыле, имеют что-то вроде квартир, состоящих из двух или трёх комнат. Комнаты соединили проёмами, а выход из них в общий коридор.

В штабе тоже имелся общий коридор. Из кабинета в кабинет сновали какие-то люди, мало обращая внимание на вошедших. Они кивком головы здоровались и тут же исчезали за дверями. Якутин сразу повёл Брызгалова к командиру объединённой эскадрильи.

– Разрешите войти? – спросил он, распахивая дверь.

Брызгалов заметил, что входил он, как к себе домой, не робея и не церемонясь, но разрешение всё же спросил.

Человек, сидящий за огромным столом в виде буквы «Т», кивком головы разрешил войти и указал рукой на стулья, стоящие вдоль стола.

– Это наш новый инженер, – представил Якутин Брызгалова, – Привёл его показать и представить по случаю вступления в должность. Надо бы, Альберт Ибрагимович, издать сегодня приказ, а то человек совсем на мели. И не мешало бы ему выписать небольшой аванс.

Брызгалов ничего подобного не просил, но забота своего непосредственного начальника ему понравилась, как, впрочем, понравился и командир, сорокалетний мужчина, полноватый, невысокого роста, в кожаной куртке. Его лицо, как, впрочем, и имя-отчество мало напоминали северянина. Он поздоровался за руку и тут же пообещал всё сделать вчерашним числом, чтобы не образовалось перерыва в работе.

– Аванс выпишем, а Вы, Виктор Алексеевич, приступайте к работе и решайте вопрос с исправностью. Самолётов катастрофически не хватает, имеются только для перевозки пассажиров, а у нас ещё обслуживание экспедиции. Им мы самолёты не додаём. Впрочем, я заморачивать этими вопросами не буду. Пётр Васильевич наверно посвятил Вас в курс дела. Если ко мне есть вопросы, задавайте, если нет, Петра Васильевича я ещё задержу на пару минут.

Брызгалову ничего не оставалось, как покинуть кабинет. Он вышел в приёмную, где сидели начальник штаба и секретарь, и сел на свободный стул.

Якутина ждать пришлось полчаса.

– Ты, Витя, извини, я немного задержался, пойдём, – сказал он, не замечая больше никого, кроме Виктора, – Командир лётной эскадрильи летает, поэтому идём в плановый. Там работает свой человек, кореш, я познакомлю.

В плановом отделе находились мужчина и две женщины. Они едва вмещались в маленькой тесной комнатке, зарывшись в горы бумаг.

– Пойдём, покурим, – сказал начальник отдела, когда инженеры вошли.

Он курил, поэтому появление новых людей у него оказывалось своеобразной отдушиной, чтобы исчезнуть из кабинета. Иван Алексеевич Вицын выглядел молодо, одних лет с Виктором, высокий, симпатичный и общительный. На таких красавцев обычно «вешаются» женщины.

– Вы оформляться? – спросил он и, не дав Якутину ответить, сказал:

– Всё сделаем. Пусть сдаёт трудовую книжку и своё заявление. Оклад будет тот, что предусмотрен штатным расписанием, выше прыгнуть я не могу. А сейчас я с вами просто постою и покурю, целый день сижу с женщинами.

Все рассмеялись. Закончив процедуру, он сам повёл всех в отдел кадров – такую же тесную комнатку с единственным обитателем, пожилым мужчиной, худощавым и лысоватым, с небольшим клочком волос на голове. Одет он, как многие в этом заведении, в форменный пиджак, который сидел на его худощавой фигуре слишком мешковато. Вицын забрал у Брызгалова трудовую книжку, протянул её инспектору отдела кадров и велел инспектору готовить приказ о приёме на работу, пообещав, что подписанное заявление занесёт секретарь.

– Пойдём, – сказал Якутин, – Здесь все дела сделали, Ты, Иван Алексеевич, извини, мы заскочим в бухгалтерию и пойдём работать.

Вицыну не хотелось уходить обратно в тесный кабинет, но возражать он не посмел.

– Сейчас познакомлю с нашей симпатичной Главной бухгалтершей, – сказал Якутин, когда они остались одни.

Они зашли в бухгалтерию в углу здания. Кабинет состоял из двух смежных комнат, довольно просторных для двух человек, которые там находились.

– Вот, Ирина Михайловна, наш новый инженер, – представил Брызгалова Якутин, – Он оформляется на работу. Ему надо выписать аванс и не тянуть с подъёмными, а то он не может выставить даже «чекушку» по случаю вступления в должность. С командиром я уже говорил.

– Командир нам не указ, – пошутила Ирина Михайловна, – Захотим – выпишем, а захотим и не выпишем. Всем подряд мы деньги не раздаём.

– Я думаю, он нам ещё пригодится, – ответил Якутин, – Лучше выписать.

– Ладно, пусть зайдёт к концу дня.

Они вышли опять в длинный сумрачный коридор. Электрические лампочки его освещали, но каким-то тусклым и бледным светом. Шероховатостей отделки стен и неровного пола здесь никто не замечал.

– Здесь все дела сделаны, – подытожил Якутин, – К замполиту я не поведу, сам познакомись, а с командиром лёгкой эскадрильи познакомлю как-нибудь позже, но имей в виду – это не наши люди, в разговоре будь осторожен и лишнего не говори.

– Понял, я вообще пока ничего не говорю, только присматриваюсь. Картина в целом мне понятна, часть людей увидел, получу спецодежду и буду знакомиться с техниками, половину которых пока не видел и не знаю.

– Ну что ж, пойдём, я всё же покажу тебе столовую изнутри, а потом продолжай оформляться, а я займусь делами. Завтра приступишь к непосредственной работе. Утро у нас начинается с разбора, а потом уже каждый занимается своим делом, но в целом наша задача поставлять самолёты для пилотов.

Они подошли к зданию столовой и зашли внутрь. В столовой находилось много людей, в основном пилоты, но, не смотря на большое количество народа, в помещении довольно чисто и уютно. Царила деловая обстановка: одни, пообедав, уходили, а другие приходили. Из пилотов Виктор никого не знал, а Якутин с каждым, кто встречался на пути, здоровался за руку. Здесь же они и встретили командира лёгкой эскадрильи и командира звена. Командир эскадрильи Репанов Андрей Николаевич высокого роста, на вид ему Брызгалов дал бы не больше тридцати. Он весь сверкал нашивками и аэрофлотовскими эмблемами, с «дубами» на козырьке фуражки. Лицо его выглядело волевым и малоподвижным. Командир звена Раев Дмитрий Сергеевич, наоборот, невысокого роста, немного полноватый, чернявый, на первый взгляд казалось, что

даже небритый, но на самом деле он тщательно выбрит, а корешки чёрной щетины проступали сквозь кожу. Якутин с ними познакомил, и Брызгалов с каждым поздоровался за руку.

– Ты, Виктор, садись, сегодня я угощаю, – сказал Якутин и пошёл на раздачу. Виктор, увидев, что он берёт два подноса, пошёл помогать, – Бери вилки-ложки и занимай места, а я пока заполню подносы, а потом один заберёшь.

В глубине столовой за раздаточным окном виднелась шеф-повар, черноволосая женщина Катя, как все её называли, приятной наружности. Она не обращала никакого внимания на посетителей и занималась своими поварскими делами. А на раздаче стояла Маша, круглолицая, пышная, с рыжеватыми волосами, быстро орудующая мисками-поварёшками, успевая всем всё подать и угодить. Маша также не обращала внимание на примелькавшихся посетителей с плоскими шутками-прибаутками, но временами бросала мимолётный взгляд на того или иного человека и уточняла заказ: с гарниром-без гарнира, с подливой-без подливы. На Виктора она взглянула мельком, как и на других, но он заметил, что она своим цепким взглядом оценила его с ног до головы и тут же отвела взгляд.

После обеда Якутин и Брызгалов разошлись. Якутин ушёл в служебное здание, а Брызгалов пошёл на перрон в ожидании окончания обеденного времени у работников штаба. На перроне стоял огромный ИЛ-14. Брызгалов подошёл к технику и познакомился. Иван Брофильевич, так звали техника, объяснил, что большие самолёты он обслуживает пока один, остальные техники все заняты на АН-2. Виктор обратил внимание на странное отчество, впервые им услышанное, но вслух ничего не сказал. Они немного поговорили, и Виктор отошёл в сторону, видя, что технику сейчас не до него. Один за другим садились АН-2. Подошло обеденное время и у летающих экипажей. Брызгалов по профессиональной привычке прослушивал работу двигателей, наблюдал, как несуетливо работает обслуживающий персонал; пока ни во что не вмешиваясь, наблюдал за заправкой, впитывая весь процесс сложной работы, не забывая об утреннем наказе своего начальника на разборе. Ему требовалось найти узкие места, где персонал недорабатывает или что-то делает не так, что в конечном итоге тормозит всю работу.

Виктор понимал, что сейчас он пока ещё ни за что не отвечает и за ошибки с него никто не спросит. Но инженер не привык ошибаться и работать спустя рукава – это на прежней работе у него сразу и оценили. Через год он возглавил бригаду и ещё через некоторое время вывел её на первое место в социалистическом соревновании. Потом его перемещали в другие бригады, где дела шли не так слаженно, но неизменным оставалось одно: куда бы он не попадал, его бригада выходила на первое место. В конце концов, его оформили на инженерную должность, поскольку инженеров катастрофически не хватало.

Сейчас ему предстояло отвечать за весь участок, а – это ещё и приписные аэропорты в двух смежных районах, где трудился такой же персонал. Отличие имелось только в том, что туда поставлялись отремонтированные самолёты с большим ресурсом, а на базе оставались самолёты, дорабатывающие межпрофилактический ресурс и имеющие технические проблемы. Пилоты, работающие на базе, постоянно жаловались на такую несправедливость, но терпели и летали на том, что дают, понимая, что может не быть и этого, а их зарплата напрямую зависела от налёта часов.

В этот день Брызгалов на рабочем месте появился к концу дня, успев сделать все дела по оформлению на работу, а также, получив небольшой аванс. Подъёмные пообещали выплатить в день заработной платы. В инженерной комнате царила почти нулевая видимость. Зимин сидел в клубах табачного дыма от крепких папирос, отравляя здоровье всех присутствующих, но ему замечание никто не делал. Женщины терпели эти маленькие неудобства, боясь сказать слово поперёк самому главному на сегодняшний день инженеру. Зимину сидеть на рабочем месте в ожидании конца рабочего дня было очень скучно – это Брызгалов заметил сразу. Инженер вынужденно сидел на работе, ожидая наступления часа «икс», когда можно свернуть все дела до утра, и перебирал для вида на столе бумажки. Бумажки важные, но кроме Зимина и Серого

в них мало кто понимал. Серый сейчас в кабинете отсутствовал, а Зимин, зная о том, что никто его не уличит, делал вид, что работает. Брызгалов эти бумажки знал, поэтому Зимин несколько оживился, наводя на столе порядок и поглядывая на часы.

– Ну что, по домам? – спросил он.

– Я сделал все дела, но меня просил зайти Якутин, – ответил Виктор.

Он не стал говорить, что его Пётр вечером пригласил к себе в гости. Он не знал всех взаимоотношений, поэтому этот факт умолчал, считая, что Якутин сам пригласит, кого захочет.

Зашёл Серый.

– Ну, ладно мы с Евгением Анатольевичем пойдём, а ты догоняй, если освободишься, – Зимин не стал уточнять для Серого, зачем Брызгалова позвал начальник. Он был умён и умел, когда надо, проявлять такт.

– Мы с тобой последние, – сказал Якутин, – Поэтому всё проверим и закроем. Ночью здесь всё под охраной.

– Большая охрана? – спросил Виктор.

– Один человек, но зато какой! – похвалил охранника Якутин, – Меладзе Христофор Александрович. Он охраняет всю территорию и самолёты в ночное время. Пока жалоб на его работу не зафиксировано. Я ночью его проверял не однажды, Меладзе всегда на посту. Даже я и командир ему докладываем о своём прибытии, хотя он нас знает и обнаруживает издалека.

– Строго всё тут.

– А как ты хотел – это авиация! Здесь всё по-взрослому. Я тебе скажу больше, у нас порядок значительно лучше, чем в старых подобных предприятиях в городе. Не переживай! Сейчас пойдём ко мне, жена велела привести, а знакомить вас не надо, поскольку давно знакомы. Почитаем книжки.

– Книжки?

Якутин рассмеялся:

– Есть такой анекдот: друзья постоянно выпивали, а жёны пытались их вовремя остановить, поэтому друзья придумали что-то вроде пароля. Сходить в магазин – означало сходить в библиотеку, пол-литровая бутылка называлась книжка, а шкалик – брошюрка. Вот они и разговаривают при жёнах:

– В библиотеку сегодня пойдём? – спрашивает один.

– Пойдём, – отвечает другой, – Почитаем книжку.

– А, может, три брошюрки? – уточняет первый.

– Нет, давай лучше возьмём каждому по книжке.

Инженеры оба рассмеялись над анекдотом.

– Вот я и говорю: почитаем книжку, – сказал Якутин, – Ты, надеюсь, в библиотеку ходишь?

– Я здесь пока гость, можно и в библиотеку. Только «книжку» возьму я – первый аванс.

– Ну, давай!

Вечер инженеры коротали за чаем. Жена Якутина Валентина расспрашивала Брызгалова о его жизни, о разводе, о ребёнке. Ей было всё интересно.

Когда Виктор пришёл в свою новую квартиру, Зимин коротал вечер один, топил печку. Заметно, что он обиделся, что его не пригласили в компанию, но ничего не сказал, а Брызгалов не счёл нужным оправдываться. В конце концов, не он приглашал, а пригласили его, а там уж дело хозяина, сколько гостей приглашать. Правда Зимин, как, впрочем, и все другие, знал, что Якутин у него друг.

– Холостяцкий чай готов, – сказал Зимин, – Будешь?

– Я вообще-то из гостей, но, если ты будешь, я буду за компанию.

За чаепитием Зимин поведал кое-что о посёлке:

– Здесь глухомань. До нас, считай, царствовали основные предприятия: леспромхоз и речной флот. Всего предприятий множество, в том числе есть и транспортные, но все обслуживают основное лесное производство и сельское хозяйство. Мы тоже обслуживающая организация, но нас создавали в расчёте на обслуживание нефтеразведочной экспедиции, которая только-только приступила к работе – а это непочатый край работы для нас. Там, где они ставят вышки, сесть может только вертолёт, а мы перебрасываем их груз до ближайшей посадочной площадки. Вообще-то здесь хорошо: чистый воздух, природа, недалеко тут есть очень интересная речка, где местные рыбаки разживаются сёмгой. Я там однажды побывал, правда, ничего не поймали, но речка мне понравилась. Жаль, у меня жена никак не хочет уезжать из города и переселяться сюда, поэтому я здесь долго не задержусь. Вот освоишься, передам тебе свои знания и уеду, хотя передавать тебе особо нечего. Я сразу увидел, что ты «берёшь быка за рога».

– Не преувеличивай, Алексей Александрович, здесь другая работа и, потом, не забывай, что самолёт мне ещё только предстоит изучить, поэтому твои знания очень даже пригодятся. Кто, как не ты, знает лучше все узкие места? Я, правда, человек не гордый, когда что-то не знаю, не боюсь спрашивать у своих подчинённых. Репутацию подмочить не боюсь, даже не задумываюсь об этом. Важна конечная цель, а цель у нас исправность самолётов и безопасность полётов. Вот к достижению этой цели мы и будем стремиться.

– Летом здесь красота! Правда, вокруг грязь непролазная. Центральная улица выложена брёвнами, но после дождя и по ней не пройти в туфлях. Ходим в сапогах с длинными голенищами. Если нога провалится между брёвен, короткие сапоги могут просто залить через верх.

– Неужели так грязно?

– Не грязно, а глинисто. Летом ты увидишь наши красные щелби – это мергель или попросту окаменевшая глина, которая от дождя размокает и превращается в кашу. Этого мергеля здесь очень много, возможно, остался, как отработанный материал, от прошлых цивилизаций. Летом за пределами посёлка имеется единственная дорога длиной в десять километров, но после дождя по ней не проехать, огромные колеи и скользко. Легковых машин нет, все ездят на мотоциклах. Есть в организациях «козлики» и грузовые машины, но и они тонут в огромных колеях так, что приходится потом вытаскивать трелёвочником.

– А как с рыбалкой? Я рыбак с детства, привык к рыбалке, когда ещё ребёнком жил на побережье моря, поэтому к лову сёмги готов.

– Не так всё просто. Здесь зверствует рыбинспекция. Правда, всё мужское население всё равно сёмгу ловит, иногда и женщины этим занимаются. Я, например, брал жену на рыбалку, когда она приезжала. Мы нарвались на «рыбников» и получили штраф.

– Что и жене тоже выписали?

– Всем. Они не спрашивают, кто ты и откуда, составляют протокол и всё. Ищи местных рыбаков и пристраивайся к ним, сначала надо перенять опыт. Здесь сплывают по реке с сеткой. Иногда создаётся очередь и заплывают по очереди, впрочем, сам всё увидишь, когда дойдёт до этого дело.

– Надеюсь, что увижу. Я ловлю рыбу независимо от того есть «рыбники» или нет, просто привык так жить. На севере с давних времён мужик в доме являлся добытчиком и добывал пропитание, поэтому я придерживаюсь наших северных традиций, а все запреты – это надуманные мероприятия, чтобы на людях наживать. Партия и правительство проявляют о людях заботу, накладывая на всё запреты, а я как-то к запретам не привык. Мужик на Севере всегда сам решал, что делать и как делать. Партия и правительство далеко, а семья рядом, её надо кормить.

– В этом ты прав, но законы всё же здесь действуют и за сёмгу даже сажают. Такие случаи были. Получается, что рыба ценится выше человека. Человека могут посадить, растоптать, унижить и всё по закону. В шахматы играешь? – неожиданно спросил собеседник.

– Я играю во всё, но на уровне любителя. Так же, как рыбалкой, увлекаюсь охотой, преферансом, шахматами и прочими развлечениями. Заметил наверно, что я приехал с ружьём и лыжами?

– Заметил, только не заметил других вещей.

– У тебя, я смотрю, тоже голые стены. Будем вместе зарабатывать на вещи. Тепло! Хорошо печку истопил. Завтра будет моя очередь. А вещи у меня есть. Если приживусь, буду перевозить. Сейчас просто не знал, как взять всё с собой, поэтому не взял ничего, кроме ружья. Охотой я занимаюсь тоже с детства. Когда учился в седьмом классе, у нас все ребята вступили в охотобщество. По закону принимать нас в общество по возрасту нельзя, но местные власти в нарушение закона вынуждены были пойти на уступки, так как все дети ходили на охоту тайно и от родителей тоже. Поэтому служивые приняли решение всё узаконить во избежание несчастных случаев. Охотой займусь как-нибудь в выходные дни, если таковые будут, а пока обучай меня самолёту Ан-2.

Инженеры, как и в прошлый вечер, долго разговаривали, пока не сморил сон.

Начались обычные будни. С личным составом долго знакомиться не пришлось, всё получилось само собой в процессе работы. Виктор быстро обнаружил то, что, по его мнению, тормозило работу. Техники с утра готовили самолёты к вылету, а потом переключались на выполнение профилактических работ самолётов, стоящих в очереди на техническое обслуживание. В обед снова встречали и выпускали летающие самолёты. Этот переход от одной работы к другой занимал много времени, а иногда и умышленно затягивался. Никому не хотелось работать сверх меры, а проверить, занят человек или нет, крайне трудно. Серый относился к техникам уважительно и сильно своим авторитетом не давил. Его слушались, но выполнять поручения не спешили – всё это Виктор увидел невооружённым взглядом сразу. Труден вопрос оказался в другом: как сломать эту систему? Её Зимин и Серый создавали вместе, её одобрил начальник АТБ, а теперь, чтобы увеличить производительность труда, надо всё поменять в корне, всё разрушить и переделать. Как сделать – это Брызгалов знал, имея опыт работы в большом предприятии, но, как убедить в этом инженеров, он пока не знал.

Своими мыслями Виктор пошёл делиться с начальником АТБ. Он предложил разделить весь состав техников, на выпускающих самолёты в полёт и на выполняющих трудоёмкие работы, чтобы каждый отвечал за отдельную порученную работу. Якутин, к его удивлению, с ним согласился.

– Делай, как считаешь нужным, – сказал он.

Виктор незамедлительно весь состав разделил на два участка, учитывая желание каждого специалиста. Теперь каждый занимался своим делом, не отвлекаясь на лишнюю беготню и отвечая только за конкретную работу. Серый оказался не совсем согласен с такой постановкой вопроса, но то, что одобрил начальник, он оспорить не мог и не хотел. А с исправностью самолётов дело доходило до абсурда: экипажи приходили на вылет на самолёт, стоящий в плане полётов, а он оказывался неисправным. Виктор знал, что положительный эффект будет, но совсем не скоро, а пока ему приходилось на разборах выслушивать не совсем приятные нарекания Якутина. Однажды он после очередного разгона, взял инструмент и сам пошёл крутить гайки, так как выполнять работу на внезапно поломавшемся двигателе оказалось больше некому.

В этот раз Виктор в душе был зол не только на начальника, но и на самого себя тоже. Он знал, как всё будет дальше, но ничего не мог сделать сейчас, когда ещё до него создалась такая обстановка с исправностью. Поэтому Виктор решил, что сам исправит хоть один двигатель. Оказалось, что все техники просто выжидали, надеясь, что он спасует и отступит перед трудностями. Через полчаса к нему подошёл опытный бригадир Иван Ильич, которого он раньше не знал, а знакомился с ним здесь.

– Ты, Алексеевич, брось всё и иди, мы сами всё сделаем, – сказал он.

– Но вы же мне сказали, что все заняты!

– Ничего, найдём, кому сделать. Иди, занимайся своим делом.

Это Виктору сильно понравилось. Оказывается, техники по-своему оценили его старания и признали за своего начальника. Конечно, где-то в подсознании он понимал, что бригадир сейчас выполнил работу Серого, который должен сменой руководить и отслеживать весь процесс работы сам, но его-то как раз в нужном месте и не оказалось. Виктор успел подметить, что Серый лишний раз глаза начальству не мозолил.

А вечером к концу дня его вызвал к себе Якутин.

– Ты, Витя, извини, я утром погорячился. Мне самому с утра хвоста накрутили, сам видишь, не на чем летать. Ну, а я дальше стал «закручивать гайки».

– А за что извиняться? Нормальная рабочая обстановка.

– Но это неправильно, что ты сам пошёл выполнять работу техников.

– Это нормально – называется стажировкой. Самому полезно всё прощупать своими руками.

– Ну, как знаешь, я спорить не буду. А позвал я тебя по другому поводу. Сейчас познакомлю тебя ещё с одним специалистом, через минуту подойдёт.

– Он рыбак? – почему-то спросил Виктор.

– Он не только рыбак, он вообще мастер на все руки, а принят на работу слесарем. Жаль только он пока без помещения и без инструмента, но в скором времени всё будет – это не за горами. К нам должны поступить полевые авиаремонтные мастерские – это мини-завод на колёсах, а о рыбалке ты уж сам с ним разговаривай.

Вошёл не очень молодой человек в зимней спецовке. Брызгалов сразу обратил внимание на его руки. Вид у них казался землисто-чёрным, как и бывает у человека, работающего с металлом. Сам он выглядел худощавым, среднего роста, с взъерошенными волосами. Взгляд тусклый, но пронизательный. Он только мельком взглянул на Брызгалова и перевёл взгляд на Якутина.

– Вызывали, Пётр Васильевич? – спросил он.

– Вызывал, Ефим Ильич, вот, познакомься – Брызгалов Виктор Алексеевич.

– Язёв, – вошедший человек протянул руку Брызгалову, охватывая его цепким взглядом, после паузы добавил, – Ефим Ильич.

Якутин сказал:

– Вопрос интересный, поэтому я собрал самых нужных и ответственных людей. Мы занимаемся техникой – это хорошо, но у нас есть и другая задача: дом из брёвен сложили, а ведь надо продолжать, заниматься внутренней отделкой. Нам, как воздух, нужна лаборатория, избавляться надо от буржуйки, проводить нормальное освещение. С материалами нас не ограничивают, остаётся только приложить руки. Поэтому прошу принять в этом самое активное участие. Заставить я не могу, вы не строители, но, если сами ничего делать не будем, никто нам не сделает. Лучше заниматься этим в нерабочее время, но, если где-то что-то будете делать в рабочее, я закрою глаза и буду на вашей стороне.

– В принципе можно, – сказал осторожный Ефим Ильич, – Надо...

Он стал перечислять, какие материалы и инструменты нужны, начиная с конопатки стен и вплоть до покраски.

– Хорошо, подготовьте мне список, и я прошу задерживаться после работы, использовать выходные, но прошу продолжить приводить здание в порядок. Техников я привлекать не могу, не позволяет КЗОТ. Надежда на вас и на комсомольцев, которыми у нас являются практически все.

– Надо решать вопрос с отоплением, иначе любая отделка стен не поможет. Дым и копоть приведут всё в негодность, – осторожно, боясь нарушить субординацию, проговорил Язёв.

– Этот вопрос решается. Планируется строительство дока для обслуживания одного самолёта, а к нему будем делать пристройки в кирпичном исполнении, в том числе и котельную для отопления помещений, – Якутин поведал о грандиозных планах начальства, которые до личного состава пока ещё не доводили, – Вопросами развития предприятия занимается лично первый секретарь райкома КПСС Мовиль Прокофий Александрович.

– С чего начнём? – Виктор не стал противиться и откладывать всё в долгий ящик, имея привычку всё делать сразу и быстро, – Я готов работать хоть сейчас.

– Решим наверно так: руководить будет Ефим Ильич, он имеет богатый опыт в этих делах, построил свой дом, ему и задавай вопросы, а начать надо с инженерной комнаты, чтобы создать хоть какой-то уют, заодно с ним поговоришь и о рыбалке.

Ефим Ильич – являлся местным жителем, пустившим глубокие корни. Он имел свой, с виду маленький, домик на тихой, такой же маленькой, улице. Всё в хозяйстве мастерил своими руками, начиная от мебели и заканчивая кровельными работами и отливкой поршней к моторам. В трудные послевоенные годы, когда практически ничего не имелось в продаже, а отдалённость района ничего не позволяла завезти, приходилось всё делать своими руками из любых подручных материалов и металлолома. Он имел троих детей: две дочки и сына, которые учились в старших классах школы и выглядели почти взрослыми. Работать приходилось в разных организациях и на разных работах. Специального диплома он не имел, поэтому не отказывался от любой работы. Случай свёл его с Якутиным, который быстро узнал о его способностях и предложил перейти к нему в службу слесарем по ремонту самолётов, на что Ефим Ильич ответил согласием, учитывая, что заработная плата будет выше той, что имела ранее. Первоначальные трудности с отсутствием помещения для мастерской и условий для работы его не смущали. Он привык работать в любых условиях, даже самых неприспособленных.

Предложение Якутина он встретил не с энтузиазмом, но перечить не посмел. Его возраст и опыт давно считались не комсомольскими, и личное время он привык проводить дома, трудиться на благо семьи. Поэтому он просто промолчал, зная, что с Якутиным спорить бесполезно. Надо собраться с мыслями и спланировать работу так, чтобы стараться делать её в рабочее время. Ефим Ильич догадывался, что под защитой начальника можно почти всё своё рабочее время уделять стройке, а техники со своими нудными заказами подождут своей очереди. Жаловаться они не пойдут – это он твёрдо знал, как знал и то, что они могут сделать всё своими руками или заменить деталь на новую.

Дело с ремонтом здания с приездом Брызгалова сдвинулось с мёртвой точки. В паре с Язёвым они привлекали других людей, заставляя отрабатывать субботники и воскресники. Электрической проводкой занимался Алий Максимович – инженер по спецоборудованию самолётов, делал он её по всем правилам и нормам. Его главная задача – создать лабораторию для проверки самолётного оборудования. Он так всем и говорил, что приехал создавать лабораторию.

– Задерживаться здесь я не буду ни на минуту, вот сделаю дело и уеду, – говорил он.

Лаборатория красовалась четырьмя голыми стенами и не обшитым потолком, и без пола, на месте которого имелись только деревянные балки. Соседнее помещение, самое внушительное по размерам, выглядело точно так же. Алий Максимович ковырялся в своём помещении и на другие работы не отвлекался. У него имела ясная и прозрачная цель, поэтому он знал, что, чем быстрее всё сделает, тем быстрее уедет к семье. Подгонять его никто не собирался и контролировать тоже. В помощь инженеру начальством выделен механик, который занимался только лабораторией, а самолёты его в это время интересовали мало.

Примерно в этот же период Главный инженер управления Халтурин поставил задачу, спущенную сверху: создавать в предприятиях технические классы для обучения лётного и технического состава в производственных условиях. Сама специфическая работа авиаторов требовала постоянного повышения квалификации.

Якутин и Брызгалов определили, что классом будет соседнее с лабораторией помещение, на которое Брызгалов полностью переключился, но так как создание учебных пособий требовало очень много времени и рабочих рук, он настоял, чтобы выделили в класс на постоянную работу техников, которых и так явно не хватало для обслуживания самолётов. Якутин пошёл на эту непопулярную меру, зная, что за класс с него Главный инженер спросит очень строго. Дело в том, что Якутин устраивался на работу, поставив условие, чтобы через три года его в городе ждала квартира. Имея ясную для себя цель, он боялся ослушаться Халтурина и сделать что-нибудь против его воли.

Халтурин слыл очень властным и самолюбивым человеком, требовал неукоснительного выполнения всех своих распоряжений. Иногда доходило до абсурда: распоряжения издавались вопреки здравому смыслу, но никто не осмеливался их оспаривать и игнорировать. Халтурин славился ещё и своей злопамятностью. Он оплошность человека мог помнить долгие годы и при случае всегда об этом напоминал, если не прямо в глаза, то на общих заседаниях и разборах. Все об этом знали и старались лишней раз ему на глаза не попадаться. Брызгалов его почему-то не боялся, и эта его способность очень не нравилась Главному инженеру, который зеленел, видя, как Брызгалов принимает самостоятельные решения по многим вопросам. Халтурин же считал, что только он способен принимать решения и не терпел, когда это делали другие. Возможно, его кумиром считался Иосиф Виссарионович Сталин, который по характеру имел сходство с ним. Как бы то ни было, а эти разные инженеры работали в одной отрасли и вынужденно терпели друг друга.

Постепенно дни стали прибывать. Январские морозы, хоть и давили всей своей мощью, но выглядывавшее днём из-за горизонта солнце не грело, но как-то радостно присутствовало и извещало о скором наступлении весны. Нелётных дней стало меньше. Погода позволяла летать и засветло делать по два рейса до города и обратно. Увеличивался и объём работ. В это время и пришла тревожная весть: во втором городском отряде разбился самолёт АН-2. Никто пока ничего не знал, но катастрофа заставила усилить контроль за выполнением полётов.

Только через некоторое время стали известны подробности этого случая. Смежное предприятие открыло полёты на замёрзшее Ерн-озеро, выполняя полёты по доставке рыбаков к месту рыбалки. Самолёт день ждал, пока рыбаки наловят рыбу, а вечером вывозил их обратно. В тот злополучный день занепогодилось, шёл сильный мокрый снег. За время стоянки самолёт облепило снегом, который намертво прилип к обшивке. Обметать плоскости на озере нечем, да никто и не предусмотрел такой непредвиденный случай. Рыбаки, наловив рыбу, загрузились внутрь пассажирской кабины, и самолёт стал взлетать, но двигатель не вытянул предельно загруженный лайнер с налипшим снегом. На взлёте самолёт стал цеплять ёлки и рухнул. Все погибли. На лётных разборах подробно изучали все обстоятельства происшествия, приняли меры по искоренению подобных случаев и надолго прекратились полёты по доставке рыбаков к месту рыбалки. В управлении решили перестраховаться, вместо того, чтобы осуществлять надлежащий контроль за полётами ежедневно и ежечасно. А такие полёты, как на непригодную заснеженную площадку, требовали особого подхода и некоторых ограничений в их осуществлении.

Брызгалов утром лично следил за подготовкой самолётов, несмотря на то, что этим же занимался и Серый, но Виктор считал, что лишней контроль не повредит, а заодно наблюдал за подготовкой к полёту пилотов, поскольку это ему вменили в обязанность. Весь процесс он не контролировал, а смотрел только за правильной эксплуатацией самолётов и соблюдением требований, предписанных документами.

Постепенно Брызгалов познакомился со всеми пилотами, а также и с прикомандированными экипажами, которые выполняли часть работы, поскольку на первых порах своих экипажей и самолётов не хватало.

– Сегодня мы едем к Кутузову, – в один из дней сказал ему Якутин.

– К какому Кутузову?

– Всё узнаешь. У меня на примете есть мужичок в соседней маленькой деревне, до неё всего семь километров. Когда-то давно у него был травмирован глаз, поэтому он всей своей комплекцией и обличем похож на знаменитого маршала, увидишь сам.

– Я смотрю, у тебя кругом знакомые мужички!

– Со всеми я не знакомлюсь, а только с людьми нужными. Надо же иметь где-то базу, чтобы для отдыха заявиться с гармонью и девками! Шучу. Поедем на моём мотоцикле. Мой железный конь приспособлен ко всем просёлочным дорогам.

После работы они, заскочив в магазин, в полной темноте мчались на «Урале» по дороге, по обе стороны которой темнела стена леса. Свет фары иногда выхватывал отдельные ели или берёзы. Морозный воздух обжигал лицо. Якутин в меховых рукавицах, шубе и унтах уверенно управлял мотоциклом, стараясь не выскочить из колеи. Правда, в колее находились только основные колёса, а коляска моталась между колеями намного выше, так, что мотоцикл всё время стремился опрокинуться на бок. Виктор обратил внимание ещё до отъезда, что заднее колесо обмотано жгутом из тряпки. Этот жгут и позволял теперь ехать по рыхлому снегу почти без пробуксовки. Дорога заметно петляла. Раньше она предназначалась для конных повозок, а теперь, когда пришла цивилизация и люди сменили простых коней на железных, она также исправно служила и им. Якутин свернул на боковую дорогу, больше напоминавшую тропу. Теперь Брызгалову пришлось слезть и временами подталкивать буксующий мотоцикл, отчего, не смотря на мороз, стало жарко. До домов они так пробирались ещё метров пятьсот, когда, наконец, Якутин не остановил своего железного коня у калитки.

– Ну, пойдём в дом, не беспокойся, – видя замешательство Брызгалова, сказал он, – Нас уже засекали. Не так часто здесь появляются гости, да ещё по такой дороге.

Они вошли в огромный дом, имеющий пристройки и различные деревянные сооружения рядом, которые в темноте засыпанные снегом разглядеть трудно. Поздоровавшись с хозяевами, Якутин спросил:

– Хозяин ты книжки читаешь?

Хозяин, действительно похожий на Кутузова, ответил:

– Нам не до книжек. У нас здесь и библиотеки нет. Сегодня целый день огребаю снег, валит и валит...

– Плохо, а мы вот читаем не только брошюрки, но и серьёзные книги, – сказал Якутин, – доставая из-за пазухи бутылку водки и пересказывая в очередной раз анекдот про книжки.

Хозяин рассмеялся, а хозяйка сказала:

– Он опять начитается, а завтра вместо работы будет отдыхать.

– Отдыхать тоже когда-то надо, – возразил Якутин, – Вот, знакомьтесь – это наш главный инженер, недавно приехал, я вам о нём рассказывал.

Хозяин, которого величали Алексей Алексеевич, поднялся с деревянного дивана и стал ставить самовар. Потом он, не спеша, вокруг бутылки, стоящей на чистом столе, стал ставить различные миски, тарелки и, наконец, водрузил в центре большую тарелку сёмги, нарезанной крупными ломтями, у которой был такой аппетитный вид, что она сама просилась в рот.

– Садитесь ближе, будем пить чай, – сказал хозяин, заваривая чай в маленьком чайнике и ставя его на конфорку сверху самовара.

Сидеть в этой деревенской избе с гостеприимными хозяевами оказалось очень уютно. За окном кромешная темень, а они находились в маленьком оазисе, которому не страшны ни холод, ни мороз.

После утоления голода хозяева и гости принялись за чай. Алексей Алексеевич всё наполнял и наполнял из самовара освободившуюся чайную посуду. За разговорами постепенно опустилась тарелка с сёмгой. Хозяин её снова наполнил рыбой.

– Мы живём с запасом, – рассказывал он, – Без запаса никак нельзя. Деревенская простая пища у нас всегда есть, даже в неурожайный год. Дети подрастают, их тоже надо кормить. Парни уже сами еду добывают, растут настоящими рыбаками. Дочка тоже рыбак, помогает матери по хозяйству обряжаться с коровой. А летом позову вас на сенокос. Мне инженеры на сенокосе очень нужны! Лишние руки никогда не помешают. Будете осваивать смежную профессию.

– Профессия эта нами давно освоена, – сказал Брызгалов, – Выросли все в деревне, на печи в сенокос не лежали, помогали взрослым.

Якутин неожиданно сказал:

– Ты знаешь, Витя, скоро Кутузова будем раскулачивать. Он ловит запрещённую для простых рыбаков сёмгу, но не только сёмгу, но и другую рыбу; имеет свой трактор; есть у него и свой пароход. Чем не кулак?

– Меня уже раскулачивали, – сказал Алексей, – Давно это было, но до сих пор помню ехидного следователя, который так и норовил засадить в тюрьму. Времена те прошли, но всё равно боюсь. Вы там не болтайте про сёмгу.

– Да ты что, Алексей, – сказал Якутин, – Это же шутка! Виктор болтать не будет, ну, а я тем более. Мы своих людей не закладываем. Кто нас тогда будет так щедро угощать? Ты не принимай все разговоры всерьёз. Мы отсюда выйдем и всё забудем.

– Это я так, к слову. Я знаю, что вы меня не предадите. А трактор и катер – это у меня от леспромхоза. В сезон, по весне, я занимаюсь сплавом леса, считаюсь их работником. Держу технику дома, поэтому сам за ней и слежу. Старший сын мне хорошо помогает. Когда сплавляем лес, попутно и рыбу ловим. Весной вся река наша, от верховьев до устья, до самого лесопильного завода. А уж когда река летом мелеет, сижу дома – это время засчитывается, как ремонт техники.

– Хорошая у Вас работа, – сказал Брызгалов, – Сам себе хозяин!

– Это лучше, чем быть под пяткой у начальства. А так начальство от нас далеко, мы сами по себе, оно само по себе.

Якутин встал из-за стола:

– Ну, нам пора! Застрянем, придём к тебе за трактором, надеюсь, вытянешь?

– Проедете! Сын у меня каждый день ездит.

Якутин утащил хозяина в сторонку, где они о чём-то посоветовались, после чего хозяин вышел в коридор и вернулся со свёртком, который передал Якутину.

Попрощавшись, инженеры сели на замёрзший мотоцикл и двинулись в обратную дорогу. Брызгалову опять пришлось мотоцикл толкать до основной дороги.

– Я у него взял кусок рыбы, – сказал Якутин, – Надо для дела. При тебе я не стал просить. Я тебя знаю, а он знает плохо, мог бы и отказать, хотя этот мужик меня пока не подводил.

– Так ты и будешь меня со всеми крепкими мужиками знакомить? – спросил Виктор.

– Нет, со всеми не буду. В следующий раз буду знакомить с девками. Подберём тебе жену.

– Этим я как-нибудь займусь сам!

– Ну, сам так сам. Я не настаиваю.

Короткая дорога в семь километров заняла у них более получаса. За время их пребывания в гостях замело колеи, по которым они ехали. Мороз немного успокоился, но подул сильный ветер. Вместе со снегом получался настоящий абразив, который драл лицо. Брызгалов ещё мог немного спрятаться, а Якутину прятаться за рулём некуда. Спасало немного ветровое стекло, но сквозь него ничего не видно. Поневоле приходилось водителю вытягивать шею, чтобы хоть немного видеть дорогу.

Приехали они уже за полночь и сразу разошлись по своим квартирам.

Следующее утро в предприятии оказалось не радостным, особенно для Раева. Он составил план полётов, распределил экипажи, работу, а утром оказалось, что двух самолётов не

хватает. Он понимал, что вина инженерной службы небольшая – самолёты пришли из рейса неисправными и их не успели за рабочее время привести в норму. С утра лайнеры стали восстанавливать и доводить до ума, но всё равно ему это не нравилось. Самолёт стоит в плане, значит, он должен летать!

Два экипажа с утра ходили за ним по пятам, оставшись без работы. Чтобы они ему не надоедали, Дмитрий Сергеевич отправил их домой.

– Если надо будет, вызовем, – сказал он.

Пилоты побурчали, но удалились. Раев имел семью. Ему дали в конторском доме отдельную квартиру. Маленький ребёнок являлся основным аргументом при распределении жилплощади. А площадь распределялась вопреки всем нормам и правилам. На это закрывали глаза и райисполком, и райком партии, и начальство, и профсоюз. На первых порах жильё давали так, чтобы, как можно меньше осталось недовольных, лишь бы как-нибудь заселить, чтобы люди не остались на улице. Пилоты имели преимущество, так как их профессия непременно контактировала с определённым риском, им нужен полноценный отдых перед полётами. А единственным преимуществом являлось, пожалуй, то, что жилплощадь давали на втором этаже двухэтажных деревянных домов. На первом этаже селили всех остальных.

До работы в новом предприятии Раев имел опыт работы в Нарьян-Маре. Летал за Полярным кругом, где зимой и солнца практически не бывает, лютуют морозы. А ландшафт – сплошной ровный белый ковёр, не имеющий ни конца, ни края. В пасмурную погоду вообще всё белое: и сверху, и снизу, и по бокам. Умение ориентироваться в таких условиях есть только у тех, кто отлетал на Севере определённый срок.

В Тайболе и вокруг неё стоял лес, где каждая ёлка, каждое болотце являлись ориентиром. Летать среди ориентиров немного проще и интересней, не так однообразно. Свой опыт Раев передавал молодым пилотам, набранным со всего Союза. В отличие от техников, пилотов брали всех, кто пожелает работать на Севере. Были тут и украинцы, и прибалты, и представители южных республик, а также новобранцы-выпускники лётных училищ.

Раеву предстояло каждого обучить, проверить на лётную пригодность и дать допуск к определённому виду работ. К пассажирским перевозкам допускались наиболее опытные экипажи. Своим примером командир приучал подчинённых к дисциплинированности и порядку. Раев считался одним из немногих пилотов, кто не брал на борт «зайцев». С этим распространённым явлением в гражданской авиации он упорно боролся. На самом же деле «зайцев» возили практически все экипажи. Раев это знал, но поймать нарушителей оказывалось сложно. Разве во время полётов, когда летаешь сам, за всеми уследишь?

Дмитрий Сергеевич журил попавшихся «шалунишек», песочил на разборе, но через некоторое время всё повторялось. Настроение ему это не портило, но на общих показателях по дисциплине его звена сказывалось.

Сегодняшнее настроение испортилось от отсутствия самолётов, а это для пилота главное горе. Вся заработная плата завязывалась на налёт часов: не будет налёта – не будет премии. А чтобы имелся налёт, нужны самолёты. Замкнутый и заколдованный круг, из которого мог вытащить только Якутин, а он каждый раз ссылался на объективные причины.

К инженерам Раев относился не доброжелательно, но терпимо. Он понимал, что им друг без друга существовать трудно, поэтому старался прислушиваться к мнению инженеров и иногда шёл на уступки. Мог, если надо, поменять экипаж или направить самолёт не по утверждённому, а по другому маршруту, если возникала такая необходимость, а начальник АТБ просил лично. Необходимость такая возникала. Три смежных района, где базировалось по звену самолётов, то и дело требовали запасные части или специалиста для решения сложного вопроса с техникой. Приходилось в срочном порядке направлять самолёт в нужный населённый пункт со специалистами и запасными частями. Инженер, как правило, летел один и брал с собой опыт-

ного техника. А в экипаже в таких случаях присутствовали Раев или Репанов на случай, если понадобится принимать решение по экипажу.

Инженер в последнее время для таких командировок имелся один. Зимин всегда находил причину, чтобы не лететь. Серый очень нужен на базе. Оставался единственный кандидат – Брызгалов. Виктор никогда не отказывался. Он очень любил летать, техники не боялся и мог всегда принять сам правильное решение или советовался с Якутиным по телефону.

Дмитрий Сергеевич наказывал экипажу, чтобы специалистов ждали до тех пор, пока они не освободятся, и затем экипаж доставлял их обратно на базу. Другого транспорта, кроме самолёта, чтобы вернуться, не имелось.

Кроме работы, немало беспокойства Раеву доставляло общежитие, где для организации своего досуга молодые пилоты устраивали чаепития с приглашением гостей. Чаще это оказывались гости женского пола, и в таких случаях не обходилось без спиртного. Единственным культурным развлечением в посёлке являлось кино, которое изрядно надоедало. Телевидение только-только зарождалось. Имелся единственный телевизор у местного «Кулибина», который через самодельную антенну что-то ловил и телевизор с большими помехами показывал одну программу.

Раев и Репанов проверяли общежитие регулярно, но всегда оказывалось, что во время проверки всё находилось в порядке. Пилоты, «принявшие на грудь», успевали спрятаться. Прохождение медицинского контроля утром их не сильно смущало, так как молодой организм позволял проходить его без каких-либо затруднений.

Сегодня Раев задумал осуществить очередную проверку. Отправив экипажи домой, он оказывался не очень уверен, что они будут сидеть, сложа руки, и читать газеты. Он закончил летать, но настроение за полдня не улучшилось. Запланированная работа выполнена частично, а часть её перенесена на завтра.

Чтобы не видеть этот бедлам на работе, он прогулочным шагом пошёл в общежитие. Тут тоже ждало разочарование. Отдыхающие пилоты праздновали день очередного выходного. Ещё в подъезде он услышал громкие голоса и женский визг. Его визита, зная, что командир звена летает, явно не ждали. Постучав, Раев вошёл. Прямо у входа стояла молодая девушка в расстёгнутом пальто. Она, улыбаясь, протянула руку ладошкой кверху.

– Валентина, – сказала она Раеву, нисколько не смущаясь.

Пилоты, увидев его, мгновенно протрезвели и, сделав непринуждённый вид, наводили порядок. Раев заметил, что здесь же находился женатый пилот Романов из своей, соседней квартиры. Он по возрасту старше ребят, проживающих в общежитии, но предпочитал отдыхать вместе с ними.

– Очень приятно, Раев, – сказал Дмитрий Сергеевич, игнорируя протянутую руку или просто не замечая. Его взгляд пронизывал пилотов.

– Садитесь с нами откусать чайку, – сказал второй пилот Вася по фамилии Копейкин. Василий никогда не смущался и не оправдывался. Он на пару лет старше других пилотов, по натуре весельчак и заводила.

– Ну, что за дела? Бросаете вы меня под танки! А если бы со мной зашёл Репанов?

– Но не зашёл же, – сказал Василий.

Остальные пилоты предпочитали помалкивать, чтобы не нарываться на неприятности.

– Мы ничего не делаем, – продолжил Копейкин, – Вот к нам зашла в гости девушка. Днём принимать женщин не запрещается, угощать чаем тоже. Только она чего-то стесняется и не садится. Полёты сегодня закончились, вот мы и организовали досуг. У нас все холостяки. Надо же нам когда-то жениться, заводить детей, чтобы быть морально устойчивыми! Только Валя никак не может выбрать нужного жениха. Я не подхожу, так как старый и облезлый, – он махнул рукой на темечко, где едва проклёвывалась лысина, – И не комсомолец. Эти комсомольцы, – махнул он рукой на товарищей, – Но в женихи вообще не годятся, слишком молодые и трезвые.

У них ничего нет, кроме заработной платы и форменной одежды. Для Валентины они все на одно лицо.

Пока Василий говорил монолог, со стола на кухне таинственным образом исчезли бутылка и стопки, а с пола мусор.

– Я отдыхать не запрещаю и жениться тоже. Только всему есть своё время. У вас ещё не закончился рабочий день.

– Так мы же только побаловались чайком! А полётов сегодня всё равно не будет, нам техники сказали.

– Ну, ладно, я пойду к себе.

– А чайку? – спросил Василий.

– Дома попою. Не нарушайте порядок, – напутствовал Раев, открывая дверь.

Он понял, что зря заходил. Настроение не улучшилось, а только ухудшилось. Воспитатель из него никакой, сам в своё время вёл себя точно также. Раев быстрым шагом по скрипящему снегу направился к себе домой. Старые покосившиеся дома вдоль центральной улицы подсвечивали весёлыми огоньками окон. Раев свернул на тропинку, чтобы спрямить маршрут до штаба, где он проживал в отдельной квартире, составленной из трёх комнат. Тропинка едва угадывалась. На соседней улице совсем сумрачно и неуютно. Такие же старые дома обросли здесь заборами, сарайчиками, хлевушками, отчего улица стала больше похожа на грудку покосившихся домов. По пути встретились два трелёвочника, стоявшие прямо у домов, причём не очень красиво, добавляя неказистости в и без того невзрачную картину.

Новый день начался опять с неприятностей. Телефонный звонок из соседнего района взбудоражил весь личный состав. Оттуда сообщили, что у самолёта оторвалась лыжа, развернулась поперёк полёта и висела на тросах. Самолёт летел в районный центр, на базу, но это никак не успокаивало. Садиться ему надо на одну лыжу, а лёту ещё не меньше часа. Доклад в управление только подлил масла в огонь. Начались непрерывные звонки об уточнениях всех обстоятельств. А кто эти обстоятельства знал? Самолёт летел из самой северной глуши, почти с оконечности полуострова Канин, где связь существовала, но связаться не всегда удавалось.

Оставалось только ждать и надеяться на мастерство экипажа при посадке. Выждав этот злополучный час, все облегчённо вздохнули. Командир самолёта Яшин мастерски посадил самолёт на одну основную лыжу, погасил скорость и, уже потом, опустил самолёт на другую стойку. Для такого случая посадка выглядела идеальной.

С этого момента и улучшилось настроение у Раева. Видимо до этого мучило какое-то предчувствие, хотя он за работу второго звена не отвечал. Там имелся свой командир звена Скоков. Впрочем, пилотам, кроме обсуждения посадки, нечего, по существу, больше обсуждать, с техникой разбирались инженеры, а раз ничего не случилось серьёзного, этот случай постарались забыть. Правда, впоследствии он очень много раз всплывал на разборах всех уровней.

Только после обеда Раев вдруг вспомнил, что сегодня хватило самолётов. Все экипажи по плану у него оказались задействованы. Инженерная служба делала внеочередную проверку лыж на самолётах, но выполнялось это между полётами, не отнимало много времени и никак не отражалось на работе.

Отделка здания изнутри медленно, но заметно выполнялась, преображая весь внутренний вид. Помещения стали похожи на жилые. За время этой работы Язёв и Брызгалов ближе познакомились и сдружились. Брызгалову уже не требовалось искать напарника на рыбалку. Язёв сам страдал отсутствием помощника, поэтому они быстро нашли общий язык. Осталось только дожидаться вскрытия реки. Они вдвоём так и работали, но только Язёв старался это делать днём, а Брызгалов, получив конкретное задание, вечером. На общественные работы привлекались и комсомольцы, но в основном в выходные дни. На лаборатории с самого начала,

как трудились два человека, так и продолжали трудиться, но они работали в своё основное рабочее время.

Виктор стал замечать, что Ефим старался лишнюю работу свалить на него.

– Гвозди есть в речном предприятии, я сам видел, – говорил он, – Обратись с заявкой к главному инженеру, даст он тебе гвоздей, только не забудь представиться, рассказать, кто ты такой и зачем нужны гвозди.

Зная всех людей, Ефим Ильич никак не хотел проявлять инициативу. Брызгалов видел в этом две причины: или была запятнана репутация, или донимала лень-матушка, но, зная его по работе, его ленивым назвать язык не поворачивался.

– А доски есть в ремстройучастке, – продолжал Язёв, – Там руководитель..., – он опять называл фамилию, – Надо обратиться к нему.

Требовалось очень много. Предприятие молодое, в запасе ничего пока не водилось. Всё приходилось просить и кланчить. Брызгалов бегал по селу, искал нужные предприятия, нужных людей, брал материалы и возвращался. Язёву он никаких претензий не предъявлял, понимая, что с простого работяги спрос маленький.

– Откуда ты, Ильич, всё знаешь, где и что лежит? – спрашивал Виктор.

Ефим Ильич только усмехался:

– Поживёшь здесь и сам будешь всё знать – это дело не хитрое.

Комната, где размещались инженеры, в конечном итоге стала обшита. Требовалась только покраска. С покраской решили подождать до тёплых дней, чтобы избавиться от «буржуйки».

Неожиданно Альберт Ибрагимович Галич вызвал Якутина и сказал:

– К нам едет настоящий инженер из института по распределению. Готовьтесь к встрече. Теперь, я думаю, дело пойдёт на лад. У нас из имеющихся инженеров только у Серого есть диплом. Ты учишься, другие вообще без высшего образования. А теперь будет настоящий инженер с дипломом и со знаниями.

Якутин хотел возразить, что инженер будет «сырой», без практики, и что ему на первых порах учиться и учиться, но не стал портить приподнятое настроение у командира. «Это наши внутренние дела», – подумал он.

К встрече инженера всё оказалось готово. В назначенный день все инженеры пришли встречать рейсовый ИЛ-14. Пригревающее весеннее солнышко ласково улыбалось. Инженера узнали сразу. По трапу спускался молодой интеллигентный человек в тёмно-коричневой фетровой шляпе, довольно худощавый с пронизательным взглядом. Его глаза шарили по толпе встречающих, как будто отыскивая знакомых. От местных людей он сильно отличался, как по одежде, так и по манере держаться.

Его окружили, здороваясь за руку, похлопывая по плечу. Якутин не дал ему задать основной вопрос по поводу жилья.

– С жильём мы решим, – сказал он.

– Но у меня жена..., – неуверенно начал фразу инженер.

– И с женой тоже. У нас все вопросы решаются сразу.

– Катугин Василий Юрьевич, – наконец, представился инженер, – Я бы хотел снять частную квартиру. У меня всё же семья. Общежитие меня не совсем устраивает.

– Будет тебе и частная, – Якутин продолжал свой напор, – Сегодня день приезда. Все инженеры в сборе, поэтому сначала мы устроим вечерний чай, там всё и обсудим. Голоден? – спросил он.

– Так, немного.

– Вот поэтому сначала идём в столовую. Вещи где?

Вещи нашлись. Больше у трапа делать оказалось нечего. Якутин как-то незаметно отсеял Зимина и Серого, зная их привычку устраивать праздники по любому поводу. В столовую пришли втроём.

– Тебя Виктор Алексеевич проводит после столовой до временного жилья. Немного освоишься, а вечером мы все соберёмся. Настоящих инженеров у нас пока только один, остальные без дипломов. Ты будешь второй. Работа трудная, но интересная, увидишь много такого, чему в институте не учат. Да смотри не зазевайся, у нас девки бойкие, уведут от жены моментом, – Якутин хохотнул.

– Нет, я люблю свою жену, девок мне не надо.

– Это шутка, не воспринимай всё всерьёз, – оправдывался Якутин.

– Шутки я понимаю. Сам шутник! – Катугин тоже улыбнулся хорошей открытой улыбкой.

– Вот и хорошо, – сказал Якутин, – Значит, сработаемся.

Якутин, как всегда, взял обслуживание и расчёт за обед на себя – это давно стало одним из его правил: никогда и никому не быть должным, быть гостеприимным.

Василий Юрьевич оказался общительным. Во время обеда задавал много вопросов, но сразу предупредил:

– Я сюда только на три года. Если удастся – заведу детей. Пока тут работаю, они подрастут, а потом со всей семьёй поедem в Ригу, там у меня квартира, там моя родина.

– Это хорошо, что не скрываешь своих планов. Честный человек всегда ценится. А детей завести, проблем нет, помогут! Знаешь, какие у нас тут все молодые ребята! – Якутин опять хохотнул.

– Нет, уж лучше я сам, помощь пока не требуется, – Василий Юрьевич заканчивал свою трапезу, – Ну, я готов, пойдём, – сказал он, вставая из-за стола.

– Пойдём. Мы так и будем рассчитывать, за три года выжмем из тебя все соки. Так и настраивайся – эти три года работать в полную силу, – Якутин велел Брызгалову вести Катугина к себе, а сам остался на работе, – Вечером все увидимся, а, может, и раньше.

В общежитии инженеры задерживаться не стали. Катугин изъявил желание сразу оформиться на работу. Теперь уже Брызгалов водил его по штабу в том же порядке, в каком они ходили с Якутиным. Процесс выглядел так же, как и в прошлый раз, вплоть до выписывания аванса. Имелось только одно отличие: Брызгалов не умел входить в кабинеты по-хозяйски. Он робко стучался и просил разрешения войти. Оформили быстро: кто-то безразлично, но профессионально выполнял свою работу; кто-то заинтересованно, а Вицин опять пригласил всех курить. Затем он быстро помог решить все финансовые проблемы. Его, не смотря на его весёлый характер, никто не смел ослушаться. От него зависело всё штатное расписание, величина оклада, премия.

– Я сегодня накрываю стол, – неожиданно сказал Катугин.

– Накрыть стол, проблем никаких нет. Побереги деньги, они тебе ещё очень пригодятся. У нас здесь цены очень даже кусаются – это не Прибалтика и не средняя полоса. Если хочешь, сейчас сходим на экскурсию, покажу, в каких условиях трудимся, – Виктор жестом пригласил Василия Юрьевича к выходу.

– Пойдём, посмотрим. Мне пока всё равно делать нечего.

Брызгалов провёл инженера по всем объектам. На перроне теснились, задрав в небо нос, два огромных ЛИ-2.

– У вас тут, как в большом аэропорту. Самолёты, как челноки, приземляются один за другим. А я, честно говоря, думал: «Приеду в глушь, где, может, и самолётов не увижу».

– Работой не обижены. Справляемся, но людей пока острая нехватка. Вот отстажируем тебя, возьмёшь на себя часть нагрузки, а пока инженеры совмещают все инженерные должности, какие есть. Организационные вопросы тянет на себе Якутин, а с самолётами воюем мы. Я

тоже приехал не так давно. На Ан-2 допуска пока не имею. Будем сдавать экзамены вместе, – разъяснил Виктор.

– Последние годы я только и делал, что сдавал экзамены.

– Никуда не деться. В авиации всю жизнь надо учиться и сдавать экзамены, иначе не бывает.

Они пришли в служебное здание.

– Ну, как, впечатляет? – спросил Брызгалов, – После столичной-то жизни.

– Я почему-то примерно так всё себе и представлял. Меня ещё в управлении предупредили, что предприятие создаётся вновь. Я сам пожелал приехать сюда, к вам.

– Ну, тогда все проще. Будем просто работать.

Долго ходить по зданию не пришлось.

– Вы ещё здесь? – спросил, завидев их, Якутин, – А я думал, что уже читаете книжки!

Наталья Алексеевна Гончарова, диспетчер производственно-технического отдела, присутствующая при разговоре, рассмеялась. Анекдот про книжки ходил давно, но ещё не приелся.

– Вот, Наталья Алексеевна, приезжают «женатики». И когда успевают жениться? Жених – красавец!

– Я замужем, мне женихов не надо.

– Разве замужем нельзя иметь жениха? – спросил Якутин и сам ответил:

– Муж для дома, а на работе можно иметь временного жениха. Ладно, не будем смущать парня, мы пошли. Сегодня Вы тут будете старшей, а инженеров я всех забираю.

– Ещё не все самолёты сели, – попыталась вставить своё слово Гончарова.

– Если надо, мы сделаем так, что все сядут. У нас сегодня праздник: день приезда настоящего инженера.

Зимин и Серый материализовались из ниоткуда. Отдельного приглашения им не требовалось. Так всей компанией инженеры и пошли к Зимину на квартиру, теперь уже являющуюся настоящим общежитием.

В этот раз Якутин пространно объяснял, как всё будет, рисовал открывающиеся перспективы, продвижение по службе.

– Надо только беречь личный состав, обеспечить жильём, – говорил он, – Кого надо – женим! Мы всё можем! Вместе мы сила! Василий Юрьевич освоится и будет ведущим специалистом, а потом и уезжать не захочет!

– А нас куда? Списывать? – вставил слово Серый.

– Кто же тебя, Евгений Анатольевич, спишет? Как работал, так и работай. Алексей Александрович планирует уехать, всё равно грядёт вечная текучка кадров. Специалистов будет всегда не хватать. А таким инженерам, как ты или Зимин, вообще нет равных и пока нет замены. Молодых специалистов будем воспитывать и учить, готовить себе достойную замену.

– Мы когда будем искать жильё? – спросил Катугин.

– Завтра и начнёшь искать, Евгений Анатольевич тебе поможет. Он давно перезнакомился со всеми местными жителями. Женщины за ним табуном ходят, только почему-то он до сих пор холостой.

– Мне ещё рано, – вставил слово Серый.

– Сейчас рано, а через год-другой, глядишь, будет уже поздно. Бери пример с Василия Юрьевича – моложе тебя, а уже женат и планирует завести здесь кучу детей, – Якутин хохотнул, – Причём, от помощи отказывается.

– Он мужик серьёзный, а мне ещё погулять охота, – Серый разлил очередную порцию водки по стопкам.

– Погулять, конечно, можно, но нельзя особенно увлекаться, особенно этим, – Якутин кивнул на стопки.

- А чем тут увлекаться? Если меньше литра за вечерок, я вообще это вредным не считаю.
- Хвастался заяц, пока в суп не попал, – ответил Якутин.

Катугин сменил тему этого бесконечного спора:

- Я слышал, у вас тут бетонную полосу строят? – спросил он у Якутина.
- Строят методом: шаг вперёд и два назад.
- Это как?

Якутин пояснил:

– Сначала плиты укладывают, потом оказывается, что у полосы не то направление. Плиты снимают и снова укладывают. И так несколько раз. Сколько тут уже денег «вбухали»! Такие у нас строители народной стройки. Медленно, но строительство движется всё равно вперёд. С весны мы на бетон ставим самолёты, очень удобно. Не надо чавкать ногами по грязи ни экипажам, ни пассажирам, обслуживать самолёт удобно. На грунтовых стоянках обслуживающие машины тонут в глине, не могут подъехать. Иногда самолёт буксируем на бетон, а потом уже его загружают. Мы к строительству никакого практического отношения не имеем. Там своя команда, их контролируют непосредственно командир и первый секретарь райкома партии.

- Я гляжу, здесь строительство идёт нешуточное.

– Строительство идёт, но наше дело самолёты. Вот-вот должна прибыть первая партия специалистов-техников из авиационных училищ, около десятка человек. Точнее – это уже не первая партия, в прошлом году прибыли два техника. Тебе, Василий Юрьевич, новыми техниками и предстоит заниматься. Они придут с полной головой знаний, но для практической работы пока временно бестолковые. За молодыми специалистами надо абсолютно всё проверять, иначе не избежать беды.

- Сначала и мне надо научиться, – возразил Катугин.

– Тебя будет стажировать Виктор Алексеевич. Как только оформишься, найдёшь жильё, так сразу и приступишь к работе, но сильно не расслабляйся. У него опыт большой, работал в большом аэропорту и на большой технике, а экзамены Алексей Александрович примет по всей форме, – Якутин перевёл дух и пошутил:

- А если они, инженеры, не смогут принять экзамен, тогда это сделаю я.

Теперь засмеялись все. Инженеры, кроме Катугина, знали, что Якутин технику обходит стороной и не стремится её познать в совершенстве. Однако все знали и то, что организаторских способностей у Якутина хватит на десятерых. Его боялись и ненужные мысли вслух не высказывали.

Дрова в печке весело трещали. Виктор выполнял роль дежурного кочегара. В квартире в этот час стало даже жарко. Большое количество людей нагревало воздух своим теплом, а Зимин исправно всех окуривал, отчего в воздухе висели сизые причудливые завитки дыма. Они завивались кольцами, причудливо изгибались и зависали над головой, как облака...

С весенним теплом, как перелётные птицы, стали прибывать курсанты из авиационных училищ. Кто-то ехал сам по желанию; кто-то, как Катугин и другие, отрабатывать положенные три года. Брызгалов, учитывая поставленную задачу, создать свою учебную базу, при собеседовании интересовался совсем не техническими навыками, а больше художественными способностями и другими талантами. Пока молодые специалисты не освоились и не обленились, он «брал быка за рога», настраивал на творческую работу принудительно-добровольно. А курсанты, зная, что придётся сдавать на производстве государственный экзамен, не смели перечить и отказываться. Те же, кто хитрее, просто не выдавали своих талантов.

Таким проверенным в жизни способом нашли художников, специалистов по созданию учебных пособий. Нашёлся даже настоящий музыкант, который загорелся желанием создать на предприятии свой оркестр.

Расселение в домашнее жильё с тёплым очагом проходило в том же темпе. Часть курсантов устроилась в общежитие, часть стала искать частные квартиры, а одна молодая пара с

помощью руководства оказалась подселена к Зимину и Брызгалову в квартиру, для чего им выделили одну из двух комнат. Частную квартиру они искать не пожелали, а три медовых года согласны были прожить и так, включившись в общую очередь по топке печей. Техник по электрооборудованию Володя Аркадьев приехал с Украины, спокойный и уравновешенный по характеру, и хороший семьянин. Он выглядел худощавым и длинным, чёрноволосый. Его-то и присмотрел Брызгалов для создания учебных пособий по электро и приборному оборудованию в техническом классе. А парню сейчас было всё равно, где приложить свои старания, отработывая свою «ссылку», как все называли обязательный срок отработки после училища.

В седьмом часу утра оба общежития будил гул прогреваемых моторов самолётов. Рабочая смена техников, выпускающих утром самолёты, начиналась в шесть утра. Двигатели самолётов техники после подогрева запускали и выполняли их диагностику в рабочем состоянии. Брызгалов иногда выходил на работу тоже к шести утра, чтобы проверить работу утренней смены.

Первый раз, когда он рано утром вышел из подъезда, его поразило, что первый секретарь райкома партии Мовиль уже не спал. Он аккуратно чистил лопатой дорожки возле подъезда от выпавшего снега, а затем убирал разбросанный мусор возле мусоросборника. Он никогда не сторонился людей, а сразу по-свойски здоровался и что-нибудь спрашивал. А это «что-нибудь» могло быть что угодно, иногда он спрашивался о здоровье, иногда интересовался делами на работе или погодой; или вдруг делился делами хорошими и не очень в других организациях. Секретарь стремился быть в курсе всех происходящих дел, курируемых коммунистической партией, а для этого знал людей, умел ими дорожить, но и беспощадно наказывал, когда того требовала обстановка.

Брызгалову становилось как-то не по себе, что с ним, почти с незнакомым человеком, разговаривает сам первый секретарь райкома партии, но потом он привык и уже не удивлялся, когда Мовиль в сенокосную страду спрашивал: «Будет ли днём дождь?»

С прибытием молодых специалистов работы меньше не стало, а для Якутина, наоборот, прибавилось хлопот. За рабочий день возникали десятки самых различных и неожиданных вопросов, которые копились, наслаивались и, от которых никуда не спрятаться и не деться.

– Ты почему опоздал на работу? – спрашивал он в очередной раз шалунишку, хотя прекрасно знал, что накануне в общежитии отмечали конец рабочего дня.

– Не знаю, просто спалось, а будильника не слышал, – отвечал нарушитель, – Впредь не повторится, – заверял он.

Но всё повторялось, и конца этому не предвиделось. Опоздания на работу случались и утром, и после обеда.

– Пиши объяснительную записку, – говорил Якутин очередному нарушителю.

Тот исправно писал:

«Я ушёл на обед. После обеда меня разморило, и я незаметно уснул. Проснулся к концу рабочего дня, когда на работу идти согласно распорядку дня уже не надо».

– Ну что с ними делать? – спрашивал Якутин, а сам смеялся, – Вы посмотрите, что мне пишут! За такую объяснительную надо не наказывать, а поощрять! Это же специально так не придумать! Рассмешил! А вы говорите, что у нас нет талантливых людей!

Инженеры его слушали и только улыбались.

– Примем меры, – обещал на всякий случай Серый, хотя сам прекрасно понимал, что мер никаких принимать не будет, а припомнит должок технику при необходимости задержаться на работе.

Его принимаемые «меры» давно все знали – виновник будет вынужден накрывать стол. Евгений Анатольевич старался людей не наказывать. За все грехи и шалости подчинённых перед начальством оправдывался сам.

Брызгалов постепенно навёл порядок в графике работы и формировании бригад, создал два мощных постоянных участка, причём один участок перевёл на двухсменную работу. Теперь каждый знал зону своей ответственности и конкретный вид работ. Василий Юрьевич быстро освоил самолёт, успешно сдал все зачёты и стал руководить одним из участков, а Серый возглавил другой.

Солнечная весенняя погода радовала и бодрила. Снег стал заметно оседать, чернеть и превращаться в весенние лужи. Из-под снега стал вытаивать весь хлам, накопившийся за долгую зиму. Только сейчас Брызгалов понял, что техники никогда ничего не прибирали, а оставляли где попало. Всё это укрывал слой снега, а теперь, когда снег стал сходить, по всему перрону, вдоль рулёжек, на стоянках можно найти то, что зимой иногда бесследно исчезало. Виктор дал указание Катугину провести общий разбор и заняться наведением порядка, а также попросил заставить бригадиров контролировать приведение рабочих мест в порядок в конце рабочего дня.

– Ты, Василий, сам не бегай, – говорил он, когда заметил, что Катугин мечется от одной бригады к другой, – А заставляй работать бригадиров. Твоё дело проконтролировать и с них спросить. Рычаг у тебя есть мощный – ежемесячная премия. Её ведь можно и не давать! Нет порядка, значит, нет и премии.

– Не хотелось бы наказывать премией.

– Не хочешь наказывать – заставляй работать.

Брызгалов знал, что Якутин категорически против того, чтобы работников наказывали снятием премии. Он считал, что премия – это часть заработка, который специалист должен принести в семью. Сам он мог учинить такой разнос, что, как он сам говорил, «пух полетит», но никогда человека не наказывал деньгами.

Василий Юрьевич это тоже знал и мелкие «шалости» просто прощал, закрывая на это глаза.

– Ты знаешь, – как-то сказал Брызгалову Катугин, – Я не очень люблю летать. После смены двигателя надо облетать самолёт. Не мог бы с экипажем слетать ты?

– Ну, у тебя и проблема! Конечно, слетаю. Я, наоборот, очень люблю летать, а когда покажу двигателю кулак, он у меня работает, как часы. От меня в этом плане только польза.

Оба рассмеялись.

– Вот и договорились! – обрадовался Катугин.

– Ты, Вася, по таким пустякам не расстраивайся. Обращайся по любому вопросу – решим, всё в наших силах.

– Я просто знаю работу на земле, а в воздухе немножко теряюсь.

– Не расстраивайся! – ещё раз сказал Брызгалов, – Когда надо слетать – зови меня. В воздухе проверять двигатель легче и лучше. Экипажи рычаги мне охотно доверяют, потому что эту работу я выполняю лучше их. Точнее, рычагами они двигают не хуже, а вот контроль параметров я выполняю лучше. А ты займись вплотную подготовкой ребят к государственному экзамену. Я не сомневаюсь, что все сдадут, но надо это провести в торжественной обстановке, чтобы люди почувствовали внимание к ним руководства. Экзамен на производстве сдавали все, и я тоже в своё время его сдавал.

– Я всё сделаю, только вовремя подсказывай, если что не так.

Технический класс изнутри приобрёл жилой вид. На потолок смонтировали самые лучшие светильники, какие только нашлись в хозяйстве. Потолок и пол приобрели гладкий идеальный вид. Стены выровнены и облицованы, осталась покраска.

Но вначале все силы бросили на комнату инженеров, где размещался временно и руководитель. «Буржуйку» убрали за ненадобностью совсем. В будущем планировалось отопление от котельной. Все неровности стен помещения спрятали. Комната окрашена краской так, чтобы

её цвет располагал к творчеству и работоспособности. Временно в кабинет в обуви не входили, чтобы краска могла нормально просохнуть

Глядя на первое отделанное изнутри помещение, у людей невольно поднималось настроение и жила вера в светлое обещанное коммунистической партией будущее. Сформированная из курсантов-техников бригада по кусочкам собирала необходимые детали, забракованные от постановки на самолёт, но вполне пригодные для обучения. А ещё через некоторое время в класс приобрели столы и стулья. Работа в классе закипела в полную силу. Техники изготавливали стенды, рисовали плакаты, установили самодельную огромную классную доску, внутри которой спрятали изготовленные схемы и плакаты. Володя Аркадьев делал стенды по приборному и электрооборудованию.

Брызгалов пришёл к Якутину.

– Дай мне отпуск, – попросил он.

– Какой тебе отпуск? Начинается самая работа. Ты отработал всего полгода. Отпуск тебе, конечно, положен, но не в разгар же работы!

– Мы с Язёвым задумали съездить на озеро. Мне всего надо две недели: неделя на дорогу и неделя, чтобы наловить рыбы. До озера по речкам примерно шестьсот километров, – Брызгалов знал, что Якутин ему не откажет, поэтому твёрдо стоял на своём.

– Ладно, две недели я дам, – сдался Якутин, – Но потом будешь работать с полной отдачей.

– Я всегда работаю с полной отдачей!

– Значит, будешь работать ещё больше. К зиме надо построить котельную, она должна работать. Бригада для строительства дока для самолёта должна на днях приступить к работе. Поселим её в моём будущем кабинете.

– Как в кабинете? – Брызгалов даже поперхнулся, – Для чего мы тогда старались с отделкой помещений?

– Кабинет пока не отделан, поэтому проблем не будет, а в остальные помещения им вход будет закрыт. Этот вопрос решён и обсуждению не подлежит. Согласовано на самом высшем уровне, – он поднял палец кверху, – В райкоме партии. Раз ты собрался в отпуск, значит, распоряжаюсь я. Остальные инженеры будут заниматься самолётами. Я не могу совсем оголить основную работу. Передавай дела Катугину. Пусть он берёт на контроль и периферию.

– Спасибо, понял. Я тогда оформляюсь, и мы отбываем.

В начале июня Язёв и Брызгалов на деревянной лодке отчалили вниз по течению. Им предстояло спуститься по реке почти до устья, затем свернуть на впадающую речку и подниматься вверх до последнего населённого пункта, а там уже по виске рулить примерно километров сто до озера.

Лодка оказалась полностью загружена. Пустые бочки под рыбу занимали почти всю площадь судна. За рулём сидели по очереди: один в носу лодки отсыпался, а второй рулил, чтобы не терять время на длительные остановки.

По главной реке спустились относительно быстро, а вот путь вверх по маленькой речке оказался утомителен и долог. Низкие глинистые берега, поросшие кустарником, никакого впечатления не производили, созерцать их особо нечего. Некоторое оживление вносили деревни, но они быстро оказывались позади. Останавливались на обед, как правило, в безлюдных местах, быстро разжигая костёр. На чаепитие уходило не более получаса. Облегчённо вздохнули, когда показалась последняя деревня, расположенная на своеобразном полуострове, образованном огромным изгибом реки.

Заезд в виску Язёв помнил плохо. Знал, что надо миновать деревню и искать устье виски в одном из поворотов недалеко за деревней. Этот поворот искали очень долго, возвращаясь к деревне и снова заезжая вверх. Только на третий раз, когда заехали дальше прежнего, увидели устье виски. Предстоял утомительный стокилометровый путь вверх. Одно радовало, что ехать

по узкому извилистому руслу оказалось очень интересно. Спать уже никому не хотелось. То и дело попадались торчащие с берегов обгрызенные льдом деревья, от которых приходилось отворачивать лодку и уворачиваться самим.

Речка очень сильно петляла, показывая свои причудливые повороты, иногда закручивающиеся на триста шестьдесят градусов. Лодка вращалась в одну сторону, а затем точно так же в противоположную.

– А ты знаешь, – сказал на очередном привале Язёв, – На этой речке не всегда справляются с течением и выскакивают лодкой на берег.

– Не совсем понятно, как можно вылететь на берег, если нормально сидеть за рулём? – спросил Виктор.

– Увидишь сам. Даже самые опытные рулевые оказываются на берегу.

– Разве нельзя выписывать повороты, регулируя скорость лодки, по руслу?

– Не всегда это получается...

Чаепитие закончилось быстро. На очередном крутом повороте мощная струя воды, вывернувшаяся из-за очередного мыса, ударила в нос лодки, направляя её прямо, и через секунду почти вся лодка выскочила на берег в низкую излучину поворота реки.

Язёв заглушил мотор.

– Лучше бы ты этого не говорил, – сказал Виктор, – Теперь я сам убедился, как это получается, давай стаскивать.

– Я сам не ожидал, хотя мысленно к этому готовился, – ответил Ефим Ильич, – Ничего страшного, стянем и поедем дальше.

– Поедем, только времени немного потеряем.

А ещё через некоторое время на пути встретился завал. Огромные сучковатые брёвна перегородили русло виски метров на пятнадцать в длину. Путники остановились, рассматривая это причудливое нагромождение. Они понимали, что, если разбирать завал, можно не справиться и за день. Глубина узкой речушки достигала нескольких метров – в сапогах на дно не встать. Работать на воде, балансируя в лодке, очень неудобно. Багра с собой не имелось, а имелся только длинный шест.

– Отталкивайся, – неожиданно сказал Язёв, – Будем преодолевать с разбега. Преодолеем, сколько сможем, с разбега, а дальше будем думать.

Он подождал, когда лодка отплывёт по течению назад, затем завёл мотор и дал полный газ. Лодка, медленно набирая скорость, ринулась вперёд. На подходе к завалу скорость уже оказалась максимально возможной. Далее нос лодки заскочил на бревно, и она по скользким сырým брёвнам заскользила вперёд, замедляя существенно скорость. Запаса скорости хватило до конца завала, а далее нос лодки опустился в воду, существенно облегчая ей плавный сход с брёвен. Язёв включил мотор на ход, и опять поехали, как ни в чём не бывало, вверх по течению.

Завалы следовали один за другим. Опыт первого завала продемонстрировал, как надо с ними бороться, и проблем почти не возникало.

Озеро появилось, когда от бесконечных надоедливых поворотов рябило в глазах. Огромное море воды плескалось перед глазами. Поехали сразу в одну из широких протоков, где не так доставал ветер. Вскоре попалась изба, в которой и устроили своё становище.

Раскинули сети, но рыба ловилась крайне плохо. От безделья Виктор нашёл причудливый корень, похожий на человеческую голову, стал охотничьим ножом вырезать дерево, придавая корню нормальный человеческий вид, но не получались глаза. Он задумал один глаз сделать прищуренным, но ничего не выходило.

– Слушай, Ефим Ильич, – сказал он, – Закрой один глаз и посиди немного на пенке. Тебе выпала великая честь быть прототипом будущего лица.

Ефим Ильич неохотно, но согласился. Он не привык сидеть без дела, а тут пришлось бездельничать, да ещё с закрытым глазом.

Медленно Виктор вырезал то, что задумал. Получилось лицо, похожее на пирата. Он вырезал рот с видимыми клыками, а затем, изготовив трубку, вставил её между клыков. Получилось довольно сносно.

– Всё! – сказал Брызгалов, – Остальное доделаю дома, осталось покрыть лаком.

После долгого сидения без дела рыбаки решили съездить на соседнее озеро, сообщаемое с главным озером мелководным ручьём. После долгих поисков рыбы они наткнулись на островок посередине озера. Когда лодка уткнулась носом в траву, трава по обе стороны от носа лодки зашевелилась.

– Здесь в траве много рыбы, – сказал Виктор.

– Я вижу, – ответил Язёв, – Сейчас сделаем косою прокосы и поставим сети.

Через некоторое время рыбаки островок весь опутали сетями. Просто сидеть и ждать они не захотели, вышли из лодки и начали ходить по траве. От ног уплывали рыбины, раздвигая траву и, тем самым, выдавая своё присутствие. Через некоторое время заколыхались сети. Расхаживая по траве пешком, рыбаки выпутывали рыбу, бросая в лодку. Огромных язей оказалось много. Пришлось, оставив сети, взяться за чистку рыбы. Надоедливый гнус, почувствовав безветрие и повышение температуры, тучами атаковал рыбаков. Им пришлось из травы отъехать на лодке на середину озера и там продолжить работу.

Виктор очень старался, поэтому после очередного взмаха ножом тот, зацепившись за чешую, случайно вылетел из руки и булькнул в воду. Мгновенно Виктор схватил весло и воткнул в то место, где упал нож. Очень повезло, что оказалось не глубоко и весло воткнулось в ил, а через некоторое время лодка оказалась от весла в десятке метров. Лёгкий ветерок не позволял ей держаться на одном месте. Без ножа производительность работы упала в два раза, но для Виктора не это сейчас виделось главным, ему до слёз оказалось жаль свой красивый охотничий нож.

– Поехали искать, – сказал он Язёву.

– Поехали, только, как мы его в иле найдём?

– А кол для чего? Я попробую его около воткнутого весла нащупать колом.

Оставшимся веслом они подгребли к торчащему из воды концу другого весла. Виктор долго вышупывал дно, пока, наконец, в полуметре от весла кол не наткнулся на нож. Он тут же рядом воткнул кол, а весло забрал в лодку.

– Осталось поднять, – сказал он, – Только вода ледяная. Я нырять боюсь, у меня судорогой сводит ноги. Ты, Ефим Ильич, поддержи меня за ноги, а я достану.

Со стороны эта подводная операция выглядела очень смешно, но зрителей в глухой тайге не водилось. По колу Брызгалов опустился до места, схватил нож и дёрнул ногой, чтобы Язёв его вытаскивал.

В лодке он долго с синими губами дрожал от холода. Купание в воде с небольшой плюсовой температурой занятие не из приятных, особенно вдаль от костра или избы. Одевшись, Брызгалов через некоторое время согрелся и продолжил работу.

В этот день они наловили примерно половину бочки язей.

– Хватит, – сказал к вечеру Язёв, – Остальное выловим завтра. Нам осталось тут жить три дня. Если так дело пойдёт, с пустыми бочками не уедем.

На следующий день всё повторилось. Когда лодка подошла к островку, трава заходила ходуном, а поплавки у сеток запрыгали. К удивлению рыбаков, в сетях не оказалось ни одного язя. Улов оказался из щук разных размеров. За день они достали приличное количество щук.

– Что же тогда будем ловить завтра? Куда делись язи и откуда взялись щуки? Понятно только то, что щуки распугали другую рыбу, – засыпал напарника вопросами Брызгалов.

Язёв не знал, что ответить. Не смотря на свой огромный опыт в рыбалке, он с таким явлением столкнулся впервые.

– Завтра будем ловить то, что осталось в траве, – ответил он, – А что там осталось, никто не знает.

На третий день в траве прятались только окуни. Огромные горбачи точно так же раздвигали траву, убегая от подъехавшей лодки. Никакой другой рыбы в этой густой траве между сетями не оказалось. Щуки, как и язи, куда-то исчезли.

– Рыба подходит по заказу. Не ты случайно колдуешь? – спросил Язёв.

– Если бы я, попросил бы что-нибудь посущественнее, например, сига. Колдует кто-то другой, поставляя нам рыбу по своему усмотрению.

– Сегодня закругляемся. Выловим всех окуней и снимем сети. Завтра по утрам отчаливаем, иначе опоздаем на работу.

– Я не возражаю, поскольку дал слово, что отпуск только две недели, а слово своё надо держать.

Проснулся утром Брызгалов от шума ветра. После тихой погоды, как-то непривычно слышать это завывание откуда-то взявшегося ветра. Язёв уже не спал. Он заваривал чай. Увидев, что Брызгалов проснулся, он сказал:

– Гнуса сегодня нет, но у нас другая беда – на озере шторм. Волна здесь гуляет огромная. Случаев, когда тонули рыбаки, много. Что будем делать?

– Доберёмся из нашего укрытия до озера, а там посмотрим. Ветер дует с самого утра, а потом может и стихнуть.

– Хорошо, поедем.

Пока ехали по протокам, волна перегруженную лодку досаждала не очень сильно. Выход в озеро выполнялся против ветра, поэтому волна сильно не мешала и тут, но с каждой минутой увеличивалась в размерах. К истоку озёрной виски маршрут пролегал по озеру вдоль волны, что при таком волнении осуществить очень проблематично. Очередная волна с белым гребешком может оказаться в перегруженной лодке.

Озеро бесновалось, отливая часть своих неисчерпаемых вод внутрь лодки. Сзади за Язёвым висела полтораметровая волна, нависая над головой, но, никуда не исчезая, не приближаясь и не удаляясь. Виктору стало смешно. Он заулыбался во весь рот. Смешно стало не от нависшей волны, а от того, что Язёв её не видел.

– Рули пока прямо против волны, – крикнул Виктор, махнув рукой по курсу лодки, – а потом выберем более пологий гребень и повернём под углом в обратную сторону – это единственный вариант.

– Да я вижу, что другого выхода нет, – крикнул в ответ Ефим Ильич.

Разворот они выполнили мастерски, выбрав из многочисленных волн ту, что наиболее подходила для маневра. Оказалось, что идти в обратном направлении намного легче. Лодка перекачивалась по огромным волнам, но воду бортами больше не черпала.

Когда они зашли в виску и пристали к берегу, их встретили какие-то мужики с выпученными глазами, которых на пути вперёд они здесь не видели.

– А у нас в такой шторм в озеро не суются, – сказал один из них, – Это чудо, что вы остались живы.

– Вас тут не было, когда мы заехали, поэтому ни у кого и не спросили, – пошутил Язёв.

– Пойдём пить чай, – сказал тот же мужик.

– За приглашение спасибо. У нас заслуженный отдых, поэтому принимаем приглашение с удовольствием, – ответил Ефим Ильич, – Немного надо подсохнуть. Нас поджимает время, поэтому и рискнули ехать в такую погоду.

– А как рыбалка? – раздался из-за спин рыбаков вопрос.

– Наловили, но не так много. Хотелось бы порыбачить ещё, но надо успевать на работу, – ответил Виктор, – Наловили всякий мусор, а сига что-то так и не видели.

– Сиги там, – махнул рукой в сторону середины озера мужик, тот, что первый с ними заговорил, – Глубина на середине восемнадцать метров, там сиги и живут, а в траве их не найдёте.

– Как же вы их оттуда достаёте?

– Опускаем сети на эту глубину и крепим на буюх, проверяем естественно в тихую погоду.

В избе шёл неспешный разговор, как и бывает в таких случаях, а тут ещё и погода «подкузьмила». Хозяева избы из-за непогоды никуда не торопились и рады были обсудить насущные проблемы с гостями.

Обед затянулся. Первым встал из-за стола Язёв.

– Спасибо, мужики, за чай, но нам надо ехать. Теперь уже никакая волна не достанет, так что потихоньку будем спускаться.

– Что ж, не смеем задерживать, – сказал бородатый рыбак.

Язёв и Брызгалов сели в лодку и оттолкнулись. Предстоял длинный путь домой. Завалов на виске стало меньше: то ли бригада рыбаков, приехавшая на озеро, постаралась; то ли брёвна сами рассосались; то ли влиял опыт, приобретённый, когда ехали вперёд. Только один раз Язёв не справился с лодкой. Она с выключенным мотором, но имевшая приличную инерцию, врезалась носом в нависшую берёзу. Казалось, что это будет их последняя остановка. Но, удивительно, лодка согнулась дугой, выкинув вверх два носовых шпангоута, а затем опять распрямилась и поплыла по течению. Рыбаки не успели даже, как следует, испугаться. Язёв опять завёл мотор, и они поехали дальше, так и не обсудив происшествие.

Только, когда въехали в свой район, пришлось ещё раз поволноваться. Навстречу шёл лесосплавный катер, таща за собой огромную волну. Брызгалов спал в носу, когда почувствовал, что находится под водой. Грузёная лодка врезалась в волну, но не всплыла, а просто в неё нырнула. Вода обрушилась в лодку, заливая всё, что в ней находилось. Переполненная водой, посудина всплыла, но Брызгалов оказался весь мокрый. Реакция, правда, его не подвела. Он вскочил, схватил ведро и принялся отливать воду, уже за работой осмысливая происшедшее.

Июнь выдался холодным и дождливым. Радовавшее солнышко в начале июня куда-то исчезло. Небо заволокли однотонные серые тучи. За время отсутствия Язёва и Брызгалова оказалась закончена отделка лаборатории. Мрачное помещение превратилось в светлое, просторное, с яркой иллюминацией заведения. Были установлены настоящие лабораторные столы и стенды. Правда, замедлилась работа на техническом классе, но Брызгалов знал, что эту работу он оживит быстро.

Виктор хоть и был предупреждён, но очень удивился, что теперь в центральной комнате жила бригада строителей-закарпатцев. Днём они находились на работе, появлялись только вечером на ночёвку и отдых. Вместе с мужиками жили две женщины, выполняющие роль поварих и, по совместительству, строителей. Грязь они развели невероятную, правда, только в пределах дозволенной площади, а площадь эта не убиралась и в избытке оказалась завалена пустыми банками и бутылками, отчего в здании завелись крысы.

Строители приступили к возведению дока. Рядом с производственным зданием возвышались металлические конструкции. Вокруг площадки разложены груды белого кирпича, мешки с цементом, бетономешалки, куски рубероида и много ещё всего, что необходимо для строительства.

Работала бригада от зари до зари, не требовались контролёры и няньки. Всей работой руководил бригадир, единственный грамотный в бригаде человек, Фёдор Шилин. Он являлся и бригадиром, и прорабом, и начальником, и замполитом. Члены бригады ему беспрекословно подчинялись, поскольку он, кроме всего прочего, умел ещё выколачивать деньги с предприятия. Работая наряду с остальными членами бригады, Шилин, когда требовали обстоятельства, ходил по кабинетам штаба, распахивая двери, как у себя дома, и добивался, требовал, выпрашивал, но всегда выходил из дверей победителем. Чаще других доставалось от него Галичу, но

командир терпел его наезды, зная, что без этой бригады ему будет туго. За короткий летний сезон только они могли реально что-то создать и построить, не требуя взамен особых привилегий и удобств. Поэтому Шилин считался, как говорится, «первым парнем на деревне».

Фёдор ничего не знал о полётах, кроме того, что можно купить билет и полететь. Его не интересовали пилоты, техники, диспетчеры и другие специалисты. Он знал только своё дело и требовал к себе за хорошую работу такого же хорошего и уважительного отношения, которое заключалось в своевременной и полной оплате труда. Шилин не ходил жаловаться к замполиту или к высоким чинам, он просто требовал своего в знакомых кабинетах штаба.

Его уважали, знали в посёлке, а руководители организаций обращались за помощью. Он редко отказывал и брал для себя в нагрузку строительство других объектов за пределами предприятия. Шилин планировал и строил свою работу так, чтобы объекты друг другу никак не мешали, но зато он мог перекидывать взаимобразно необходимые строительные материалы с одного объекта на другой – это позволяло исключить простой из-за отсутствия стройматериалов.

Док рос на глазах. Металлические конструкции стали обрастать крышей, а с одной стороны росла кирпичная кладка, не предусмотренная проектом, для подсобных помещений. Коррективы вносились прямо во время строительства. Без этих пристраиваемых помещений док выглядел бы просто, как шатёр от ветра. Якутин же с Галичем задумали пристроить котельную и отапливать зимой оба здания. Руководство райкома партии эту затею одобрило.

– Пойдём, я тебя познакомлю с Шилиным, – сказал Якутин Брызгалову вскоре после его возвращения, – Ты должен быть в курсе всех дел. Стройка не твоя прямая обязанность, но я могу уехать в командировку или на сессию, тогда ты будешь заправлять всеми делами.

– Я заправлять не отказываюсь, но как всё успеть?

– Я же успеваю, значит, и тебе надо успевать. Понимаешь сам, что придёт зима, нужны будут тёплые помещения для создания необходимых условий труда. Хватит нам ютиться по балкам и времянкам!

– Кто же отказывается от тёплых помещений?! Только дел тут пока непочатый край!

– Будем делать, никуда от этого не деться. Не забывай про технический класс. Нас очень поджимают сроки. В этом году он должен быть закончен, – Якутин подвёл Брызгалова к строящемуся доку, – Фёдор! – окликнул он.

Подошёл коренастый смуглый мужчина, всем своим видом похожий на человека из южных республик.

– Слушаю тебя, Пётр Васильевич, – сказал он, держа в руках мастерок.

– Потолок будем делать утеплённым, так что не халтурь, а сразу придумывай крепления для навески.

– Разве мы халтурим? – обиделся Шилин.

– Не обижайся – это моя глупая шутка. Я знаю, что вы не халтурите. А насчёт потолка я серьёзно. Добыть минеральную вату – моя проблема, а сделать тёплый потолок – ваша. Вот познакомься, – указал он на Брызгалова, – Это мой зам Виктор Алексеевич. В моё отсутствие можешь обращаться к нему. Он будет непосредственным начальником этого объекта, значит, и контролировать будет со стадии строительства.

– Хорошо. Только чего нас контролировать? С потолком я понял. Будут другие вопросы – решим.

– Приятно, Фёдор, с тобой иметь дело, понимаешь с полуслова. Ладно, не будем отвлекать.

Шилин ушёл к бригаде.

– Хорошую мы нашли бригаду? – спросил Якутин, когда Шилин ушёл, – Они строят, не считаясь с личным временем. А бригаду он держит в кулаке. Я не знаю, как он им платит, но

это не наше дело. Нам надо, чтобы они строили, а они строят! Я ему сказал, чтобы помещение котельной было готово к осени, но он к осени хочет сдать весь объект.

– Внутренний монтаж в котельной тоже они будут делать?

– Нет, пока отсутствуют котлы. Два котла должны морем привезти на барже. Монтаж котельной будет задача наших строителей, только на них надежды совсем нет. Они не умеют строить так, как Шилин – быстро и хорошо.

– Кто же тогда доделает котельную? – спросил Брызгалов

– Придут котлы, тогда и будем думать. Сейчас чего загадывать? Может, мы с тобой и будем делать. Надеюсь, ты не против?

– Я не против. Только здесь нужны специалисты, а мы с тобой в котлах ничего не понимаем.

– Найдём специалистов, – заверил Якутин, – Не такие вопросы решали.

Катугин за две недели, что не было Брызгалова, полностью освоился и руководил всем процессом технического обслуживания. Работа шла уверенно и планомерно, но с исправностью дело обстояло не совсем хорошо. Техническая служба не успевала за налётом часов. Самолёты плановый ресурс сто часов не отлёгивали и становились на обслуживание раньше срока. Причина банальна: пилоты технику не берегли, а выжимали из неё всё, что можно, затем записывали в бортовой журнал замечание и садились на другой самолёт.

С таким положением дел никак нельзя было мириться. С тех пор, как сошёл снег, над аэродромом всё время витали клубы пыли, поднимаемой винтами работающих двигателей самолётов. Эта пыль, как наждак, выводила из строя цилиндры и поршневые кольца. Пилотам было всё равно, в пыли или нет работает двигатель. За этим никто не смотрел, а лётные руководители от такого контроля просто самоустраивались, хотя Якутин на совместных разборах каждый раз поднимал этот вопрос и заострял на нём внимание.

Никакие разборы и уговоры не помогали. Можно на поле каждый день наблюдать такую картину: один самолёт стоял с работающим двигателем, а другой пристраивался ему в хвост и «глотал» пыль или самолёты рулили вереницей друг за другом.

Якутин и Репанов каждый день на повышенных тонах обсуждали этот вопрос, причём каждый доказывал свою правоту.

– Где я тебе наберу исправных самолётов, если вы умышленно их выводите из строя? – спрашивал Якутин.

– Наше дело летать, а техника – это ваша забота, – доказывал Репанов

– Но летать надо грамотно, – вразумлял Пётр Васильевич.

– А ты что, будешь учить нас летать? – спрашивал Репанов, – Тогда садись и летай.

– Надо будет – начнём учить, сейчас такая установка сверху идёт. Терпеть дальше такое ваше отношение к технике мы не будем.

– Ладно, я скажу на разборе, – шёл на попятную Репанов.

– Сказать мало. Надо ещё контролировать.

– Ты лучше скажи, завтра сколько самолётов дашь? – сбавлял тон и переходил на мирную беседу Репанов.

– Пока не знаю, инженеры вечером доложат, тогда уж я тебе скажу точно.

– Бездельники твои инженеры! – опять заводился Репанов.

– В таком случае я пошёл, – Якутин повернулся к выходу и одел фуражку.

Галич, когда присутствовал при такой перепалке, выполнял роль посредника, пытаясь унять разбушевавшиеся стороны. Он имел техническое образование и часто становился на сторону Якутина, понимая, что от этой службы зависело многое, если не всё. На неисправных самолётах не летают, а исправные могла выдать только эта служба, причём, выдать так, что подписывалась за обеспечение безопасности каждого полёта.

– Ну, что, инженер, – спрашивал он Якутина, когда никого не было, – Никак вас мир не берёт с Репановым?

– Мы люди мирные, но службу и своих инженеров я в обиду не дам!

– Правильно. Завтра-то будем летать?

– Я сейчас всё уточню и Вам доложу.

С Галичем Якутин всегда был вежлив и учтив, хотя они дружили и ходили семьями друг к другу в гости. Жена Галича работала медиком и проводила предполётный осмотр у пилотов. Жена Якутина работала зубным врачом. Обе женщины всегда имели общую тему для разговора, когда мужья обсуждали насущные проблемы с самолётами, аэродинамику и другие мудрёные вопросы.

– Доложи. Что-то мы с тобой давно не встречались. С работы почти не ухожу. Надо бы как-нибудь посидеть за чашкой чая.

– Выбирай, Ибрагимович, время. Я всегда готов!

– Я знаю, что ты готов. Как там твои, не сильно пьянствуют? Мне докладывают, но я слухам стараюсь не верить. В конце концов – это твоё дело и твой коллектив.

– Пока всё в норме. Пьянства не замечал. И вообще я не разрешаю пить больше меня.

Оба рассмеялись.

Якутин добавил:

– Совсем не будет порядка, если техники будут пить больше инженеров. В этом плане я работаю не хуже замполита, а если надо и настоящего замполита подключу. У меня почти все комсомольцы, порядок и дисциплину понимают.

– Ну-ну, я не собираюсь заниматься вашей дисциплиной. Ты уж как-нибудь сам. У меня со стройками голова идёт кругом. Экспедиция достаёт. Им всё время недодаём самолёты. Обслуживаем их по остаточному принципу, хотя это наш основной заказчик.

– Самолёты будут. Катугин полностью освоился, умело и толково руководит, как и подобает настоящему инженеру. Брызгалову, который разрывается между классом и самолётами, он существенно облегчил работу.

– Ну, как он, толковый инженер?

– Схватывает всё на лету. Грамотный. Ему ещё немного практики и заменит всех. Брызгалов натаскает, ему знаний не занимать. Весь участок мне перекроил, всех определил по местам. Катугин привёз жену, устроились на частной квартире, ни на что не жалуются.

– А что Зимин и Серый, ему не мешают?

– Зимин при всех не вмешивается, а Серый иногда не согласен, но перечить тоже побаивается. Они видят, что мы с Брызгаловым всё время вместе, поэтому и Катугина не трогают.

– Ладно, ты только его не балуй. Пусть выдает самолёты и с высоким качеством.

– А я и не балую никого. Сам весь избалован. Нам бы ещё машинку. Вроде инженер, а бегаю бегом, как мальчик.

– Потерпи, будет и машина. Мы кормимся за счёт других авиационных предприятий. Денег всё время не хватает. Каждый день дыры латаю. Банк уже грозит арестовать самолёты. Вся моя работа заключается в том, чтобы выбить деньги. Шилин грозит всё бросить и уехать. Он, конечно, не уедет, но заморозить стройки и перекинуться в другие организации может. Хорошо пока Мовиль помогает. А Шилин уже и туда дорогу нашёл. На меня не жалуется, но деньги просить в райком партии ходит, так что со временем подумаем над твоей машиной. Живём на природе, значит, должны пользоваться дарами природы: рыбачить, собирать морошку и на природе отдыхать. Вы, я знаю, иногда расслабляетесь, а мне и расслабиться некогда. Подношу ко рту ложку супа, звонят, вызывают на работу. И так каждый день! А край у нас здесь морошковый. Вот построим всё и заживём!

– А ты, Ибрагимыч, ещё и летаешь. Как ты всё успеваешь?

– Сам не знаю. Летать приходится, чтобы не потерять окончательно навыки.

- Ладно, я пошёл, – сказал Якутин, – Минут через тридцать позвоню, сообщу, что и как.
- Звони.

Якутин знал, что ничего нового он не скажет. Количество исправных самолётов он знал, но боялся «сюрпризов», которые подчинённые преподносили ему каждый день. Часто случалось и так, что заканчивались дневные полёты, а исправного самолёта экипажи ни одного не оставили. Ну, как тут спланируешь? А докладывать командиру он привык точно, лучше сказать правду, чем кормить обещаниями.

– Виктор Алексеевич, – окликнул он Брызгалова, увидев его в техническом классе, – Ты можешь мне сейчас «нарисовать» картину с самолётами? Интересуется командир, а ему я должен доложить точно.

– Никаких проблем! – Брызгалов стал перечислять каждый самолёт и рассказывать о проблемах.

- Ты мне скажи, сколько утром будет исправных, готовых к вылету?

Брызгалов, не раздумывая, назвал цифру.

- Мало, надо ещё, как минимум, один.

– Гарантировать не могу, но пойду сейчас и поднажму на Катугина. Может быть, они поднатужатся и выдадут к вечеру ещё один лайнер. Я знаю, что он уже на выходе, только придётся в этом случае задержаться после работы.

– Задерживайся и задерживай бригаду, а я сейчас доложу командиру количество с учётом этого самолёта.

- Но нужен ещё самолёт на замену на периферию! – возразил Брызгалов.

– Периферия в этот раз подождёт, – отрезал Якутин, – Заберут после полётов, вечером. Этот вопрос я утрясу сам. Как с классом, дело идёт?

- Дело идёт, но по радиооборудованию пока ничего не делается, нет специалиста.

– Будет тебе специалист, но не скоро! Немного потерпи. Я с Амдермы пригласил хорошего инженера. Он, правда, пока ещё учится заочно, но ведь и я учусь, и ничего! Как ребята, слушаются? – спросил Якутин, когда они вышли из класса, – Не жалуются, что занимаются не своей работой?

– Немного бурчат, но терпят. Коллектив хороший, работают без кнута. Один Володя Аркадьев чего стоит! Он вообще работает один, так как в электрической части больше никто не разбирается. Парень задерживается и вечером, хотя женат.

- Ладно, лучших работников потом поощрим. А Катугин участвует?

– Нет, я его от самолётов не отвлекаю. Он работает уже и за себя, и за меня. Полностью владеет ситуацией. Сейчас уже не бегаёт, как бегал вначале, теперь бегают его подчинённые.

Якутин рассмеялся:

- Так у вас все разбегутся!

– Ничего, не разбегутся. Я знаю, что Серый не очень доволен, что им командуют, но другого выхода нет. Он же привык до нас командовать единолично, вместе с бригадой работал, но вместе они потом и отмечали конец рабочего дня. Я Катугину сказал, чтобы за дисциплиной следил.

– Правильно. Только палку не перегибай. Работяг надо беречь и деньгами никогда не наказывай. Я не сторонник таких наказаний. Лучше отправь выпасться, если человек на работе ходит, как сонная муха. Пойдём, сходим с тобой ещё в лабораторию.

Алий Максимович сидел под стендом и что-то паял.

– Всё, – сказал он из-под стола, – Ссылка моя заканчивается. Вот соберу стенды и буду проситься домой.

- Чем же тебе здесь плохо? – спросил Якутин.

- Здесь я не дома. В городе у меня семья. Я ехал только наладить лабораторию.

– Ну, годик тебе придётся всё же поработать. Всё отладишь, а потом обучишь специалиста. Нельзя же бросать всё на половине пути!

– Я и не бросаю, закончу и уеду.

– Просьбы есть? – спросил Якутин.

– Только одна: чтобы мне никто не мешал.

– Тогда мы уходим и закроем за собой дверь.

Работа шла на всех объектах – это Якутину нравилось, но он всё равно не давал расслабляться, всегда приговаривал: «Непорядок, если подчинённые будут отдыхать больше меня. Коллектив должен работать, а начальство отдыхать, тогда будет полный порядок!»

Но отдыхать в рабочее время он себе не позволял, за исключением того, что на обеде задерживался лишних полчаса и этого не скрывал. Однажды даже сказал Якутину:

– Я, Виктор, обедаю немного дольше, чем все. Так в сон клонит, что позволяю себе после обеда минут пятнадцать поспать. Не могу ничего с собой поделывать. А посплю минут пятнадцать и весь вечер бодрый.

Якутин главный вопрос – кадровый – решал непрерывно. Брызгалов всегда удивлялся, как это ему удаётся перетянуть к себе на службу того или иного человека, который, казалось бы, никогда не покинет своё предприятие или службу, но покидали и переходили. Брызгалов помнил, как и его незаметно Якутин утянул с хорошего большого и престижного предприятия.

Пётр Васильевич считал, что всё делают люди. Ему оставалось только найти этих самых людей, которые бы, не считаясь с личным временем, работали. Людей он находил, и, если оказывалось, что это беспробудный пьяница или нарушитель дисциплины, Якутин боролся за него и не давал в обиду, наказывая своими методами, не ущемляя материального положения.

Наталью Алексеевну он присмотрел, побывав однажды в гостях. Её муж работал в Тайбольском районе в командировке, строил ЛЭП. Он приехал с семьёй, так как работа требовала долгого проживания вдали от дома. Жена естественно оказалась без работы. Якутин убил двух зайцев: предоставил женщине работу диспетчера, планируя обучить на рабочем месте, и избавил её мужа от беспокойства за её неустроенность. В своём выборе Якутин ни разу не разочаровался. Женщина по возрасту почти молодая, симпатичная и на лету схватывала все премудрости работы авиационного диспетчера; научилась ставить в план полётов самолёты, учитывать налёт часов и, вместе с техником по учёту, подсчитывать наработку самолётов и их агрегатов.

Якутину Наталья Алексеевна нравилась, как, впрочем, нравилась и остальным мужчинам, которых в службе насчитывалось более девяноста процентов. Женщина быстро влилась в коллектив и стала неотъемлемой частью всего механизма.

Её напарница, техник по учёту – женщина в возрасте. Она приехала в новое предприятие из-за отсутствия семьи. И надо же было такому случиться, что тут и нашла свою половинку. Сергей Сергеевич, которого Брызгалов перетащил со своей старой работы, имел раньше семью, но обстоятельства сложились так, что с семьёй он расстался, по этой причине и переехал. А дальше он и сам не заметил, как сошёлся с этой женщиной, создав новую ячейку общества. Дети у него жили на стороне совсем уже взрослые. Сам он худощавый, спокойный по характеру, трудоголик, являлся подходящим вариантом для любой свободной женщины, которых в Тайболе водилось предостаточно. Имелся у него один недостаток – любил выпить, никогда не отказывался, когда предлагали, но в отличие от других выпивох никогда не терял голову, не дебоширил, не куражился и не напивался до беспамятства.

Когда Брызгалов предложил ему новый участок работы, Сергей Сергеевич сразу возглавил бригаду по ремонту двигателей в стационарных условиях. Всю работу ему предстояло начинать с нуля, создавая свой маленький участок и оборудуя его всем необходимым.

Перевалив за половину лета, солнце начало по-настоящему припекать. Весенняя грязь и глина давно подсохли. Люди перешли на летнюю форму одежды. Царило одно неудобство:

донимал гнус. Там, где землю не перепахивала техника, его скапливалось невероятное количество. Шагая по траве, оказываешься окружённым полчищами гнуса с нудным нескончаемым писком. От гнуса спасения для людей не было нигде. Улучшив момент, комары и мошки жалили в открытые части тела, через одежду, забираясь в самые уязвимые места.

На строящейся полосе появились студенты, которые являлись основной рабочей силой на этой стройке. Задымили котлы с разогреваемым битумом. Загрохотала тяжёлая техника. Пришёл с пристани подъёмный кран на гусеничном ходу, взятый в аренду. По скорости передвижения этого крана всё время отпускались шутки. Дело в том, что своим ходом он шёл медленнее самого медлительного человека. Добраться своим ходом до строящейся полосы для этого крана считалось большим событием.

Авиаторы никак в своей работе не пересекались со строителями, но непременно каждый день то тут, то там возникали разговоры о стройке: в конце концов, бетонная полоса необходима всем.

Через некоторое время пришли по реке первые баржи с грузом. Среди продовольствия, промышленных и строительных товаров по воде доставлялись техника и, конечно же, бетонные плиты. На их вывозку привлекалась вся имеющаяся большегрузная техника Тайболы. Этим вопросом непосредственно занимались райком партии и исполнительный комитет. Правда, организации и водители старались и сами не прочь заработать, пока есть такая возможность.

У Галича и его наземных замов этот летний период всегда самый напряжённый. Кроме всего прочего, завозились топливо и масло для самолётов, а это означало, что должна идти бесперебойная перекачка горючего, иначе накладывались большие штрафные санкции за простой танкеров.

Водителей не хватало, но даже при наличии водителей не хватало и техники. Галич звонил, требовал, выбивал, просил, подключал вплотную райком партии, но даже весомое слово первого секретаря райкома партии иногда не помогало. Шла в этот период сенокосная страда, а машины очень требовались в сельском хозяйстве и на других объектах, и стройках.

Тем не менее, по дорогам Тайболы почти круглосуточно шли от пристани машины с бетонными плитами. Погружал их прямо с барж плавкран, а сгружал кран, работающий на полосе и автокран предприятия. Часть плит выгружалась прямо на причал, чтобы освободить речной транспорт для следующего рейса.

Бетонных плит требовалось очень много, а ещё шли по воде арматура, трубы, колодцы и самолётное техническое имущество. Весь этот грузовой поток Галич обязан был обеспечить транспортом и рабочей силой.

Когда Альберту Ибрагимовичу надоедали телефонные звонки, просьбы, требования, бесконечные дискуссии, он просто садился в самолёт и летал, чаще всего выполняя плановые тренировки.

– В самолёте я отдыхаю, – говорил он Якутину, – За рабочий день меня так достают, что я не знаю, куда от всего этого деться.

– Тебе хорошо, – отвечал Якутин, – А я вот летать не могу и не хочу, рождён, чтобы ходить по земле. Я больше люблю во время отдыха почитать с девками книжки.

– Знаем мы про твои книжки и про девок тоже. Ты не увлекайся. Здесь деревня, все и всё друг про друга знают.

– Да, вроде, никто ничего не знает.

– Тогда я откуда знаю? Мне жена каждый день докладывает. А уж от женщин ничего не скроешь! Они в магазине делятся последними новостями. Случится, кто-то кому-то изменит, тогда уж точно пересуды будут идти не меньше месяца. Расскажут во всех подробностях, как будто стояли рядом и всё видели.

– Распустил ты, Ибрагимыч, замполита! Как он допускает, что женщины в деревне проведут антипартийную пропаганду? Прежде всего, должна быть борьба за нравственность, осо-

бенно у коммунистов. Если человек изменил, всё должно быть, как в разведке, якобы по партийному поручению и в рамках закона. Другой человек, вроде, и не хочет изменять, а возникнет внезапно такая подходящая ситуация, вот он и старается на благо всего общества. Разве может трудящийся жить только работой? – спросил Якутин и сам ответил, – Нет, не может.

– У тебя, я знаю, всё время такая ситуация!

– Ну, что, я один такой что ли? Надо же кому-то бороться за увеличение в стране рождаемости! Вопреки всему, борюсь, судя по твоим претензиям, я один! Шутка, а если серьёзно, я уже забыл, как женщина выглядит. Неисправные самолёты по ночам вместо кошмарного сна снятся.

– А мне плиты. Они и днём, и ночью не дают покоя. Жена снотворное даёт, чтобы ночью не руководил разгрузкой.

– Ты сейчас летать?

– Да, надо отдохнуть от всего этого. Я сажусь в пилотское кресло и от всего отключаюсь. Перед глазами только приборы.

– Тебе за штурвал-то молодые пилоты дают подержаться?

– Спрашиваешь! – Галич даже обиделся, – Это я в экипаже штурвалом руковожу, а не штурвал мной. А вообще, когда лечу проверяющим, я его и не беру. Рулят командир или второй пилот. Да и проверять особо нечего! Моё дело проверить руководителей: командира эскадрильи, командира звена. А их чего проверять? Они лучше меня всё знают! Вот и получается при плановой проверке отдых.

– А у меня Брызгалов всех проверяет, я к самолётам почти не подхожу.

– Это я знаю, что ты самолётов сторонись, зато другого у тебя не отнимешь! Из тебя хороший бы замполит получился. Брызгалов-то не сильно гайки закручивает?

– Нет, всё нормально. Буду у него принимать экзамен. Надо оформлять приказ о допуске. Времени прошло достаточно, самолёт он должен был изучить.

– Принимай. Только как ты будешь принимать, если самолёт сам не знаешь?

– Принимать, Ибрагимыч, легче, чем сдавать экзамен самому. А Брызгалов на лету всё схватывает. Сделаем вид, что принимаем. Его Зимин уже натаскал по узким вопросам.

– Мы пришли, – сказал Галич.

Они стояли возле самолёта. Подошёл с докладом командир экипажа и по всей форме доложил. Якутин и Галич повернулись к командиру самолёта лицом и внимательно выслушали доклад.

– А начальник АТБ с нами? – спросил командир самолёта.

– Нет, он в задание не записан, останется здесь, – ответил Галич.

– Ну, счастливого полёта! Я пошёл, – сказал Якутин и зашагал от самолёта, по пути наказав технику не спешить и по три раза всё контролировать.

– Николай Николаевич, – сказал он, обратившись к технику, – Летит командир, поэтому будь всё время начеку и не расслабляйся. Проверяй каждый свой шаг, а я понаблюдаю со стороны.

Подбежал Катугин.

– Я, Пётр Васильевич, сам всё проверил. Галич записан в плане полётов, поэтому подготовку самолёта я взял под личный контроль.

– Молодец! Как у нас сегодня, самолётов хватает?

– Сегодня хватает, но сменой руководит Серый. Я занимался только этим самолётом.

– Молодец, – ещё раз сказал Якутин, – Я пойду к себе. Надо у Брызгалова принять экзамен по самолёту.

Пётр Васильевич и не думал ничего принимать. Он прекрасно знал, что Брызгалов технику изучил досконально. Но не мог же он сказать, что по благу всё оформит и так! Поэтому

для всех существовал единый порядок и Якутин в разговоре старался это подчеркнуть. А на самом деле он один на один сказал Брызгалову:

– Хватит сачковать. Готовь сегодня сам на себя приказ о допуске к самостоятельному обслуживанию самолёта, на подпись Галичу я его отнесу сам. После издания приказа оформим тебе свидетельство. И сегодня же готовься улететь вечером в командировку в город. Там сидит самолёт, что-то с двигателем. Экипаж ждёт инженера.

– Так я сейчас и сяду к экипажу. Через полчаса будет выполняться очередной рейс.

– Я поставлю в известность Репанова, чтобы тебя подождали и взяли на самолёт. Готовься.

Экипаж взял Брызгалова с большим удовольствием, понимая, что самолёт в городе без инженера будет стоять без дела. Экипаж с «больного» самолёта тоже будет ждать инженера. Всё получалось взаимосвязано. Самолёт стоял с запущенным двигателем. Брызгалов прошел вперёд и занял место между пилотами. Пассажирские места все, до единого, оказались заняты.

«Застрявший» экипаж объяснил, что в воздухе появилась неустойчивая работа двигателя, поэтому решение о продолжении рейса пилоты принять самостоятельно не решились.

Брызгалов запустил двигатель, но сколько он его не проверял на всех режимах, никакой неустойчивой работы не обнаружил. После того, как двигатель остыл, он принялся изучать его снаружи. Через некоторое время он обнаружил негерметичность клапана. Виктор знал, что эта неисправность устраняется заменой цилиндра, но до базы посчитал он можно вполне нормально долететь. Он не знал только одного, что в этот раз часть клапана просто откололась и вылетела в выхлопную трубу, поэтому и двигатель стал нормально работать. Не знал он и того, что для Зимина впоследствии это оказался серьёзный повод, чтобы уронить его авторитет.

Виктор сказал экипажу:

– Я разрешение на перелёт до базы даю, дело за вами. Если вы согласитесь, то садимся и улетаем, но без пассажиров. Возьмём только служебный груз. Я тут немного «прибарахлился», выпросил запасные части.

После прилёта на базу техники цилиндр сняли, тогда и обнаружился разрушенный клапан. Дальше пошло всё по цепочке: бригадир доложил Серому, тот в ОТК Зимину, а Зимин сразу пошёл к Якутину разговаривать о соответствии занимаемой должности Брызгаловым. Виктор ничего этого не знал, так как дальше Якутина никуда ничего не ушло, а Пётр Васильевич размышлял, как поступить. С одной стороны, самолёт доставлен на базу, а с другой, к мнению ОТК нельзя не прислушаться.

В конце концов, он вызвал Брызгалова и, как следует, отчитал. На этом всё и завершилось, но не для Зимина. Зимин продолжил всех стаскивать лбами, но этого пока тоже никто не знал.

В общежитии вечером Зимин, глядя Брызгалову в глаза, хвалил за то, что не оставил самолёт в городе и пригнал на базу. Брызгалов утвердился в своём решении, что всё сделал правильно. А Зимин в это время «складывал» все нехорошие слова на Серого и Якутина. Он пространно говорил об их ошибках, о неправильном руководстве коллективом, о распушенности людей и много всего другого. Брызгалов вынужден был всё это слушать, поскольку жили они в одной квартире. Он просто ни с чем не соглашался и не возражал, а молча слушал. Зимин умело находил уязвимые места и недостатки в характере любого человека, чтобы его очернить. Виктор учитывал возраст собеседника, его опыт в работе и жизни, поэтому старался не возражать, но у него закралось сомнение, что происходит что-то не то. От Якутина он уже знал, что его решением по перегону самолёта больше всего недоволен Зимин, который отвечал за контроль. По своему молодому возрасту Брызгалов и не подозревал, насколько люди могут быть каверзными.

О разговоре он быстро забыл и не вспоминал, пока ему об этом не напомнил Серый.

– Ты знаешь, – сказал он, – Зимин очень о тебе плохо отзывался и высказывал всё это мне.

– А в разговоре со мной он меня, наоборот, хвалил, а тебя невероятно хулил.

– А вот заметь, есть у него такая особенность: в глаза человека хвалить, а при его отсутствии ругать последними словами. Мне он и про Якутина высказывался не однажды.

– Ты-то сам, что думаешь о перегоне самолёта?

– По моему мнению, перегонять ты его был не должен, но поскольку сам летел этим рейсом, то я, в общем-то, и не возражаю.

С этого дня Брызгалов стал верить не всему, что говорил ему Зимин, стал больше анализировать и сопоставлять факты.

А вскоре Брызгалову опять пришлось лететь в маленький посёлок, где самолёт при посадке сломал «ногу».

Опора шасси сломалась, но экипаж так удачно закончил пробег без опоры, что при опускании плоскости повредил только закрылок, а на плоскости не порвал даже матерчатую обшивку.

Виктор прилетел с Галичем и с Якутиным.

Вид у самолёта со стороны не страшный, но удручающий. Стойка шасси переломилась пополам, что считалось явлением редким. Остальные элементы шасси выдержали, поэтому крыло осталось целым, но повреждён закрылок, который «проехал» по земле.

Виктор прошёл по аэродрому до первого касания самолёта. Он увидел, что первое касание произошло о камень, которых имелось приличное количество в самом начале полосы. Этот камень оказался размером больше остальных. Его от удара выворотило из земли, и он лежал не на своём привычном месте. От удара о камень стойка не выдержала и переломилась пополам. Дальше след от самолёта виднелся ровный до момента касания закрылка.

Брызгалов подошёл к Галичу.

– Всё ясно, – сказал Галич, – Определяйтесь с запчастями и поедem обратно. Ты в стойке причину не ищи. Экипаж подтверждает, что приземлились на камень. Полетим обратно, больше здесь делать нечего. Определяйся с железом, всё запиши. Экипаж заберём с собой.

– С запчастями тоже всё понятно, – ответил Брызгалов, – Стойку заменим, а закрылка у нас нет и неизвестно, когда он будет.

Комиссия, забрав экипаж и, оставив осиротевший самолёт стоять на площадке, улетела.

Заменить стойку шасси никаких проблем не возникало, а вот закрылка в запасе не имелось. Повреждённый закрылок ремонту не подлежал, поэтому весь вопрос упёрся в поиски нового закрылка, а он не находился.

Якутин подошёл к Брызгалову:

– Виктор Алексеевич, мы с командиром решили, что будем перегонять самолёт без закрылка, не могу я оставить его там. Местные ребяташки растащат по винтику. Надо твоё одобрение, то есть отдела технического контроля и надо подготовить необходимые документы.

– Я такого одобрения дать не могу, поскольку категорически против такого решения. Если снять один закрылок, возникнет на плоскостях разная подъёмная сила. Такие полёты по нашим документам не предусмотрены.

Якутин ничего больше не сказал, но Виктор заметил, что он очень недоволен. Часа через три начальник АТБ подошёл снова, видимо посоветовавшись с командиром:

– А мы снимем для симметрии и второй закрылок, тогда подъёмная сила будет с обеих сторон одинаковой.

– Одинаковой, но достаточной ли для взлёта? А я всё равно против этой затеи!

– Хорошо, тогда мы тебя с собой не берём, а полетим сами.

– Я запретить не могу. Вы – начальство, значит, вам виднее.

Брызгалов повернулся и ушёл. Ссориться он не хотел, а разрешить перегон самолёта без закрылка не мог – это противоречило всем правилам.

Бригада вернулась на восстановленном самолёте, которым управлял лично Галич, посадив на место второго пилота Якутина, в тот же день. Отношение же Якутина к Брызгалову резко изменилось.

Победителей, как говорят, не судят. Всё бы ничего, но на другой день всё стало известно в управлении. Якутин ломал голову – откуда стало известно? Они с Галичем решили всё замолчать, так как сами оба являлись нарушителями. Брызгалов хоть и был против перегона, но помимо своего начальника он сообщить не мог. Тогда кто? А сверху обрывали телефон, требовали письменные объяснения. В конце концов, Якутин сказал Главному инженеру прямо:

– Да, мы самолёт перегнали. Он цел и невредим, стоит на стоянке. А, по-Вашему выходит, что мы его должны были бросить, чтобы любой порыв ветра его перевернул и уничтожил. Так что ли? Победителей не судят! А объяснять мне нечего. Самолёт на месте, люди все целы и работают, значит, у нас всё в порядке.

После этого заявления звонки прекратились, Хотя Якутин знал, что Главный инженер, как и Брызгалов, с ним явно не согласен.

А потом выяснилось, что виной всему оказался Репанов, который тоже считался противником перегона. Он сообщил в управление, что самолёт перегоняют без закрылков.

Натянутые отношения Якутина и Репанова стали ещё хуже. Да и Галич стал посматривать в сторону Репанова с явным неодобрением. Формально Андрей Николаевич был прав – он соблюдал требования лётных документов, но он стал действовать через голову своего вышестоящего начальника, а это никогда и нигде не одобрялось.

Вскоре эта история утихла и почти забылась.

И вот настал день, когда Язёв сказал Брызгалову:

– Ты хотел на серьёзную рыбалку, сегодня можем ехать. Говорят, что пошла рыба.

– Я согласен, поехали.

– А инспекторов не боишься?

– Я рыбаку с пяти лет, поэтому на них просто не обращаю внимание. Они занимаются своим делом, а я своим.

– Вечером после работы выезжаем.

– Хорошо, я готов.

Язёв привёз Брызгалова на «яму» – так называли местные рыбаки наиболее глубокие места на реке, где обычно производился заплыв с сеткой. Весь вечер, пока выжидали нужное время и пили чай, Язёв рассказывал ему, как всё происходит, как попадает рыба, как появляются рыбинспекторы и «гоняют» рыбаков. Всё это он объяснял со всеми подробностями и незначительными деталями.

Стало заметно темнеть. В конце июля, хоть лето и перевалило за половину, но ночи ещё не стали совсем тёмными. Куда-то исчезли все тучи, а небо усыпали многочисленные звёзды. Гнус попрятался, предчувствуя ночную прохладу. Только самые смелые и отчаянные, огромных размеров, комары отважились появляться и жалить в уязвимые места.

– Ну, что, поплывём? – спросил Язёв.

– Тебе решать, я тут, можно сказать, гость.

Рыбаки оттолкнулись от берега. Брызгалов сел за вёсла, а Язёв внимательно смотрел на удаляющийся берег. Когда, по его мнению, отплыли достаточно он начал выбрасывать сеть.

– Почему не от самого берега? – спросил Брызгалов.

– Здесь камни, можем зацепиться, поэтому не от самого.

Недлинную сеть Язёв выкидал быстро.

– Сетка длиной всего сорок метров, – пояснил Ефим Ильич.

Держа сеть за длинную верёвку, он сел и стал смотреть на реку. Поплавки немного затонули, их не было видно.

Вдруг он сказал почти шёпотом:

- Есть!
- Что есть? – не понял Брызгалов.
- Попала!
- Как ты узнал?
- На, поддержи, – сунул верёвку в руку Брызгалова Язёв.

Брызгалов взял верёвку. Ощущались приличные толчки, как будто кто-то на другом конце сетки дёргал её, пытаясь выдернуть верёвку из руки. В этот момент где-то вдалеке от лодки внезапно раздался всплеск. Рыбина, пытаясь вырваться из сетки, выпрыгнула вместе с ней из воды.

- Теперь она замоталась и никуда не денется, – сказал Язёв, – Давай выбирать.

Ефим Ильич взялся за поплавки, а Виктору дал проволочные кольца, которые являлись своеобразными грузиками. Рыбину они подтянули к лодке. Язёв ловко схватил её за хвост и бросил в лодку.

- Поехали отсюда, – сказал он, – На сегодня хватит. Обратил внимание, что я её взял за хвост? – спросил Язёв.

- Обратил, только почему за хвост?

– У неё хвост довольно твёрдый и расходится в стороны. Если хорошо рукой зажать, она никак не выскользнет. Поехали отсюда, – повторил Язёв, – Пока не нагрязнули «рыбники».

Они заехали в небольшую заводь и принялись перебирать сетку. Рыбину, выпутав, Язёв положил в мешок.

На горизонте появилась светящаяся точка с таким же светлым хвостом, которая быстро передвигалась по небу среди звёзд.

- Это что? – спросил Брызгалов.

– Запускают спутник. Завтра в газете прочитаешь, что «запущен спутник «Космос» номер...».

- Первый раз вижу.

- Их почти каждую ночь запускают.

Светлая звезда превратилась из точки в шарик с длинным хвостом, убыстряя свой бег по небосклону. Вдруг пространство вокруг неё озарилось вспышкой.

- Отделилась ступень, – прокомментировал Язёв.

И точно, сзади появилась другая светлая точка, которая двигалась следом, но медленнее. А спутник превратился в совсем маленькую звёздочку, уже без хвоста, которая двигалась по второй половине небосклона, удаляясь за горизонт.

Оба рыбака не могли пропустить такое зрелище и, оставив работу, долго смотрели вслед удаляющейся точке. Они прибрали сеть, прибрали всё в лодке. Язёв велел отталкиваться от берега и отплывать.

– Утром тебе и мне на работу, поэтому задерживаться здесь не стоит. На уху поймали, в другой заплыв могут поймать нас, поэтому поедем, – сказал он.

Брызгалов не возражал. Как стажер, он считал, что не имеет права голоса. Виктор устроился в носу лодки, а Ефим Ильич вёл судно в «порт приписки». Они зашли к Язёву домой, где Ефим Ильич выпотрошил рыбу и разрезал её вдоль на две равные половинки.

- Так у рыбаков принято, – сказал он и пояснил:

- Улов пополам.

Целый день Виктор ходил на работе и зевал. Очень хотелось спать, но они с Язёвым даже виду не подавали, что ночь провели на рыбалке. В то беспокойное время, когда все добропорядочные люди строили коммунизм, как-то не принято в кулуарах распространяться о рыбалке с нарушением некоторых, неизвестно кем принятых, правил. Только в кругу друзей, с которыми встречались на «яме», рыбаки делились новостями и то не со всеми, и не обо всём.

- Сегодня поедем? – спросил Брызгалова Язёв после обеда.

– Я согласен, – не задумываясь, ответил Виктор.

– Поспим пару часиков на берегу, дожидаясь темноты.

– Я ради рыбалки сном могу пренебречь.

– Ну-ну, на сколько тебя хватит, не спавши! – воскликнул Язёв, – Спать надо обязательно, хотя бы немного.

– Зимин догадывается, что я рыбачу, но я ему не говорю.

– Правильно и делаешь. Чем меньше людей будет знать, тем лучше для всех. Завистников очень много, могут позвонить в какой-нибудь ОБХСС.

Во вторую ночь всё повторилось, только рыба попалась не в первый заплыв, а во второй. Также и в эту ночь они увидели ночью спутник, точно так же рыбаки смотрели во все глаза, как он выходит на орбиту. Небо оказалось слегка подёрнуто облаками, поэтому зрелище выглядело даже несколько красивее, особенно во время отделения ступени.

Брызгалов всё время зевал, но держался, стараясь бороться со сном незаметно. Задержались рыбаки на реке на час дольше из-за второго заплыва. Уже совсем рассвело, когда они причалили к домашнему берегу.

– Спать уже нет времени, – сказал Язёв, – Пойдём ко мне, попьём чаю, а потом на работу.

– Пойдём, – согласился Виктор. Всё равно второго подходящего варианта в запасе не имелось. Дома пришлось бы греть чай самому.

– Будешь? – спросил Язёв, доставая откуда-то из своих домашних запасов бутылку «бор-мотухи».

– Ты что? Сейчас же на работу! Я не буду.

– А я выпью. У меня работа не ответственная.

– Не дыши только на Якутина. Он этого не любит, может и уволить.

– Мне он ничего не сделает, а дышать я не буду.

Рыбаки, не спеша, попили чаю, обсудили прошедшую ночь и договорились вечером ехать снова. Впереди предстоял выходной день, значит, всё можно будет делать не спеша. Может быть, удастся с вечера немного поспать.

Зимин упорно расспрашивал Виктора о том, где тот проводил ночное время, но Брызгалов, зная его особенность распространяться своими мыслями за спиной человека, говорить ничего не стал. В конце концов, отчитываться он не обязан. Неожиданно Зимин попросил у него рыбы:

– Не можешь ли ты, Виктор, найти мне кусок рыбы? – спросил он, – Я поеду в город. Хотелось бы мне Алечку угостить нашей Тайбольской рыбой.

Какую он просит рыбу, Брызгалов понял сразу. Кусками в обиходе измерялась только сёмга, остальная рыба измерялась штуками или килограммами.

– Спрошу у рыбаков, может кто-нибудь одолжит, – осторожно сказал Брызгалов.

– Ты уж спроси, а я в долгу не останусь!

«Знаем мы про твой долг» – подумал Виктор, – «В очередной раз перед кем-нибудь очернишь».

Но кусок рыбы он ему вечером дал, предупредив, что рыба почти свежая. Тем же вечером последним рейсом Зимин отбыл к жене на выходные.

В этот же вечер рыбаки опять отправились на промысел. Уехали раньше, чтобы у костра успеть немного вздремнуть. На берегу никого не было, поэтому они, даже не попив чаю, улеглись спать. Ровно через два часа Язёв стал будить Брызгалова.

– Вставай, всю рыбу проспидишь!

Виктор едва разлепил никак не открывавшиеся глаза.

– Разве уже пора? – спросил он.

– Я тебе дал лишних двадцать минут для сна. Чай уже готов. Быстро попьём чай и на заплыв.

Язёв опять достал бутылку «бормотухи». Брызгалов понял, что у напарника это в крови: считать событием каждый свой шаг, а заодно это отмечать соответствующим образом. Язёв опять спросил:

– Будешь?

– Давай! Теперь не на работу.

Ещё через полчаса они выкинули сеть и сразу же Язёв воскликнул:

– Есть!

Решив рыбачить ещё, они не рискнули оставлять рыбу в лодке.

– Спрячь её в кусты, – сказал Брызгалов, махнув рукой на мелкие кустики, видневшиеся на берегу.

– Нет, в кусты не буду. Если появятся «рыбники», вышарят все кусты, а кормить их я не собираюсь.

Он ушёл по берегу до того места, где кусты отсутствовали, и оставил рыбину лежать прямо на чистом берегу.

– Там её никто не найдёт, – сказал он, вернувшись, – Ищут в кустах и траве, а на чистом месте никогда не ищут.

Во второй заплыв опять попалась рыбина. Язёв отнёс её на то же место. Только он вернулся, подъехала рыбинспекция. Виктор, сообразив, едва успел утащить сетку в дальние кусты. Когда он подошёл, начальник рыбинспекции Колаев разговаривал с Язёвым, достав бланк протокола.

– Никакую рыбу мы не ловили. Ждём рассвет, чтобы идти за морошкой, – донеслось до ушей Виктора.

– А вы зачем приехали? – обратился к нему рыбинспектор.

– За морошкой, – не моргнув глазом ответил Брызгалов, – Только за морошкой мы уже не пойдём, испортили вы нам весь выходной день.

– Протокол всё равно придётся составить, – сказал Колаев, – Вы находились на реке, ночью.

Виктор попытался было объяснить, что никому не запрещено ходить за морошкой и пить чай на берегу реки, но Язёв его перебил:

– Не спорь, он всё равно протокол составит. Я подписывать не буду, а ты, как знаешь.

Виктор подписал, дав письменное объяснение, что никакой рыбалкой они не занимались. Попавшись рыбинспектору первый раз, он ещё не знал, что существенного значения его объяснение не имеет. Рыбинспектору важно получить премию за количество нарушений и нарушителей, а их в данном случае без улик причислили к нарушителям.

Светало. После всех формальностей их отпустили. Оставив рыбу на берегу, рыбаки поехали домой. Виктор, сидя в лодке, долго наблюдал, как напарник Колаева идёт по берегу и обшаривает все кусты, подсвечивая фонариком. До рыбы он не дошёл, кусты закончились. Человек на берегу остановился, будто размышляя, а затем повернул в обратную сторону.

Брызгалов придвинулся к Язёву и сказал:

– Я днём съезжу, заберу её оттуда.

– Я рад, что рыба не досталась хищнику. Они только едят, что рыба уничтожена. На самом деле они её прекрасно съедают. Трудиться не надо, прошёл по берегу и наловил! Ещё хуже, когда шарят в чужих сетях. Я это всё знаю давно, только это никому не докажешь, как и то, что рыбаков называют браконьерами. Браконьерство – это применение колющих, режущих, взрывчатых и отравляющих веществ; всё остальное называется нарушением правил рыболовства. Мы с тобой нарушители потому, что ловим сёмгу, а не ерша или пескаря, но и те, кто устанавливают правила, сорную рыбу тоже не едят. Они устанавливают такие правила, чтобы человек, живущий у реки или у озера, всё время жил без рыбы, а если захочет есть, может

купить в магазине кильку в томате или «Завтрак туриста», где на завтрак наложена смесь от остатков барского ужина. Расстроился? – спросил он.

– Неприятно, но не смертельно, – ответил Виктор, – Завтра поедем?

– Переждём пару дней, а потом поедем.

Днём, после отдыха, Виктор приехал на место рыбалки. Рыбу он увидел издалека. Не зная, её, конечно, можно и не заметить, но он-то знал, где она должна быть, поэтому сразу увидел. Метрах в ста от неё стояла лодка. Людей на берегу не виднелось. Скорее всего, они ушли на болото за морошкой. Брызгалов забрал свой груз и сразу отчалил обратно. У соседней лодки на звук его мотора никто так и не появился.

На рыбалке случился выходной, поэтому вечером Виктор вышел просто подышать свежим воздухом. Приближалась гроза. Огромная лиловая туча закрыла горизонт на юго-западе. Она разрасталась, закрывая всей своей массой голубое небо. Стало заметно темнеть. В этот момент возле подъезда появились Галич и Якутин. Видно они думали о том же, что и Брызгалов.

– Виктор, ты бы проверил, как привязаны самолёты, – обратился к нему Галич.

А Якутин просто в приказном порядке велел идти и проверить все привязи у самолётов.

– Я и сам уже об этом подумал, – сказал Виктор, – Сейчас надену куртку и схожу.

Он шёл медленнее, чем надвигалась туча. Виктор не дошёл пятьсот метров, когда от сильного грохота раскололось небо прямо над головой. В этот же момент начал накрапывать набирающий силу дождь. Виктор побежал, боясь не успеть всё проверить до шквала ветра.

Шквал его застал, когда он сделал половину работы.

Сильный порыв ветра взметнул над аэродромом пыль, поднял её свечкой вертикально вверх. Всё зашумело, заскрипело, засвистело. Пыль тут же осела под шквалом ветра и дождя.

Брызгалов работу продолжил. Когда он дошёл до последнего самолёта, выглядел таким же мокрым, как и дождь. Проверив последнее крепление, он встал под плоскость самолёта, пережидая ненастье. Виктор знал, что грозовой дождь быстро закончится. Раскаты грома удалялись. Небо грохотало уже в другой стороне посёлка. Ветер утих, а дождь лил вертикально вниз, поливая всё на своём пути, но вскоре и он стал стихать.

Брызгалов вышел из своего укрытия и направился к дому сушиться.

Остатки выходного дня пришлось сидеть дома и сушить всё, что он успел намочить во время грозы. Володя Аркадьев с женой ушли в гости. Стояла абсолютная тишина, если не считать того, что из-за стен и потолка деревянного дома изредка доносились звуки от соседей. Виктор взял книгу, прилёг и вскоре спал крепким сном.

– Эй! Вставай! Ты чего днём спишь? – услышал он голос, ещё не поняв, кто его беспокоит.

Перед ним стоял Якутин. Сознание реальности медленно возвращалось к Брызгалову. Он и сам не понимал, почему оказался спящим. Что сейчас: день, ночь, вечер? Почему он дома и Якутин у него дома?

В памяти у него почему-то засела рыбалка и встреча с рыбинспекторами. Или, может, это ему снилось?

– Почему я не должен спать? – наконец, спросил он.

– Ха-ха-ха! – расхохотался Якутин, – А мы с Галичем беспокоимся, не растворился ли ты случайно в дожде.

Только сейчас в сознании Брызгалова стали всплывать подробности грозы, его самоотверженного труда и возвращения домой.

– Со мной всё в порядке, промок, сушусь.

– Я вижу, что промок. Одевай тапки и бегом ко мне. Жена приглашает на чай. А потом пойдёшь, навестишь Тайбольских девок, а ещё позже будешь спать. Пойдём, пойдём, – видя, что Брызгалов замешкался, повторил Якутин.

– Мне не в чем идти. Я пришёл насквозь мокрым.

– Ты одет прилично: майка и спортивные штаны. Так и иди, там все свои. Я буду тебя лечить.

Виктор быстро натянул прямо на майку вязанку, и друзья переместились в соседний подъезд.

Галич, по сравнению с основной массой работников, считался стариком. Не таким стариком, как это принято в обиходе, но возраст его сильно отличался. Поэтому, когда решали, кого поставить во главе предприятия, выбор пал на него, как наиболее опытного, рассудительного, дисциплинированного, имеющего высшее образование, которым в то время могли похвастаться немногие. Он привык летать. Любил свою работу, как любят её все пилоты.

С того времени, как он стал руководителем, о полётах Галич стал только мечтать. Окунувшись с головой в массу всяких проблем, он никак не мог из них выбраться. Чем больше барахтался, тем больше утопал в «текучке». Стройки, снабжение, завоз топлива, подбор штатов – всё это и многое другое заставляли ежедневно думать, решать, пробивать, укомплектовывать. Семью он видел вечером, когда ложился спать. Жена всячески старалась его оберегать от сверхплановой работы, встреч с друзьями, но это мало помогало.

В свои сорок лет он выглядел перед подчинёнными руководителем с большим возрастом и стажем. Его побаивались, но и уважали. Он вырос не из тех начальников, которые любят повышать голос при разговоре с подчинёнными. Галич мог выслушать любого «работягу», будь то грузчик или дворник. Он, когда обращались к нему, внимательно разбирался в проблемах, не сваливая эту работу на замполита или своих замов. Галич слушал доводы оппонента, объяснял и, если надо, уговаривал, но не кричал и не выпроваживал из кабинета.

В душе он, конечно, как любой человек, расстраивался, нервничал, но не показывал это собеседнику. Эта его особенность и подрывала постепенно здоровье. Нина Петровна, его жена, будучи медиком, на дому замеряла давление, пульс и видела, что со здоровьем не всё в порядке. Она всячески старалась ему обеспечить комфортные условия хотя бы в домашних условиях, чтобы муж мог отдохнуть и быть готовым к полётам.

С полётами никак не получалось. Личным налётом Галич пренебрегал, откладывая это на потом или передоверяя выполнение тренировочных полётов Репанову или Раеву. Он им тайком завидовал. Галич не злорадствовал, а просто завидовал, что люди могут летать, не заботясь о стройках, тоннах цемента, машинах, приезжих бригадах и прочих напастях.

Рабочий день Галича длился не менее десяти часов. Он приходил, когда ещё никого не было, а уходил, приняв последнего посетителя и подписав накопившиеся за день документы. Секретарь, как правило, уходила раньше, оставив ему в папке кипу бумаг на подпись.

Среди пилотов друзей у него не водилось. Как-то с самого начала они сдружились с Якутиным, первым секретарём райкома партии Мовилем и с соседом военкомом. Этой компании он и старался придерживаться. Якутин увлекался спиртным в меру, а другие и того меньше, поэтому этот выбор одобрила и его жена.

Штат объединённой эскадрильи увеличивался не по дням, а по часам. Прибывали новые пилоты со всех концов Советского Союза. Брели всех, предупреждая, что дисциплину и порядок надо соблюдать, пропускали людей через замполита, который тщательно всех учитывал, опрашивал, фиксировал личные особенности, агитировал комсомольцев вступить в члены КПСС и отпускал на работу, оставив в своих мемуарах очередные циферки. Количество самолётов тоже увеличивалось. Сначала они пополнялись за счёт других предприятий, а потом уже прибывали с завода новенькие и блестящие.

Галич расширил структуру предприятия, создав на базе эскадрилью из трёх звеньев, эскадрилью в одном из приписных аэропортов, состоящую из двух звеньев самолётов и одно звено в другом приписном аэропорту. Штат увеличился не только работников, но и младшего руководящего состава, который пропускался соответственно через фильтр коммунистической партии и мнение «стариков», специалистов, отработавших на предприятии год и более.

Помощников у руководителя прибавилось, как прибавилось и забот. Чаще стали появляться нарушения дисциплины, о которых замполит регулярно докладывал, как ему, так и «наверх». Галич пытался сглаживать острые углы, становился иногда на сторону этих самых нарушителей, но против партийного мнения он пойти не мог. Все факты нарушений незамедлительно становились известны Мовиле. Звонок из райкома партии известил его и о нарушении правил рыболовства Брызгаловым и Язёвым.

– Язёв рыбак местный, а рыбалка у местных жителей в крови, – сказал он Мовиле, – С этим я ничего поделать не могу, а Брызгалов, скорее всего, попал по глупости, доверившись Язёву. Я скажу Якутину, чтобы провёл с ним воспитательную работу.

Он понимал, что рыбаки, как рыбачили, так и будут рыбачить дальше, но против установленных правил идти никак нельзя. Попались, значит, по всей форме надо провести воспитательную работу. Только такое «нарушение дисциплины» доверить замполиту он не мог. По негласным правилам попавшихся рыбаков больше жалели, чем считали нарушителями дисциплины.

– Ты как-нибудь объясни Брызгалову, что попадаться больше нельзя, – говорил ему Мовиль, – Ещё раз попадётся, даже я ничего не смогу сделать, заведут уголовное дело. Такие у нас законы, а мы должны их соблюдать и исполнять.

– Мне только уголовных дел не хватало! Ты же знаешь, что у нас острая нехватка квалифицированных специалистов, а на Брызгалове сейчас завязан весь процесс технического обслуживания. Разве нельзя приструнить «рыбников», чтобы «не нападали»? Мои же ребята не хищники, а просто рыбаки.

– Я тебя предупредил, а там, как знаешь.

– Ладно, я понял. Только штрафы брать с нищих – это тоже неправильно.

– Такие у нас законы. Я, хоть и первый секретарь, а могу тоже не всё. Есть начальники выше меня, которые и слушать не будут.

– Я понимаю.

Этот разговор оставил у него неприятное впечатление. Ко всем проблемам добавилась ещё и эта, непредвиденная. Галич переживал за своих подчинённых. Оставив все дела, он сел в машину, предупредив по телефону Якутина, что сейчас подъедет.

При случайных посторонних слушателях он разговаривать не хотел, зная, что все немедленно станет известно во всех уголках посёлка. «Сарафанное радио» работало исправно и без перебоев. «Вот у кого надо поучиться оперативности!» – подумал он.

– Ты чего распустил своих подчинённых? – спросил Галич Якутина.

– Да вроде последнее время пьяных не замечал.

– Я не о том. Разве не знаешь, что Язёв с Брызгаловым попались «рыбникам»?

– Пока не знаю, не говорили.

– Они и не скажут.

– А ты откуда знаешь?

– У меня такая должность, что всё должен знать. Я поэтому приехал сам, не стал говорить по телефону. Ты проведи разъяснительную работу. Язёва я всегда могу заменить, а кем я заменю Брызгалова? А может у тебя инженеры лишние? Тогда всех увольняй, и избавимся от проблем!

– Ты, Ибрагимыч, не напирай. Я ничего не знал. А, впрочем, я и сам рыбак, чего уж тут говорить! С Брызгаловым поговорю, чтобы был осторожнее.

– Поговорить мало! Ещё раз попадётся, заведут дело. Никто не поможет и не «отмажет».

– Не могу же я запретить в личное время рыбачить! Я начальник только на работе.

– Как друг, можешь подсказать.

– Это я сделаю. Сам-то как? Не одолели ещё строители?

– «Одолели» – не то слово. Каждый день выколачивают из меня деньги. Бригады работают, а их начальники весь день в конторе, как будто других дел нет. Я и сейчас уехал, чтобы хоть час никого не видеть!

– Поехали тогда обедать, – предложил Якутин, – Приглашаю.

– Нет, я к себе. Кстати, скоро у тебя будет машина. Я заместителю по наземным службам нашёл более подходящую, а его «развалюху» отдам тебе. Вы механики, сами и ремонтируйте.

– Надеюсь, отремонтируем. Я подключу Язёва, он сделает.

– Смотри, как бы совсем не доломал!

– Ему будет наказание за то, что подставил Брызгалова.

– Как с классом? – спросил Галич.

– Пойдём, пока находишься здесь, посмотришь.

Они прошли в помещение. Класс сверкал иллюминацией, новой мебелью, новыми светлыми шторами. Внутри трудились техники, доделывая, отлаживая и устанавливая работающие стенды. Увидев своего начальника, да ещё с командиром, они незаметно все исчезли из класса.

– Впечатляет! – сказал Галич, – Ничего подобного в Тайболе нигде нет. Надо пригласить сюда Мовиля, пусть посмотрит и не думает, что у нас только браконьеры!

– Это всё идеи Брызгалова. Делают ребята, но придумывает он и добывает всё необходимое тоже он, и организовал эту бригаду тоже он, правда, в ущерб производства, но тут уж мы на это закрываем глаза. Самолёты исправные нужны, но и это тоже надо.

– Я в ваши дела вмешиваться не буду. Мне хватает дел своих. Класс понравился, а как вы тут всё будете делать – это ваши внутренние проблемы, но самолёты мне выдавай, иначе накажу! – пригрозил, шутя, Галич, – Пойдем, ещё док посмотрим, а потом на обед.

Фёдор Шилин тут же материализовался из ниоткуда. Он вежливо поздоровался с Галичем, стал показывать и объяснять, чем они в это время занимаются.

– Док должен быть тёплым! – сказал Галич, – Надеюсь, Фёдор, ты это понимаешь? Иначе платить твоей бригаде не буду совсем, – пошутил он.

– Бесплатно мы не работаем, а задачу мне Васильевич поставил сразу. Я знаю.

– Котельная должна быть готова к зиме. Твоя задача – кирпичная кладка, а остальное мы уж как-нибудь сами.

– Я знаю, – повторил Шилин, – Мы здание доделаем, только потом поедem домой.

– Не дожидайся «белых мух». Доделывай котельную, потом всё остальное, – категорично сказал Галич.

Они с Якутиным направились к машине.

Не успели они пообедать, как пришло известие: в Ерзовке самолёт сложил шасси.

– Как, сложил? – кричал Якутин в телефонную трубку.

Экипаж что-то невразумительно отвечал, не зная, что говорить, и, не осмыслив, как следует, случившееся. Пилоты своей вины не чувствовали, но косвенно подразумевали, что их всё равно накажут. За штурвалом сидел пилот, значит, он и отвечал за безопасный исход полёта. А кому же ещё отвечать, если на площадке, кроме пассажиров и начальника площадки никого нет?

– Мы сами не знаем, – отвечал командир самолёта Винокуров, – Стали разворачиваться, а они сложились.

Совсем молодой второй пилот Крынкин в дискуссии не участвовал. После долгих переговоров выяснилось, что менять надо не только шасси, но и две нижних плоскости. Это событие свалилось на Якутина, как снег на голову. Менять сломанные плоскости в настоящее время нечем. Всё надо откуда-то добывать. Коллеги, конечно, помогут, но надо это всё привезти, потом доставить к самолёту, в полевых условиях заменить, оторвав от работы целую бригаду.

Так и не дообедав, Якутин пошёл отдавать нужные распоряжения. Прежде всего, он отчитал Зимина, отвечавшего за качество:

– Делай что хочешь, а вины нашей не должно быть. Если спишут это происшествие на нас, значит, я со всех сниму премию и каждому инженеру сам, лично, выпишу взыскание, а отделу технического контроля в первую очередь.

– Не кипятись, Васильевич, надо разобраться.

– Вот и разбирайся. Сейчас же вылетай для осмотра и определись, что там потребуется. Сам возвращайся, а ремонтом займётся Серый. У него по этим делам опыт большой. Репанов готовит комиссию. От нас я включаю тебя и меня, но воевать за нашу непричастность к происшествию придётся тебе. Я на первых порах буду держать нейтралитет. Репанов сейчас волосы на себе будет рвать, чтобы уйти от ответственности. Прояви всю грамотность, тактичность и напор, сделай обоснование на основании документов. Репанов в документы заглядывать вряд ли будет, он больше старается взять голосом.

– Всё сделаю, Пётр Васильевич!

– Брызгалова я не привлекаю. У тебя опыта и мудрости больше.

Самолёт выглядел удручающе. Он, как балерина, выкинул одну «ногу» вперёд, а другую загнул под себя. Нижние плоскости искорежены о землю и восстановлению не подлежат. Экипаж молча стоял в стороне, выслушивая всё, что сыпалось из уст Репанова. Пилоты знали, что лучше не спорить и не перебивать, поскольку сами не предполагали, что произошло. Они только почувствовали, как при развороте самолёт вдруг осел вниз, а воздушный винт стал цеплять землю. Двигатель выключили, но лопасти успели загнуться в причудливые лепестки.

– Ой, как хорошо! – воскликнула одна из пассажирок при выходе, – Садись, было так высоко, а выход сделали очень удобным!

В другое время над её словами авиаторы бы рассмеялись, но сейчас, в эту минуту, как-то оказалось не до смеха.

Стало ясно, что некоторые пассажиры даже не поняли, что произошло. «Хорошо, значит, хорошо», – подумал Винокуров, – «Объяснять и что-то рассказывать нет смысла». А ещё он подумал: «Хорошо будет, когда это увидит комиссия. Тогда уж точно нам будет хорошо».

Словоохотливые пассажиры также рассказали, что второй пилот почему-то убежал от самолёта. Зимин сразу понял суть всего произошедшего. Он нашёл половинки оборванных болтов, показал их Репанову и сообщил:

– Явная вина экипажа.

Репанов не знал, что возразить, но оказалось, что свидетелей очень много, желающих подтвердить, что посадка выполнена безупречно. Тогда Зимин сказал:

– Я имею в виду, что предыдущая посадка выполнена очень грубо, а здесь только последствия той предыдущей посадки. Очевидно, что экипаж там, – он махнул рукой куда-то в сторону, – Не осмотрел, как следует, после посадки самолёт.

Репанов, видя такой напор и отсутствие свидетелей предыдущей посадки, сказал:

– Это надо ещё доказать!

– Докажем, – спокойно сказал Зимин, не забывая, что ему наказал Якутин, – На основании документов и инженерных расчётов, а болты я тебе уже показал. Такие болты при нормальной посадке не рвутся.

– Я считаю, что вины экипажа нет. Ищите проблему у себя, – не сдавался Репанов.

– Сейчас мы ничего не будем здесь обсуждать. Для меня картина ясная. Мне надо решать вопрос с самолётом. Вы сломали, а нам восстанавливать, – уколол напоследок Зимин Репанова.

Репанов шевелил мышцами лица, пытаясь что-то говорить, но звук не вырывался. Он сознавал, что за штурвалом находился экипаж, и против этого возражать ему трудно. Мирной беседы не получилось, поэтому все разборки отложили до лучших времён.

Зимин составил список необходимых запасных частей, инструмента и приспособлений. Комиссия, оставив охрану у самолёта и захватив экипаж, улетела обратно. До доставки плоскостей здесь делать больше нечего.

Брызгалов увидел Зимина уже в кабинете. Алексей Александрович сидел, зарывшись в бумаги, в клубах табачного дыма. Столько дыма около него ещё не скапливалось.

– Произведена грубая посадка, – сказал он Брызгалову, ответив на его вопрос.

– Как ты это определил? – спросил Виктор.

– Якутин сказал, что вина должна быть экипажа. Сейчас я подвожу под это то, что предписывают документы.

– Написать можно что угодно, но грубую посадку никто не видел.

– Мне задача поставлена, я её выполняю, – ответил Зимин, вдыхая в себя дым от папиросы.

– Я твои действия не оспариваю. Просто пострадает невинный экипаж. Тебя, Алексей Александрович, совесть мучить не будет?

Зимин внимательно посмотрел на Брызгалова. Он соображал. Имея привычку быть осторожным во всём, а особенно в разговорах с коллегами, Зимин долго вымучивал из себя ответ:

– Тут два варианта: или страдает экипаж, или страдаем все мы, которые недосмотрели. Если Репанов докажет невинность экипажа, мы как раз и пострадаем. Только я не дам ему это сделать. А если ты не согласен, задавай вопросы Якутину.

– Ну-ну, – сказал Виктор, – Работай, не буду мешать. Я не в комиссии, поэтому вопросы задавать больше не буду.

У Брызгалова остался неприятный осадок от этого разговора. Якутин потом ему объяснил ситуацию:

– Если мы возьмём этот инцидент на себя, пострадаем не только мы, но и уроним престиж Главного инженера управления. Он прямо мне никаких указаний не давал, но я и в паузах между словами понял, чего он хочет, поэтому терпи. В жизни не всё получается по прямой линии. Иногда бывают такие зигзаги, что нормальные люди не выдерживают, сходят с ума. Мы-то с тобой пока не собираемся сходить с ума, как думаешь?

– Думаю, не сойдём. Я не специалист по подобным расследованиям, но удивляюсь, как из очевидного факта, стряпается то, что необходимо.

– Привыкай. В жизни ещё много чего узнаешь нового, а Зимину не мешай. Видишь, он завис в облаке своего дыма. Я заходил, в дыму его едва разглядел. Он докурит все папиросы и у него будет готовый акт, где нашей вины не увидишь, а Репанов будет рвать на себе волосы, но ничего сделать не сможет. Он прекрасный лётчик, но по составлению документов Зимин его переплюнет. Скоро должен быть вертолёт, который доставит плоскости. Он некоторое время будет работать в нашем районе, поэтому я собираюсь за морошкой. Лесоохрана нам предоставляет такую услугу. Полетят и Мовиль, и Галич, все с жёнами. Ты уж извини, я тебя взять не могу. Большие начальники компанию себе выбирают сами. Только об этом не распространяйся, криминала никакого нет, но, сам понимаешь, сразу аукнется в другом конце деревни.

– Я уже забыл. Лети, отдохнёшь от всего этого, но не забудь угостить морошкой!

– Думаешь, я буду собирать? Я не любитель сборов, лучше на природе почитаю у костра книжку.

– Только не прилетай слишком начитанным! А морошки немного ты привези, кружку, я думаю, насобираешь без проблем. Тебя увезут и привезут, по болоту бегать не надо. С вертолёта выйти можно прямо на морошку.

– Так и будет. Вечером нас привезут обратно, когда вертолёт будет возвращаться с точки.

Серый готовился к отлёту в командировку восстанавливать самолёт и готовил себе бригаду, подбирая техников, которым приходилось менять плоскости. Эта работа обычно делается на заводе, а в производственных условиях такие случаи бывают очень редко. У Брызгалова такого опыта пока не имелось вообще. Зимин имел огромный опыт, но его из уважения к возрасту пока не трогали, оставив писать бумаги. Проконтролировать он сможет и после прилёта самолёта на базу – так решил Якутин.

Наталья Алексеевна готовила документы для восстановления самолёта, получилась внушительная пачка. На все технологические операции выписаны карты, где техники и инженер ОТК будут расписываться за каждую выполненную работу. Она морщилась от дыма, которым её окуривал Зимин, но замечание сделать не смела, понимая, что он занят какой-то важной и ответственной, судя по количеству дыма, работой. Иначе она думать просто не могла, поскольку понимала только в том, чему её научили. Всё остальное сейчас пока непостижимо её разуму. Гончарова считала, что без папирос Зимин не сможет написать нужные бумаги. Она встала со своего места, подошла к столу Зимина и взяла переполненную самодельную пепельницу, выполненную из самолётной детали, затем также молча она вынесла её к мусорному баку и вернулась на своё место. Больше ничем женщина помочь не могла.

Путешественники вернулись к вечеру. Вертолёт высадил всех метрах в двухстах от производственного здания. Подъехали две машины: лесоохраны и Мовиля. Люди, не мешкая, погрузились в эти машины и убыли с территории. За прилётом вертолётки наблюдали все, кто был на работе. Устойчивый слух, что начальники едут за морошкой, распространился с быстротой молнии. Каждый считал своим долгом сообщить это тем, кто новость не знал, а некоторым сообщили об этом от трёх до пяти раз – это уже являлось гарантией, что человек не забудет и поделится ею с другими. Новость сообщали вполголоса, чтобы «враг» не подслушал, а слышали только свои доверенные люди. «Своими» считались все работники предприятия, а остальная часть Тайболы являлась родственниками, знакомыми, друзьями, поэтому делились этой новостью практически со всеми при встрече на улице, в магазине, в детском саду и в конторах.

К прилёту вертолётки о полёте знали все. Люди не завидовали, не злорадствовали, а их просто распирало любопытство – сколько наберут путешественники морошки? Такая удача, когда за ней не надо топтать по болоту и искать своим ходом место с обильным количеством ягод, выпадает раз, два в жизни. Обычно, к тому времени, когда люди выходят, утопая по колено в трясине, к ягодному месту, наступает такая усталость, что работать уже не хочется, но сборщики упорно собирают ягоды. Набрать за день на хорошем месте можно ведро. К вечеру ломит спину так, что на ягоды и смотреть не хочется. А потом надо полную тару вынести по болоту в обратном направлении к транспорту, на котором люди прибыли – обычно это моторная лодка. На лодке надо прибыть до деревни, всё выгрузить, прийти пешком домой и потом вспоминать весь год путешествие за морошкой до следующего подобного похода. А кому очень повезёт, тот попадает сразу по приезду домой в жарко натопленную баню смыть с себя пот, а особенно усталость.

Так морошку собирают обычные жители. Поэтому становится понятно, что, когда людей высаживают на место на вертолёт, а потом забирают обратно, является для населения Тайболы большим событием. К прилёту путешественников любопытство жителей достигло наивысшего предела. Все понимали, что перевозка этих пассажиров получалась нелегальной, но об этом как-то не принято сильно распространяться. Оказаться в роли такого пассажира мог каждый. Для любопытных оказалось большим разочарованием увидеть, как люди со своим грузом быстро исчезли, а количество собранной морошки осталось временной тайной. Люди Тайболы так устроены, что прекрасно понимали, что через полчаса родственники путешественников по большому секрету похвалятся ближайшим друзьям о собранной морошке, а ещё через час узнают об этом все жители, но узнают не только о количестве ягод, но и во всех подробностях о проведённом дне на болоте.

Брызгалову Якутин на другой день сказал сам:

– Ты знаешь, Виктор, я что-то немного насобирал, но в чьё ведро высыпал и сам не знаю, так что у меня морошки нет совсем. Я просто отдыхал. Ты уж не обижайся, что не угостил. Сам понимаешь, не буду же я из чужого ведра отсыпать себе. Жена меня «пилит», что от меня никакого толку, но разве мне привыкать? Жёны нас «пилят» по любому поводу от большой любви! Мы-то, ведь, знаем, что это для разнообразия и для профилактики!

– Я же никаких претензий не выставляю, а ягоды привык собирать сам. Ты отдохнул и хорошо! Попутчики, надеюсь, тоже отдохнули.

– Вот уж в этом ты прав! Знаешь, кругом только болото и больше ничего! Все разберлись, полная тишина. Видно только, как люди на болоте нагибаются, отрывая ягоды. Встретились все уже вечером у костра, когда ожидали вертолёт. Мы даже обедали на ходу, все отдельно. Никакой работы, никаких самолётов, только свежий воздух. Я, пока ходил, даже стихотворение сочинил:

*По кочкам шагая в утробе болота,
Оазис морошки не просто найти.
Трясина, кусты или просто колода
Везде под ногами в нелёгком пути.*

*Но сжальтесь хляби и вот она – радость:
Желтеет на кочках морошковый цвет!
Не кислый лимон и не липкая сладость,
Приятна на вкус, прямо слов таких нет!*

*Кто хочет морошки, мы ждём вас на Север
Болота топтать и кормить комаров.
Там ягель и топь, не лужок, где есть клевер,
Пройдёшься по хлябям и будешь здоров!*

– Молодец! Мне стихотворение нравится. Я-то на природе бываю чаще, – ответил Виктор.

– Наслышаны про вашу природу. Подведёт тебя Язёв под монастырь! Сёмга красивая рыба и очень вкусная, но не для нас с тобой, нам ловить запрещено законом.

– Он не причём. Я сам большой любитель рыбалки, поэтому сам и в ответе.

– Ладно, этот разговор замнём. Дело ваше, но знай, попадёте с рыбой, вряд ли кто сможет помочь.

– Это я знаю, как знаю и то, что рыба для кое-кого важнее человека. Так уж устроен этот мир, что человека могут растоптать ни за что.

– Нас не так-то легко растоптать! – ответил с улыбкой Якутин.

– Хорошо, что у тебя есть оптимизм. А ты вспомни из истории, как самых умных, ответственных и грамотных людей сажали в лагеря по гнусным доносам. Недавно смотрел фильм про Королёва. Ему тоже довелось отведать лагерной баланды. Не хотят некоторые, чтобы рождались великие люди и творили великие дела. Гнусные, подлые и лживые приспособляются выживать в любых условиях, да ещё пролезать на ответственные посты.

– Оптимизма нам не занимать, как, я думаю, нас и победить не смогут эти самые, о которых ты говоришь. Мы-то тогда кем будем, если согнёмся под их напором? Разве в Советском Союзе мало нормальных людей? Их много, но они-то как раз и не на виду, потому что просто живут и работают, творят и создают. Им некогда заниматься политикой, доносами и прочими гнусными делами. Возьми наше предприятие: люди ходят на работу, создают семьи, отдыхают, занимаются творчеством, рыбалкой, в конце концов. Они просто не хотят, чтобы им мешали. И мы будем строить свою работу так, чтобы людям не мешать. У многих работников золотые руки. Наше дело их вовремя поощрять и награждать.

– Великий ты человек и оптимист! Наверно поэтому и стал большим начальником.

– Начальником я стал, потому что мне нужна квартира. А так, может быть, я никогда бы не увидел эту Тайболу. «Ссылку» я отбыл в Амдерме, а дальше просто надо устраивать личную жизнь, воспитывать детей.

Сломанный самолёт восстановили быстро. Бригада, которую послали, поработала на совесть. Так всей бригадой и прибыли с места аварии, только самолёт уже не узнать. Он сверкал новыми нижними плоскостями, которые не успели на себя набрать грязи грунтовых аэродромов. Иногда прилипала не столько грязь, сколько коровьи лепёшки. Коров выпускали специально, чтобы они с взлётных площадок выщипывали траву.

Дальше дело за комиссией. Зимин подготовил акты, но теперь упёрся Репанов. Он никак не хотел брать на лётную службу это происшествие. Зимин, хоть и числился в комиссии, но, сделав своё чёрное дело на бумаге, дальше помалкивал. Спорили только Репанов и Якутин. Каждый, размахивая руками, доказывал свою правоту, защищая свою службу. В конце концов, развенчал этот спор Галич. Он собрал всю комиссию вместе, прочитал акт и объявил:

– На бумаге я вижу вину только пилотов, других доказательств никаких нет, значит, я подписываю эти документы.

Он поставил свою длинную подпись с одной заглавной буквой «Г» и множеством мелких завитушек. С этого момента все утихли. Против мнения командира и одновременно председателя комиссии идти никто не хотел.

Когда инженеры остались одни, Якутин сказал Зимину:

– Отгулы ты, Алексей Александрович, заработал. Можешь съездить к жене, я отпускаю, – а потом добавил:

– Только там не увлекайся, ты человек в возрасте, лишние физические упражнения тебе противопоказаны. Если что – проси помощь. Я командирую молодых ребят, они помогут.

Зимин даже дымом поперхнулся, не ожидая такого поворота событий, засуетился, не зная, что сказать и куда деть вдруг ставшие лишними руки. В конце концов, он справился с волнением и проговорил:

– Нет уж, как-нибудь я сам, помощь не нужна.

А потом он нашёл Брызгалова и спросил:

– Не можешь ли ты, Витя, найти мне чего-нибудь такого? Меня Якутин отпустил на несколько дней домой.

Брызгалов понял, что имел в виду коллега. Отказать он по своей доброте не посмел, хотя понимал, что Зимин всё равно от этого лучше не станет. Брызгалов выделил ему кусок рыбы, с чем инженер и отбыл в город.

На следующий день Якутин днём подъехал к конторе на своей машине. Около «козла», именуемого ГАЗ-69, собралась толпа людей, высыпав из внутренностей помещений и близлежащих окрестностей. Начальник довольный и счастливый, улыбаясь, пинал ногой резину, дав время всем присутствующим насладиться зрелищем, а затем сказал:

– Машина едва живая. Нет давления масла. Поэтому пока ставим её на прикол и займёмся ремонтом, а потом будем на обед ездить на своём транспорте. Ты как, Ефим Ильич, в машинах разбираешься? – спросил он у Язёва.

Язёв по своей привычке промолчал, понимая, что тут работы непочатый край.

Якутин продолжил:

– Сам понимаешь, не могу же я снять с самолётов техников на восстановление машины. Меня не поймут. У тебя больше опыта именно по такому транспорту.

Язёв, наконец, обрёл дар речи:

– Посмотрим, может, что и получится. Ко мне зам по наземным службам уже обращался. Я знаю, что нет давления масла. Сделать можно, но надо снимать двигатель.

– Ты не закливайся, – сказал Якутин, – Одно дело – обращается зам по наземным службам, а другое дело – твой начальник. Двигатель я тебе дам новый и не с «ГАЗона», а «волговский». Тебе надо только поменять их местами.

– Это проще, это я сделаю! – сразу оживился и обрадовался Язёв тому, что не придётся выполнять нудную и грязную работу по восстановлению двигателя.

– Договорились! С отделкой здания немного прервёшься. Тут я Брызгалову помощников дам других. А тебя могу обрадовать: к нам следуют на барже ПАРМы – полевые авиаремонтные мастерские. Ты скоро будешь со своей конторой, со своим штатом и своим помещением.

– Хорошо бы. Ношу пока на работу свой инструмент из дому.

– Скоро носить не будешь, но в обратном порядке носить не разрешим, – Якутин хохотнул, – Шучу. В ПАРМах будет всё, вплоть до станков. Готовься. Должность у тебя будет не слесарь, а мастер. В помощники тебе примем на работу хорошего трудолюбивого парня с руками и с головой. А в общество трезвости ты его уже сам вступишь. Дисциплину будешь блюсти, показывая личный пример. Как, согласен?

– Да я...

– Ты не тушуйся, а говори прямо: «Пить не брошу!»

Все присутствующие расхохотались. Язёв, привыкший, казалось бы, ко всему, засмутился.

– Ты, Васильевич, берёшь быка за рога. Даже неподдающегося уговоришь! Давай-ка я на машине проеду.

– Вот тебе ключи, а двигатель без давления масла запорешь, так и шут с ним. Всё равно его менять сам будешь. А ходовую часть посмотри, может, что-нибудь ещё заменишь, а потом загни её в док. Крыша над зданием уже есть, мешать машина никому не будет. Ширина я предупрежу.

Мысленно Якутин записал себе очередную победу. Машина по штатному расписанию ему не положена. Учитывая, что в семидесятые годы девятнадцатого столетия, автомобиль вообще в деревне являлся большой роскошью, ему очень повезло, что руководитель, в нарушение всех норм, пошёл ему на уступку. Но таков уж был начальник АТБ, иначе бы он просто не назывался Якутиным. Пётр Васильевич никогда не пасовал перед трудностями, а уж что задумал, с намеченного пути его ничем не свернуть. Его авторитет в глазах подчинённых только вырос.

– То ли ещё будет! Вот построим предприятие, и я каждому из вас выпишу по машине, – сообщил Якутин всем присутствующим.

– Дело за немногим, – сказал Серый, – Осталось только построить. Ловим тебя на слове. С сегодняшнего дня будем вечерами строить личные гаражи.

– А ты чего такой унылый, Евгений Анатольевич? Тебе машина будет первому, как первопроходцу. Разве ты не заработал себе машину?

– Мы люди маленькие. Я не партийный, а простым смертным машина не полагается.

– Ты не приbedняйся! Мы-то знаем, кто ты такой. Ты, прежде всего, инженер, а инженеру машина положена в любом случае. По крайней мере, на моей машине будешь ездить. Все инженеры будут ГАЗоном пользоваться. А ты в душе комсомолец – я знаю, а коммунистом тоже станешь!

Серый скромно промолчал, но он знал, что начальник может выполнить своё обещание. Якутин никогда не пил за чужой счёт и не злоупотреблял доверием подчинённых. Это его качество знали все.

– Ты, Евгений Анатольевич, жену себе выбери, – продолжил Якутин, – а то плохой пример показываешь подчинённым.

– Мне ещё рано. Пока присматриваюсь.

– Ты доприсматриваешься, что женщины на тебя перестанут обращать внимание. Смотри, сколько молодых ребят-конкурентов!

– Они мне не конкуренты. Слишком пока глупые в семейном плане. Сами ещё дети, за которыми надо присматривать!

Подъехал Язёв:

– Тут, Васильевич, требуется приложить руки, – он подробно объяснил, где стучит и побрякивает.

– Машина пока в твоём полном распоряжении, смотри, разбирайся, ремонтируй. Я постараюсь тебя не отвлекать.

Репанов при встрече посетовал Якутину, что он, как первый зам, машины не имеет, а начальник АТБ с машиной.

– За что тебе такая привилегия? – спросил он.

– За работу, за работу, Андрей Николаевич! – ответил Якутин и не удержался, зацепил, – На тебе висит происшествие, а у нас пока всё в порядке.

Репанов чувствовал подвох, но «пилюлю» пришлось проглотить. Он только проглотил слюну и, больше ничего не сказав, повернулся и зашагал прочь.

Осень выдалась дождливая и слякотная. Положительную сторону в этом инженеры видели только в том, что исчезла пыль, но двигатели за лето её «наглотали» столько, что самолёты один за другим становились на прикол. Выполнять рейсовую работу прибыли самолёты с других предприятий. Инженерам становилось обидно, что работу забирают конкуренты, но ничего нельзя с этим поделать. Репанов отыгрывался, не забывая на каждом разборе, упрекнуть Якутина в бездействии.

Дождь наполнил ручьи и реки, превратил грунтовые дороги в непролазные топи. Если по району как-то ещё можно передвигаться на водном транспорте, то в областной центр путь остался только по воздуху. Отсутствие в достаточном количестве самолётов, задержки рейсов, погодные условия создавали огромные очереди при посадке в самолёт. Когда объявляли посадку на рейс двенадцатиместного самолёта, в накопитель устремлялась толпа в сотню и более человек. Большая часть пассажиров шла с билетами, но находились и такие, которые надеялись просто на чудо. Трещали переборки. Люди с баулами, рюкзаками, сумками напоминали разворошённый улей, который скапливался в огромную кучу, чтобы всей массой достичь желаемого результата. Как правило, впереди оказывались те, кто сильнее и имел меньше вещей.

Дамы с детьми, пожилые и больные люди оказывались где-то сзади, там, где их совсем не видно. В узком проходе сразу застревала пара человек, держа сзади сумки, которые оказывались зажаты другими людьми – это создавало неподдающуюся никаким усилиям пробку. Разгорячённые борьбой друг с другом за место у дверей, пассажиры нервничали, кричали, шумели, протягивали через головы свои документы, но весь этот хаос мало помогал нормальной посадке.

– Мужчина, что вы ко мне прижались, да ещё каким-то костлявым местом? – кричала какая-то возмущённая женщина, – Уступите даме дорогу. Или вы не учились в школе? – спросила она, не надеясь получить какой-либо ответ.

Лысый мужик потный и красный стоял зажатым двумя дамами так, что не мог пошевелиться, а ещё стеснялся и боялся доставить попутчицам неудобство. От этого он ещё больше краснел. Ему становилось жарко так, что он пылал, как огненный шар, а оправдываться, он знал, бесполезно. Он понимал, что никакими усилиями ему от дамы не отодвинуться, а любое телодвижение может быть воспринято неправильно. Сейчас даже его должность, начальник Тайбольской рыбинспекции, не имела абсолютно никакого значения. Он только мотал головой с запотевшими очками и молча переносил невзгоды.

Юркие дети сновали где-то внизу между ног, продираясь, как их взрослые мамы, папы и бабушки вперёд.

Женщины с отдела перевозок выкрикивали:

– Женщины с детьми! Больные! Инвалиды! По телеграмме! Служебные!

Они – эти женщины ничего сделать не могли с неуправляемой толпой, а просто старались набрать нужное количество человек, соблюдая определённые правила.

Откуда-то сзади раздавались ответные крики, что таковые имеются, но дальше дело не двигалось. Передний заслон ни за что не хотел пропускать кого-нибудь впереди себя, понимая, что места может не достаться. Люди с других рейсов большой губернии старались держаться дальше от этой разъярённой толпы, хотя посадку иногда объявляли на несколько рейсов. Но на огромный ИЛ-18, следующий в Москву или Ленинград, никогда такой пробки не создавалось.

Иногда где-то в зале раздавался громкий возглас:

– Это Тайбола пошла на посадку!

Все другие пассажиры понимали, что пока не наберут нужные двенадцать человек на рейс в Тайболу, к накопителю лучше не подходить.

Набирали обычно не двенадцать, а тринадцать человек. Дежурные по посадке, понимая всю нелепость ситуации, брали с собой на перрон запасного пассажира

– а вдруг экипаж согласится взять! Экипажи отказывали редко. Садился тринадцатый, не считая пары служебных «зайцев», просочившихся из ниоткуда в самолёт.

«Зайцы» в форме делали вид, что они из экипажа, а прочие просто прятались где-нибудь в укромном месте, вылезая после закрытия входной двери. Иногда они садились на сиденья экипажа, освобождая их в последний момент. В тесном салоне самолёта никогда никто не жаловался на неудобства, считая за счастье, что он тут сидит и через полтора часа прилетит туда, куда нужно, где-то в глубине души понимая, что он сел, а большая часть людей осталась ожидать другого рейса, который то ли будет, то ли перенесётся на следующий день.

Через многие годы, когда полетели большие самолёты, и мест всем хватало, Тайбола всё равно шла в накопитель по своим законам, беря его штурмом.

Брызгалов летал слишком часто. Он никогда не отказывался от командировки, когда этого требовали обстоятельства. Чаще всего ему приходилось выполнять роль снабженца. Неповоротливый механизм снабжения не успевал вовремя поставлять нужные детали и агрегаты, поэтому посылали инженера, чтобы ускорить этот процесс. Кладовщицы материальных складов хорошо знали примелькавшегося инженера, считая его снабженцем, и наперебой предлагали свой залежавшийся товар. Они, в отличие от начальства, ничего старались не придерживать и не скрывать, а, наоборот, избавлялись, как они считали, от лишнего «хлама». Поэтому Брызгалов не шёл к начальству, а шёл сначала на склады выяснить наличие нужных ему деталей и агрегатов, а уж потом, имея запас знаний о наличии всего необходимого, шёл всё это выписывать и доказывать начальникам, что необходимый товар на складе имеется.

Его и посылали из-за того, что он никогда пустой не возвращался. Имелась только одна проблема: сесть на рейсовый самолёт. Но и тут его примелькавшуюся фигуру дежурные по посадке запомнили, и он почти всегда попадал в число двенадцати пассажиров, а когда не попадал – просачивался, как другие «зайцы», прямо к самолёту.

В этот раз задача ему выпала более сложная: выделен самолёт, который должен привезти только служебный груз. Простаивали не только неисправные самолёты, но и строители, которых зачастую держала «мелочь» и, которую среди болот и тайги взять негде.

Виктор велел экипажу его ждать, а сам устремился на знакомые склады. Залежавшегося товара скопилось много, поэтому ему любезно предоставили бортовую машину и грузчиков. Машину загрузили полностью. При перекладывании ящиков и коробок в самолёт Виктор подсчитывал приблизительно вес. Даже по приблизительным подсчётам вес превышал предельную норму. Экипаж полностью доверился ему и не вмешивался.

Виктор ещё раз всё пересчитал, а затем в категоричной форме приказал грузчикам ящик стекла весом более ста килограмм выгрузить обратно в машину. Мужики начали возмущаться, но Брызгалов оказался непреклонен. Ящик выгрузили и увезли обратно на склад.

При разбеге самолёт долго не хотел отрываться от взлётной полосы, предназначенной для больших самолётов, длиной два с половиной километра. Самолёт бежал, подпрыгивал на швах бетонных плит, но не отрывался. Виктор в этот раз сел не к экипажу, а в салон самолёта прямо на ящики.

АН-2 последний раз подпрыгнул и, наконец, к концу полосы от неё оторвался, медленно, по сантиметру, набирая высоту.

Командир самолёта обернулся назад и погрозил ему кулаком. Виктор только пожал плечами. Он понял, что допустили явный перегруз, но самолёт оторвался, значит, не всё потеряно.

Длина полосы позволила набрать нужную скорость. А дальше двигатель медленно «потянул» самолёт вверх и в сторону дома.

Это были его обычные будни. Виктор, сидя в самолёте, подумал: «А что, если бы он не выгрузил ящик стекла?»

Поделиться своими мыслями сейчас не с кем. Уж он-то знал, что интуиция его никогда не подводила! Ровный шум двигателя убаюкивал. Виктор задремал.

По прилёту его встретил Якутин:

– Пойдём! У тебя день приезда, на работу идти не надо, поедешь со мной.

– Куда? – только и спросил Виктор

– Я познакомлю тебя ещё с одним нужным человеком.

Идти никуда не пришлось. Якутин сел в ГАЗ-69 и пригласил Виктора сесть рядом. Машинка затряслась по Тайбольским хлябям на просёлочную дорогу.

Якутин сказал:

– Язёв её довёл до ума. Смотри, давление масла идеальное, новый «движок» работает, как часы. Я теперь только езжу. У тебя права есть, будешь ездить и ты, а другим я стараюсь её не давать, только по острой необходимости.

Приехали в тот район Тайболы, где Виктор пока ещё не показывался и не освоился. Здесь стояли только частные маленькие домики, образовав когда-то давно свою маленькую деревню. Впоследствии Тайбола разрасталась, а деревенька стала микрорайоном Тайболы, оставив своё название. От центра её отделял огромный овраг, заросший по краям стройными соснами.

До оврага дорога выглядела удовлетворительной, но подъём в гору оказался из жидкой красной глины с очень глубокими колеями, в которых виднелись ветки от сосен, палки и даже целые брёвна. Инженеры понимали, что здесь для любой машины всегда плановая остановка в разбитых колеях. Водители, застряв, подсовывали под колёса всё, что могли найти в округе.

«Газон» остановился. Якутин в раздумье смотрел на идущую вверх колею.

– Ну, как, проедем? – спросил он.

– Ты водитель, ты и решай, – ответил Брызгалов, – Если сядем, то навечно. Нам отсюда не выбраться.

– Не переживай, не в таких переделках бывали! Если что, подтолкнёшь.

Якутин включил пониженную передачу. Машина медленно поползла вверх. Он старался держать её сбоку, чтобы не свалиться в глубокие колеи. Колёса пробуксовывали, норовя развернуть машину поперёк дороги. Якутин едва её удерживал в нужном направлении. С большим трудом, но в гору въехали.

– Ну, ты и мастер! – сказал Брызгалов.

– Это не я, это заслуга машины. Осталось метров пятьсот по сплошному месиву.

– Как же тут ходят люди?

– Людям на дорогу идти не надо. У них есть свои тайные тропинки между сосен, по которым можно пройти даже в туфлях.

Машина остановилась возле маленького невзрачного домика, сверкавшего ещё не успевшими потемнеть брёвнами.

– Вот мы и приехали! – сказал Якутин, – Пойдём знакомиться.

Постучавшись, они вошли в дом. Дверь открыл сам хозяин. На вид он одинакового с гостями возраста в простой рубашке с длинными рукавами. На ногах надеты шерстяные носки, служившие для обогрева и одновременно тапками. Человек этот похож на обыкновенного сельского крестьянина.

– Привет! – сказал Якутин, – Гостей не ждёте?

– Свои все дома, а гостей не ждали, – ответил мужик.

– Вот, привёз тебе инженера для знакомства, мой заместитель, звать... – он назвал полностью фамилию, имя и отчество, – А это Ёлкин Зиновий Владимирович, главный механик базы аэросаней, местный Кулибин.

Брызгалов уже давно заметил, что по реке время от времени снуют юркие аэросани-амфибии. Как потом выяснилось, они развозили почтовые отправления по отдалённым деревням. В пору бездорожья и мелководья – это, пожалуй, единственный доступный наземный транспорт. А теперь он своими глазами видел человека, который командует этими юркими машинами.

Якутин при входе в жилое помещение вытащил из-за пазухи бутылку водки и поставил на стол.

– Закусить, Владимирович, я надеюсь, чего-нибудь найдёшь, – сказал Пётр Васильевич.

– Найдём, – просто ответил хозяин, включая в розетку вилку от шнура электрического самовара.

– Вот, Витя, этот человек заведует всеми амфибиями. С плохими людьми я тебя не знаколю. У него даже прозвище есть – Кулибин. Этот человек во всем посёлке знает, где и что лежит, даже в квартирах и частных домах. К нему можно обращаться по любому вопросу. Если нужной вещи нигде не можешь найти, он скажет, где она лежит, – Якутин хохотнул, – Шутка, конечно, но на девяносто процентов правда.

– Ты уж, Пётр Васильевич, сильно преувеличиваешь, – возразил хозяин.

– А что, разве не так? Я сколько к тебе обращался? Ты всегда всё находил. Давай, приглашай за стол, гостям надо утолить жажду. Видел, на каком танке мы приехали?

– Видел, – ответил Ёлкин, – Поздравляю с приобретением!

– Выпьём чайку, познакомишься ближе с моим заместителем. Он амфибии видел только издали, правда, знает, что это почти самолёт, только без крыльев, – Якутин засмеялся.

Рассмеялись и все остальные. Хозяйка, маленькая худощавая женщина, накрывала стол, расставив всем тарелки и стопки.

– Дарья Георгиевна, а Вы чего себе стопку не ставите? – спросил Якутин.

– Я водку не буду.

– Так нельзя, должны быть все замешаны в этом процессе и должны быть все заодно. Ставьте стопку, мы нальём чуть-чуть.

Хозяйка послушно достала ещё одну стопку.

Хозяин дома имел свой телефон, который находился на тумбочке возле стола. В то время свой домашний телефон имели немногие. Телефоны в квартиры ставили, но по великому благу и далеко не всем. Зиновий Владимирович считался работником почтовой связи, поэтому ему аппарат поставили, как своему работнику.

– Уютно тут у вас, – сказал Брызгалов, – Южная сторона посёлка, дом смотрит на солнечную сторону.

– Дом недавно построен. Буду к нему пристраивать ещё одно жилое помещение, – ответил хозяин.

– Всё хорошо, только дорога к вам не проезжая.

– А к нам никто и не ездит. По этой дороге ходят в основном трелёвочники с лесом, а машины сюда не заглядывают. Я удивляюсь, как вы сумели проехать.

– А у нас самолёты летают по прямой, вот и мы ехали по прямой, – пошутил Якутин.

– У нас хоть по прямой, хоть по кривой, все на подъёме застревают.

– Мы же не застряли, значит, не все. Когда нам, Владимирович, выделишь амфибию? Нельзя, чтобы в авиации не имелось своей амфибии. Ты нам присмотри какую-нибудь развалюху. Пока это шутка, но вопросом этим я займусь всерьёз, – Якутин наполнил стопки, – С командиром я уже говорил. Он молчит, но в память себе записал. Думаю – это дело времени. Скоро мы к тебе придём за амфибией, так что думай и соображай.

– Я такие вопросы не решаю.

– Твоё дело выделить амфибию, а вопрос мы решим на более высоком уровне. И позаботься, чтобы у нас с командиром нарисовались водительские права, причём, самые настоящие. И потом, как это не решаю вопросы?! Кто же тогда их будет решать, если не мы?

Когда выпили по третьей кружке чаю, инженеры поднялись.

– В гостях хорошо, но надо и честь знать, – сказал Якутин.

– Я вас не гоню, – сказал хозяин, доставая вторую бутылку водки.

– Нет, – категорично возразил Якутин, – На сегодня хватит. Завтра всем на работу, как-нибудь в другой раз.

Вниз по разбитой дороге съехали без всяких проблем. Машина хоть и чиркала днищем, но под уклон прошла уверенно.

– Познакомил тебя на всякий случай с ещё одним нужным человеком. Я тебе не говорил, но мы с командиром задумали приобрести амфибию для аварийно-спасательных работ, – поведал Якутин, – Но и на отдых тоже можно будет иногда выехать. Работа работой, а об отдыхе мы тоже немного думаем. Пока об этом не распространяемся, поскольку этот вопрос в верхах ещё не решён, но, думаю, решится положительно.

– С вами не соскучишься. Даже жить становится интересно.

– А почему бы нам не иметь такую технику? С самолётами управляемся, а это, если рассудить, техника совсем примитивная. С ней мы справимся вообще без каких-либо проблем.

– Я уже ни в чём не сомневаюсь.

Глубокой осенью на последних баржах пришли ПАРМы. Два новеньких ЗИЛ-131 с кунгами, в которых располагались мастерские. Хотели снять сразу кунги и установить стационарно, но упёрся военкомат, поскольку машины сразу поставили на военный учёт. Якутин одну из машин стал использовать, как разъездную. В обеденный перерыв все желающие садились в кунг и следовали в дальнюю столовую на обед, где всегда встречали гостей уютно и сытно. За водителя садился сам начальник АТБ. По осенним Тайбольским дорогам это самый лучший вид транспорта, если не считать транспортом трелёвочный трактор.

Сама столовая стояла на относительно сухом пригорке, а метрах в пятидесяти от неё начинались непролазная грязь и разбитые дороги. Около здания обычно скапливались мотоциклы и редкие машины, транспортные средства тех, кто их имел.

Остальная часть холостого населения посёлка ходила в столовую в центре села, которая располагалась ближе и в более доступном месте.

Здесь же, в маленьком зале, сидеть очень уютно. Имелась и ещё одна причина, по которой Якутин возил желающих покушать в эту столовую – это выяснилось несколько позднее. Он становился в общую очередь, но на раздаче непременно задерживался, перекидываясь незначительными фразами с худощавой молодой раздатчицей. Сильно их разговоры в глаза не бросались, поскольку Якутин по своей натуре слыл разговорчивым и общительным, и воспринималось всё, как само собой разумеющееся.

Обед обычно сильно не затягивался. Принимающие пищу речники – а столовая принадлежала именно им – быстро кушали и освобождали столики, чтобы не скапливалась очередь. Гости, все, кто приходил с других организаций, старались вписываться в общие правила.

Отобедав, авиаторы опять садились в ПАРМ и отправлялись тем же путём на работу, раздалбливая мощной машиной и без того разбитые дороги, но на это никто, кроме дорожного участка, не обращал внимания. А дорожный участок по традиции, принятой в этой местности, мостил дороги окаменевшей глиной, поскольку другого строительного материала поблизости не водилось. После первого же дождя эта глина опять превращалась в месиво. Таким образом осваивались деньги, выделяемые на ремонт дорог. Этот процесс выглядел бесконечным, поскольку у дорожников никогда не кончалась работа и всегда выделялись государственные деньги.

Через несколько дней после прибытия ПАРМов Якутин решил навестить Кутузова. Он взял с собой Брызгалова и механика гаража Гнатюка. Поздним вечером, усевшись в водительскую вместительную кабину «ЗИЛа», втроем отправились погостить.

По дороге что-то пошло не так: машина на середине пути задёргалась, а потом и вовсе остановилась. Двигатель перестал подавать признаки жизни. Якутин пытался заводить мотор, смотрел под капот, пинал ногой колесо, но результата не появлялось. Автомеханик тоже пытался оживить заглохший двигатель, но у него тоже положительного результата не получалось. Они стояли на дороге больше часа. Аккумулятор после многих попыток крутил двигатель всё хуже и хуже. Тогда Брызгалов взял ключи зажигания и сказал:

– Ждите, сейчас привезу специалиста, иначе останемся без аккумулятора.

Он не стал слушать возражения, а повернулся и почти бегом пошёл по дороге в сторону посёлка. Полчаса ему хватило, чтобы дойти, а ещё через двадцать минут он подъехал к дому Язёва на мотоцикле.

Язёв уже лёг спать. Брызгалов едва достучался в закрытую дверь. Её открыл полуодетый хозяин.

– Ефим Ильич, заглохла машина, надо помочь, – сказал Виктор.

– Я уже сплю, – ответил Язёв.

– Надо проснуться. Не бросать же машину на дороге! Я тебя отвезу и привезу. Там находится Якутин. Я думаю, ты не откажешься помочь начальнику?

Виктор видел, что Язёву очень не хочется выходить из тёплого помещения. Он похмыкал, поразмышлял, а потом сказал:

– Ладно, сейчас оденусь.

Доехали быстро. Гнатюк и Якутин сидели в машине и ждали.

– Ты, Витя, зря так сделал, – сказал Якутин, – Без ключей зажигания мы вообще ничего не могли сделать.

– Я хотел, как лучше. Оставшись без аккумулятора, пришлось бы оставлять и машину. Сейчас Ефим Ильич всё посмотрит.

Виктор и сам понимал, что сделал всё как-то нехорошо. Пытаясь загладить вину, он старался всячески помогать Язёву. Недолго повозившись, Ефим Ильич двигатель завёл.

Время перевалило за полночь, поэтому в гости ехать всем расхотелось. Ночные гости и хозяевам стали бы обузой. Обрато Виктор уехал на мотоцикле, а Язёва увезли до дому в кабине машины.

Впоследствии об этой поездке никто не вспоминал, но Якутин стал больше прислушиваться к Зимину и выслушивать его мнение о Брызгалове.

Виктору после ночных трудов, не смотря на глубокую ночь, не спалось. За стенкой долго слышался плач ребёнка. Затем, едва слышный голос хозяина дома стал очень громким:

– Дрянь, не даёшь спать! Ребёнка воспитывать не умеешь!

Что отвечала в ответ жена Маша, Виктор разобрать не мог, но она вмешивалась своим по-бабски визгливым голосом в общий хор детского и мужского голосов – это продолжалось значительное время. Под утро голоса стихли, но зато отчётливо слышался продолжительное время тихий размеренный скрип железной кровати. Когда стихло вообще всё, спать оставалось до начала работы совсем немного времени. Брызгалов повернулся на бок и стал засыпать. Сон наваливался какой-то огромный, тягучий и обволакивающий. Виктор себя ощущал ещё бодрствующим, но на самом деле он уже крепко спал. Брызгалову во сне слышался плач ребёнка. Он крикнул: «Что вы делаете? Успокойте, наконец, ребёнка! Дайте ему соску! Он никак не даёт заснуть!» В ответ на него начала рушиться стена. Виктор попытался соскочить с кровати, но тело совсем не подчинялось. Из-за падающей стены отчётливо слышался мужской голос: «Сейчас ты, чтобы не подслушивал, будешь раздавлен, и даже не пытайся выбраться! Никогда

не подслушивай, как я разговариваю с женой!» Слышался счастливый женский смех, которому опять вторил плач ребёнка.

Стена упасть не успела. Брызгалов открыл глаза. Сильно болела голова, а из-за стены слышался плач ребёнка. Он понял, что всё, кроме плача, ему приснилось. До начала работы оставалось пятнадцать минут. Не позавтракав, Виктор быстро оделся и побежал на работу.

Все инженеры находились на месте. Виктор зашёл последним, за минуту до начала разбора.

Наталья Алексеевна доложила о исправности самолётов, что никого не порадовало. Летать оказалось не на чем. Периферию ещё кое-как прикрывали, но на базе оставалось только два исправных самолёта – это при том, что после реформ Брызгалова на участках, работа пошла намного слаженней. Производительность труда выросла тоже чуть ли не вдвое, но результата на этот период не чувствовалось.

«Так вот почему у меня разболелась голова!» – подумал Виктор, – «Сейчас я буду получать пилюли».

И точно: Якутин спросил:

– Виктор Алексеевич, доложите, почему сложилась такая ситуация?

Про ситуацию все всё знали, но он отвечал за весь участок, поэтому и спрос с него. Виктор даже не пытался свалить вину на кого-нибудь другого.

– Количество внеплановых работ увеличилось в разы. У нас уже нет цилиндров, нечем менять вышедшие из строя «горшки». Выдачу самолётов не уменьшили, но налёт часов значительно увеличился. Количество экипажей увеличивается не по дням, а по часам. От нас требуют самолётов всё больше и больше. Я считаю, что пока не научим пилотов нормально летать в пыльных условиях, так всё и будет продолжаться.

– От кого это зависит?

– Это от нас и зависит. Необходимо ужесточить требовательность за эксплуатацией двигателей, а нам нужны запасные части. У нас нет компрессоров. Два самолёта исправных стоят только из-за отсутствия компрессоров.

– Собирайся в командировку в Яренск. Там на базе амфибий имеются двигатели, на которых есть новые компрессоры. Им они не нужны, а нам нужны, как воздух. Договорённость во всех инстанциях уже есть.

– В Яренск, так в Яренск, лишь бы для пользы дела. Я ехать уже готов. За меня останется Катугин.

Остальные инженеры пока молчали, понимая, что Брызгалов сейчас отдувается за всех. Зимин отвечал только за качество работ, поэтому сидел спокойно и сосредоточенно. Ему очень хотелось курить, но он терпел, не рискуя закуривать в присутствии начальника, который не курил. Алексей Александрович понимал, что сейчас настал самый момент уничтожить конкурента. Осталось Брызгалова только подтолкнуть, чтобы он утонул совсем. Но Зимин считался старым и опытным волком, чтобы вот так сразу, в присутствии всех, высказать своё мнение. Лишние свидетели ему совсем не нужны. Алексей Александрович молчал, понимая, что через час выберет подходящий момент и скажет всё Якутину один на один, чтобы его больше никто не слышал. Пусть все считают, что информация идёт не от него. А вдруг жизнь повернётся другой стороной? Тогда он снова будет на коне, а Брызгалов будет его первым защитником. Зимину Брызгалов сам по себе безразличен, но он хотел среди инженеров быть первым, а поэтому лучше всего уничтожить вокруг себя конкурентов – так он считал.

Серый, наоборот, в душе сейчас находился на стороне Брызгалова, понимая, что львиная доля вины за плохую исправность его, а не Брызгалова. Виктора он не боготворил, но был справедлив. Излишняя требовательность Брызгалова его иногда коробила и даже оскорбляла, но он привык к причудам начальников, никогда сильно не возражая и не споря.

Катугин находился полностью на стороне Брызгалова и сейчас, когда его подняли для доклада, пытался всё объективно расставить по полочкам, обосновывая простой каждого самолёта объективными причинами, не зависящими непосредственно от инженеров.

– Как бы там ни было, – подвёл итог Якутин, – Спрашивать всё равно будут с нас. Я сейчас пойду на доклад к командиру. Порадовать его мне сегодня нечем. Репанов незамедлительно этим воспользуется, чтобы выглядеть победителем. Но дело не во мне, а в объективном положении дел, а оно у нас удручающее – это не радует. Мне получать нагоняй не привыкать, а вам надо думать о своей премии, которой может и не быть. Василий Юрьевич, Вы остаётесь на участке вместо Брызгалова, Вам и расхлёбывать заваренную кашу. Сейчас расходимся по рабочим местам и мобилизуем личный состав на ударную работу. А Вы, Евгений Анатольевич, подумайте о том, чтобы бригады поработали в выходные дни, отгулы я потом дам.

Все разошлись. Серый сразу пошёл разговаривать с личным составом. У Якутина не возникало сомнений, что выходные будут рабочими днями. Умел Серый найти общий язык с людьми. Он с ними не только работал, но вместе и отдыхал, за это его и уважали.

Если сказать Яренск встретил Брызгалова неприветливо – это будет неправдой. Маленького лесного посёлка Виктор не увидел совсем. Он вылез из самолёта у маленького неказистого здания аэропорта. На улице холодно и промозгло. Его встретил местный техник, который сразу сказал:

– Меня попросили Вам помочь.

– Хорошо, тогда провожай самолёт и приступим.

Техник его доставил на мотоцикле к амфибиям. Ехали какими-то окольными тропками, с которых посёлка не видно совсем. «Ну и занесло меня!» – подумал Виктор, но вслух ничего не сказал.

– Компрессора здесь! – ткнул техник пальцем на груды больших ящиков, – Там двигатели, с которых мы будем их снимать.

Снимать пришлось до позднего вечера. Набрали компрессоров половину мешка. С этим грузом уехали обратно в аэропорт.

– Теперь давай ужинать, – сказал Виктор, – понимая, что ужином должен угощать он.

Ужин затянулся до ночи. Так потом и улеглись спать на деревянных пассажирских лавках. Утром техник проснулся, можно сказать, на рабочем месте и сразу приступил к работе, а Виктор просто ждал рейсовый самолёт.

Ещё через сутки он привёз компрессоры в Тайболу.

Субботники несколько выправили дело с исправностью самолётов. Теперь летало уже четыре самолёта, а с учётом привезённых компрессоров, их должно стать шесть. Про свои выходные дни Брызгалов даже не заикался, понимая, что выходные дни он просто пока не заработал, а за те дни, что он пробыл в командировке, получит по закону суточные.

Зимин сразу заявил, что компрессоры немного не те, но поставить на самолёт можно. Инженеры, посоветовавшись, решили за неимением лучшего эксплуатировать эти агрегаты.

Осень с каждым днём давала о себе знать: то утро встретит «поседевшей» травой, то льёт нудный и мелкий дождь, иногда смешиваясь с мокрыми белыми снежинками.

Серый за работу в выходные дни попросил разрешения у Якутина съездить на несколько дней на рыбалку, не просто на рыбалку, а далеко вверх по таёжной речке Сойме. Накануне ему случайно подвернулся заядлый рыбак, который искал напарника. А какой напарник-дилетант согласится ехать, когда на дворе «белые мухи» летают? Серому же всё равно, когда ехать, с кем ехать и в какое время года. Он просто хотел отдохнуть и выбраться от всей суеты последнего времени на природу.

Ехали долго, даже очень долго. Мотор временами «барахлил». Часто останавливались, пили чай, приводили мотор в порядок и опять ехали. Речка петляла, изгибаясь в причудливых поворотах, цепляя иногда рыбаков нависшим ивовым кустарником. Временами гребной

винт мотора на перекатах «шабаркал» о камни. Если вовремя не успевали его заглушить или сбавить газ, обязательно рвалась шпонка гребного винта – это приводило к непредвиденным остановкам, которые растягивали время поездки. До конечной цели считалось всего три часа непрерывной езды, но из-за частых остановок добрались только к вечеру, когда почти полностью стемнело. Три километра до избы шли в полной темноте, спотыкаясь о корни деревьев, тянувшиеся в некоторых местах поперёк тропы.

Когда, наконец, появилась изба, уставшие и промокшие путники облегчённо вздохнули. Быстро освободившись от груза, затопили печь, благо растопка предусмотрительно оставлена возле неё предыдущими хозяевами, и накрыли стол. Как заведено у настоящих рыбаков, добравшись до места, устроили «привальное», а уже потом стали готовить крючки, лески и другое снаряжение, необходимое для рыбалки.

Утром проснулись рыбаки от холода. Трубу с вечера не закрыли, боясь во сне угореть, поэтому тёплый воздух через трубу весь вынесло наружу. Оказалось, что ночью ударил настоящий мороз. Вечерняя чернота природного ландшафта исчезла полностью. Теперь всё вокруг искрилось от инея. Вода осенней сырости застыла там, где её застал мороз, и превратилась в мелкие искрящиеся льдинки.

Вместо того, чтобы идти на озеро, рыбаки пошли обратно, к лодке. Под ногами на тропе хрустел свежий ледок. Вчерашние дождевые облака куда-то исчезли. Ярко сияло солнце. На деревьях, земле, траве искрились замёрзшие капельки воды. Речка сверкала льдом, как зеркало, на всём видимом протяжении – это означало, что путь обратно по воде оказался отрезан.

Кое-как освободив лодку из льда, рыбаки затащили её на глинистый кряж, как можно выше, с расчётом на то, чтобы лодку не унесло весенним паводком, и привязали к дереву.

– Ну, что, Сергей, – сказал Серый напарнику, – Теперь пойдём рыбачить. Первый блин, как говорится, комом, но то, ради чего сюда приехали, забывать нельзя.

– Пойдём, – ответил Сергей, – Морозов следовало ожидать, но я не ждал их так быстро и не рассчитывал, что речка замёрзнет.

– В жизни бывает всякое. Раз другого выхода у нас нет, как идти домой пешком, насладимся хотя бы хорошей рыбалкой, а рыбу, если таковая будет, оставим здесь до зимних дорог.

– Ладно, пойдём на озеро. Жаль, что утеряти полдня. Озеро наверняка тоже замёрзло. Будем заниматься подлёдным ловом.

Рыбаки направились к избе, чтобы потом отправиться к озеру, которое находилось в пяти километрах от избы, но в противоположной от реки стороне.

Чтобы попасть до места, следовало обогнуть огромное болото. По болоту идти тоже можно, но вытаскивать после каждого шага ногу из засасывающей жижи рисковали немногие. А теперь, после дождя, болото набухло водой, да ещё покрылось сверху ледяной коркой, что сделало его совсем непроходимым.

Шли вокруг, по кромке чахлого болотного леса, опять спотыкаясь о корни деревьев и вытаскивая ноги из бочажин. «Чав-чав», – доносилось из-под ног, – «Чав-чав».

Со стороны болота в редколесье увидели лосиху, которая внимательно за ними наблюдала, не понимая, что за чудища передвигаются на двух ногах, нелепо размахивая руками и производя много лишнего шума. Лосиха думала примерно ещё минуту, куда делись у этих чудищ рога и хвосты, а потом грациозно и не спеша зашагала по топям, не испытывая никаких неудобств.

А путники шагали, глядя только под ноги, чтобы случайно не споткнуться или не провалиться в подлёдную жижу. В другое время лосихой можно и полюбоваться, но сейчас их занимала только одна мысль: скорее добраться до озера и отдохнуть в избе.

О том, что мелкие речки замёрзли за одну ночь, в Тайболе узнали сразу. На рыбалке находились не только Серый с напарником. Многие жители под самую зиму старались запастись провиантом, добытым своим трудом, тем, что даёт природа. Сбор грибов и ягод закон-

чился давно, поэтому жители перешли на отстрел дичи и лов рыбы. Самые удачливые добытки ловили хариуса и сёмгу, а многие не брезговали сорогой, окунем, щукой и прочей рыбой, что водится в водоёмах. Шли в дело даже ерши, которых сушили в печи и складывали в полотняные мешки.

Якутин решил подождать, когда у Серого закончатся отгулы, а уже потом предпринимать какие-то шаги по его поиску. О том, что в тех краях проходит зимний тракт, знали все, поэтому у рыбаков существовала возможность прийти по дороге, которая для пешеходов вполне пригодна. Расстояние по дороге до посёлка всего каких-то семьдесят километров. Два дня пути и можно очутиться дома, а вдоль дороги есть избы, одна из которых обитаема.

Но, как бы там ни было, а на работе волновались все. Брызгалов подошёл к Якутину:

– Петр Васильевич, – спросил он, – Не пора нам начинать розыски?

– Я об этом думаю, но считаю, что до утра надо подождать. Река замёрзла на всём протяжении, я узнавал. Им по реке не пробиться. Лёд за одну ночь намёрз такой, что выдерживает вес человека.

– Завтра надо поднимать на поиски самолёт. Официально это не сделать. Давай назначим проверку двигателя, а я летаю с экипажем, думаю, их найдём.

– Я над этим вопросом подумаю, посоветуюсь ещё с командиром, а искать надо. Пешком идти они не рассчитывали, поэтому к пешему переходу и не готовились. Пока шум не поднимай, что-нибудь придумаем.

Якутин опросил всех местных рыбаков, знающих речку и прилегающую территорию. Все в один голос заявляли, что выход один – идти по дороге. Сообщили местные рыбаки про избы и о том, что прожить несколько дней и не замёрзнуть можно, а поскольку путники – рыбаки, то и с голоду не помрут – это успокаивало.

О том, что у Серого будут прогулы, никто даже не заикался. Сейчас всех беспокоило только одно, чтобы ребята вышли из тайги живыми. Никто не знал, беспокоились ли сами рыбаки, но коллег их отсутствие сильно озадачило.

На следующий день в лётную службу поступило распоряжение – облетать самолёт.

Пилоты все были в курсе последних событий. Начальство отправило на поиски людей один из опытейших экипажей. Забыли только предупредить диспетчера, что придётся несколько уклониться от аэродрома. Командир самолёта Мещерский сразу взял курс на речку, и далее полетел прямо над рекой, выписывая все её причудливые повороты. Он даже немного переусердствовал, пытаясь выписать виражи строго по фарватеру. А река не предусматривала возможности самолёта и загибалась так, что очень трудно оказывалось повторить её выкрутасы. Самолёт закладывал предельные виражи то в одну сторону, то резко разворачивался в другую, чудом держась в воздухе при предельных кренах.

Мещерский наклонился к Брызгалову:

– Диспетчер кричит, чтобы возвращались, так как удалились от аэродрома.

– Что будешь делать? – спросил Виктор.

– Нарушу. Долетим до места, – ответил Мещерский, закладывая очередной вираж.

На всём протяжении реки вместо воды блестел лёд. Никого на фарватере не видно, лодок тоже. Только, когда долетели до предполагаемого места рыбалки, увидели лодку, вытянутую на берег, но людей нигде не оказалось. Отвернули от речки и полетели к избе. Мещерский заложил несколько виражей над избой, но никто не вышел. Далее они полетели к озеру. У озера покружились над избой, облетели его – никого не обнаружили, а диспетчер не переставал возвращать самолёт обратно.

– Поворачиваю домой, – сказал Мещерский, – Никого нет. Мне и так нагорит за уклонение от зоны полёта.

– Я согласен, – ответил Брызгалов, – Всё просматривается, людей не видно. А все нарушения сваливай на меня – выполнял инструкции инженера – а я как-нибудь выкручусь.

– Да и я выкручусь. Зря не предупредили диспетчера, я в суматохе просто забыл.

– Возвращаемся. Дальше поиски будем продолжать на земле. Рыбаки взрослые, пропасть не должны.

Полёт самолёта оказался всё же не напрасным. Вечером рыбаки позвонили по телефону. Они находились на болоте, когда самолёт облетал озеро. Сигнал подать никак не могли, а развести костёр с дымом просто не успели. Увидев, что их ищут, рыбаки решили идти до ближайшего телефона, который имелся у связиста, жившего на линии. Оттуда они и позвонили.

– Мы не маленькие дети, – выговаривал Серый Якутину, – Зачем поднимать самолёт? Мы его видели, но находились в стороне от озера. А теперь идём пешком обратно домой, завтра будем на месте.

– Хорошо, что догадались позвонить.

– Мы сразу догадались, но телефонов в тайге, к сожалению, нет.

– Ладно, не кипятись. Возвращайтесь, не один я волнуюсь. Техники, как узнали, что река замёрзла, все по очереди ко мне подходили. Расстояние знают все, поэтому и волнуются.

Этот телефонный звонок снял у всех напряжение. Больше никто не волновался. Все знали, раз люди идут, значит, когда-нибудь дойдут. Дорога хоть и длинная, но для местных жителей, знающих лес, территорию и умеющих спать и есть при любых обстоятельствах и в любых условиях, эта дорога большой сложности не представляла.

Якутин повеселел и, как обычно, отпускал шутки направо и налево, не забывая уделять внимание женщинам. Он вызвал Брызгалова и Язёва.

– Вот что, мужики, раз наши потеряшки нашлись и ничего больше не отвлекает, я предлагаю вам заняться котельной. Заставить что-то делать, я не могу, поэтому прошу. Лучше специалиста, чем Ефим Ильич, мне сейчас не найти, а Виктор будет на подхвате, заодно научится быть сантехником. Наверху с руководителем предприятия я всё решил. Если согласитесь, вам необходимо подойти к заму по наземным службам, оговорить оплату и все детали. С оплатой, меня заверили, вас не обидят. Два котла уже есть, приехали на барже. Ваше дело – монтаж котлов и обвязка.

Ефим Ильич, как обычно, с ответом не спешил.

– Заняться, конечно, можно, но не хочется работать бесплатно, – наконец проговорил он.

– Кто же заставляет работать бесплатно? – Якутин даже привстал из-за стола, – Я же сказал – с оплатой не обидят.

– Ладно, – вмешался Брызгалов, – Берёмся. Ефим Ильич будет меня учить. В эти выходные дни и приступим.

– Тогда бросайте все дела, идите в штаб и решайте вопрос, чтобы к выходным дням всё было готово. От работы я на сегодня вас освобождаю.

Язёв с Брызгаловым сходили в штаб и уехали на рыбалку. Когда ещё так неожиданно появятся свободные часы? Выходной день начинается только завтра, а сегодня полдня совершенно свободных, которые они и решили использовать по своему усмотрению. Правда, они не знали, что в этот раз их опять поймают и заведут уголовное дело.

Начальник рыбинспекции Колаев решил отличиться и наказать нарушителей правил рыболовства по полной программе. Для того, чтобы наказать, у него не имелось достаточных оснований, поэтому он стал уговаривать рыбаков, чтобы они согласились на то, что у них в лодке находилась рыба, которую они выбросили за борт.

– Я вам выпишу только штраф и всё, – уговаривал он.

Опытный Язёв никак не шёл на уступки, а Брызгалов Колаеву поверил и согласился, за что потом и попал в уголовное дело.

Рыба у них имелась, они её привезли домой, но настроение окончательно оказалось испорчено, а также это означало и то, что дорога на рыбалку для них будет временно закрыта.

К работе с утра на следующий день они приступили с мрачным настроением.

Котлы оказались старые, бывшие в употреблении. Имея невзрачный вид, они ещё всё же могли послужить. На их сборку ушёл весь день. Фундаменты подготовлены строителями, поэтому котлы просто ставили на готовые фундаменты. Тяжёлые секции поднимали наверх, устанавливали и обжимали. К концу дня котлы оказались собраны. Язёв решил для надёжности их сжать ещё сильнее. От этого сжатия стенка старого котла не выдержала и вдавилась внутрь, отчего образовалась трещина. Настроение, которое с утра не являлось приподнятым, окончательно оказалось испорченным. Если бы это была средняя секция, её просто можно выкинуть, но лопнула секция лицевая, без которой никак не обойтись.

На другой день монтажники занимались сварочными работами. В котельную заносили трубы, вымеряли, обрезали и сваривали, монтируя краны и задвижки в нужном месте. От сварочных работ котельная заполнилась полностью дымом, который почти никуда не улетучивался, а висел плотной стеной внутри.

Пришлось работать в этом дыму. Чтобы как-то загладить вчерашнюю промашку с котлом, они проработали четырнадцать часов без отдыха. К вечеру, точнее уже к ночи, большая часть внутренних работ оказалась завершена. Брызгалов за день научился сварочным работам и к концу дня сваривал трубы, как настоящий сварщик, проверяя качество шва и оценивая свою работу.

Виктор вечером пришёл домой, кое-как напился чаю. Сил хватило только на то, чтобы раздеться. Он упал в кровать без сил. Сквозь дрему слышался за стеной плач ребёнка, мужской голос, воспитывающий жену разными «ласковыми» словами. Казалось, за стенкой вот-вот начнётся мировая война, но всё заканчивалось размеренным скрипом кровати. Виктор не знал, снится ему всё это или слышится наяву. У него сильно болела голова, тошнило, бросало то в холод, то в жар. Котлы почему-то разрастались, нависали над ним, окружали со всех сторон, давили, мешали дышать. Он подумал: «Скорее бы заснуть, чтобы избавиться от этих котлов», но он спал. Одеядло свисло на пол, но холода Виктор не ощущал. Лоб покрылся липким потом. Уши и нос заложило. Брызгалов тяжело дышал. Сейчас он просто, кроме давивших котлов, ничего не чувствовал.

Проснулся Виктор строго по времени. До работы оставалось тридцать минут. Он попытался встать, но не смог. Сильно кружилась голова, перед глазами вращалась комната. Виктор упал обратно на подушку. «Сегодня беру прогул», – подумал он, – «Кажется, заболел». С этой мыслью он провалился в забытьё...

Зимин находился в командировке, а Володя Аркадьев и его жена ушли на работу. В пустой квартире, кроме Брызгалова, больше никого не осталось. После работы к Брызгалову зашёл Якутин.

– Ты чего не пришёл на работу? – и, видя его состояние, спросил, – Заболел?

– Не знаю, не могу встать.

– Температуру мерял?

– Нечем.

– Сейчас принесу, – Якутин сбегал домой, принёс градусник.

За две минуты набежало сорок градусов. Якутин, не поверив показаниям, стряхнул градусник и снова поставил.

– Сколько? – спросил Виктор, когда Якутин снова посмотрел на шкалу.

– Показывает сорок, наверно мой градусник неисправен. Ты лежи, я сейчас вызову врача и организую тебе поест. Язёв сегодня тоже почему-то не пришёл на работу. Мы подумали, что вы объявили забастовку.

Приехавший доктор сразу не мог поставить точный диагноз. Признаков простуды он не обнаружил.

– Наверно я надышался дымом и угорел, – сказал Виктор.

Он поведал, как варили трубы и как работали в густом дыму.

Постепенно они вспомнили, что трубы варили оцинкованные. Картина стала ясной. Работники получили сильнейшее отравление цинком через дыхательные пути. Стало понятно, как и от чего следует лечить.

На следующий день температура стала нормальной. Брызгалов и Язёв пришли на работу, но этим случаем всё руководство сильно напугали. Даже за выведенный из строя котёл Язёва сейчас не журили. Для командира просто прибавилась очередная головная боль: искать стенку котла вместо лопнувшей.

Свою часть работ Язёв и Брызгалов завершили. Оставалась опрессовка, без которой никак не проверить качество работ, а опрессовка зависела от замены стенки котла. Якутин решил, что доводкой котлов займутся те люди, которые будут приняты на работу в котельную. Своих работников он отправил на основную работу.

Вплотную подступала зима, поэтому к зимним холодам готовили самолёты, здания, навели порядок на территории. Якутин прежде всего решал вопросы обогрева работников. Котельная должна отапливать здание и док. А немного в стороне от этих зданий стоял технический домик, обогреваемый железной печкой, где ютились техники, обслуживающие прилетающие самолёты.

Количество рейсов больших самолётов стало уменьшаться. Самолёты Ли-2 и ИЛ-14 в смежном предприятии один за другим списывались и пускались на металлолом. Вся рейсовая работа ложилась на плечи труженников АН-2.

Пилоты постепенно переходили на зимнюю форму одежды, забираясь в тёплые куртки и демисезонные штаны.

Снег выпадал, таял и снова покрывал землю, по утрам скованную в ледяной панцирь морозом.

Брызгалову пришла повестка, предписывающая явку к следователю. Местный следователь Веткин сразу попытался взять быка за рога. Чувствуя, что с Язёвым разговор будет трудным, он взялся сначала за Брызгалова, как ему казалось, молодого, неопытного и наивного.

Виктор у следователя присутствовал первый раз, поэтому не знал, как себя вести. Он исправно отвечал на вопросы, по его мнению, очень простые и логичные. Только сейчас он стал осознавать, насколько оказался прав Язёв, что не поддался на уговоры инспектора. Следователь, задавая самые невинные вопросы, пытался уличить Виктора в том, что в лодке находилась рыба. Он периодически возвращался к одним и тем же вопросам, упорно задавая их в который уже раз. Веткину по мнению Виктора абсолютно всё равно, кто перед ним сидит. Его задача заключалась в том, чтобы уличить собеседника в неправомерных действиях, «сострять» дело и получить от начальства благодарность. Больше его, по мнению Виктора, ничего не интересовало. От рыбы Виктор сразу отрёкся, сославшись на то, что инспектор их шантажировал.

Веткин считал, очевидно, себя великим психологом, пытаясь «вывернуть Виктора наизнанку». Брызгалов сразу это понял и сослался на отсутствие памяти, так как спал пьяный в лодке и ничего не видел, а Язёв его просто вёз, как пассажира.

Сколько Веткин ни бился, ничего существенного вытрясти из Брызгалова не смог. Допрос длился два часа, рукой следователя исписаны несколько листов бумаги, но ничего существенного в них не появилось. Следователь подробно описал ночь, луну, звёзды, имущество в лодке, в которой кроме топора с чешуёй рыбы ничего существенного не имелось. Откуда на топоре чешуя, Виктор сказал, что не знал, поскольку топор не его и он к нему не прикасался. В описании также появилось их чаепитие на берегу, после которого Виктор лёг спать, а разбудили его голоса на повышенных тонах.

– Вы свободны! – сказал, наконец, следователь, – Возможно, я Вас ещё вызову.

Но он вызвал Язёва, который примерно всё подтвердил, а про топор сказал, что нашёл его на берегу и кинул в лодку. А что там, на топоре имелось, он в темноте не разглядывал.

Брызгалова больше не вызывали. Через несколько дней Тайбольские слухи донесли, что вызывают на допрос инспекторов рыбоохраны, которым приписывают шантаж рыбаков.

Уголовное дело свернули и прекратили за отсутствием состава преступления. Облегчённо вздохнули не только Язёв и Брызгалов, но и Якутин, и Галич, и даже Мовиль, который прекрасно понимал, что значит потерять специалиста, которых и так явно не доставало.

Зима наступила, как всегда, неожиданно и нежданно. Внезапно ударили сильные морозы и, что бывает редко, с сильным ветром, который принёс откуда-то с запада мощные тучи. Зарядили сильнейшие снегопады, которые мигом покрыли землю мощным слоем снега. Занесло не только взлётные полосы, но и стоянки, и самолёты, и дороги, и тропинки. Ходить на работу приходилось, преодолевая сугробы. Полосу и рулёжные дорожки чистили машины, а тропинки приходилось натаптывать собственными ногами, увязая по колено в снегу.

Естественно, что самой первой протаптывалась тропа в столовую, которую не могли сравнить с землёй никакие ураганы. Пункт питания являлся точкой опоры для зарядки хорошим настроением на целый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.